

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

10(22) 2007
декабрь

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№10'2007

Общество

■ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

О. Оберемко

Типология личных подсобных хозяйств в контексте
нацпроекта “Развитие АПК” 5

■ СЕ М А Н Т И К А

И. Шмерлина

Кого отбирает “естественный отбор”22

■ Н А Ш Д О М

Е. Васильева

“Квартирный ответ” на “квартирный вопрос”:
представления россиян об идеальном жилье26

■ С А К Р А Л Ь Н О Е И З М Е Р Е Н И Е

И. Забаев

Основные категории хозяйственной этики современного
русского православия (*Окончание*)36

■ Ц И Ф Р Ы

Опросы без комментариев47

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”

Иван Климов
“Цифры”

Людмила Преснякова
“Между прочим”
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова

Ответственный секретарь
Мария Каневская

Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская
Светлана Королькова

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Александр Галицкий
Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд “Общественное мнение”

Президент
Александр Ослон

Директор по исследованиям
Елена Петренко

Директор по технологиям
Алексей Чуриков

Финансовый директор
Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать
10.01.2008 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Форум

■ **САКРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

А. Муравьев

Социальная альтернатива русского
старообрядчества65

Мастерская

■ **СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ**

Б. Докторов

Методология и практика опросов
обогащенного общественного мнения81

■ **МЕЖДУ ПРОЧИМ**

Так говорил респондент, или Собачья жизнь...63

И. Шмерлина

Собаки и их владельцы35

Е. Вовк

Отношение россиян к платному телевидению63

■ **СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ**

“Социальная реальность” в 2007 году95

OR B T E E R O

О. Оберемко

Типология личных подсобных хозяйств в контексте нацпроекта “Развитие АПК”*

Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) как элемент социальной реальности с момента своего появления в эпоху тотальной коллективизации вызывает эмоциональные споры. Его существование – как пережитка прошлого – было “нетеоретичным” в советскую эпоху; в неолиберальную риторику постсоветской эпохи оно не вписывается по сходным соображениям¹. На протяжении всего периода существования ЛПХ государственное регулирование было направлено на борьбу с “нетрудовыми доходами”, которая осуществлялась уже в послесталинские годы через принудительное обобществление скота, “секвестирование” приусадебных участков, попытки налогообложения фруктовых деревьев, разорение теплиц и тому подобные меры. Старшее поколение до сих пор помнит об этой практике государственного регулирования. И вдруг в проекте – Приоритетном и Национальном, да отдельной строкой – целое направление: “Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе”.

Приоритетный национальный проект (ПНП) “Развитие АПК” предусматривает стимулирование хозяйственной, в том числе товарной, деятельности ЛПХ. Тем самым подтверждается закреплённая федеральным законодательством норма, согласно которой ведение ЛПХ, по существу, является *товарной предпринимательской деятельностью*. Однако с точки зрения *высокой теории* ЛПХ представляет собой *архаичную форму хозяйствования* по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, ЛПХ несовременно, потому что имеет *ограниченный*

* Статья подготовлена в рамках проекта Фонда “Общественное мнение” “Социологическое наблюдение ЛПХ в Краснодарском крае”, реализованного автором в марте – мае 2007 года.

¹ Об общности (ошибочной) позиции марксистов и неолибералов относительно судьбы некапиталистических предприятий см., например: [Portes, Sassen-Koob. 198. P. 32-36].

потенциал для роста производительности труда. Во-вторых, производственная деятельность ЛПХ систематически *не отражается в статистике и не подлежит налогообложению*, что позволяет отнести ее к сектору неформальной экономики, то есть к “совокупности видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической и налоговой отчетности” [Радаев. 2005. С. 179]. С этой точки зрения поддержка товарной деятельности ЛПХ противоречит систематическим усилиям, направленным на снижение удельного веса неформальной (небюрократизированной) экономики. В-третьих, ввиду отсутствия каких-либо квалификационных требований производственная деятельность ЛПХ *не является профессиональной*, а следовательно, едва ли может эффективно регламентироваться узкоспециализированными нормативами качества, стандартизации, санитарных и других условий.

Приведенная аргументация в пользу несовременности ЛПХ – как *критика поддержки ЛПХ* – особенно убедительно звучит *в отрыве от повседневного социального контекста и от Основного закона РФ* – Конституции, согласно которой Россия – социальное государство. Как ни обидно, эти два обстоятельства нужно учитывать при формулировании и экономической, и социальной политики.

Первый тезис – об ограниченности роста производительности труда в ЛПХ – находит обоснование в теориях *трудового крестьянского* (то есть некапиталистического) хозяйства А.В. Чаянова [Чаянов. 1989] и *моральной* (то есть некапиталистической) *экономики* Дж. Скотта [Scott. 1976]. Согласно первой теории, для крестьянского хозяйства важна не индивидуальная производительность труда, а занятость членов семей; согласно второй, более современной теории в зоне рискованного земледелия (а иных зон в России просто нет, и даже Кубань не является исключением) проблема каждодневного прокорма важнее возможной, но не гарантированной при неконтролируемых рисках прибыли [Нефедова, Пэллот. 2006. С. 251]. При этом не следует думать, что предпочтение синицы (малой, но надежной выгоды) журавлю (большому, но рискованному выигрышу) свойственно только “деревенщине” с ограниченным кругозором. Точно такие же предпочтения психологи Д. Канеман и А. Тверски обнаружили, анализируя результаты опросов “продвинутых” горожан (в частности, студентов-экономистов) [Kahneman, Tversky. 1979; Tversky, Kahneman. 1992].

Но даже если не верить нобелевскому лауреату по экономике за 2002 г. Д. Канеману и приписывать невосприимчивость к “рациональному экономизму” исключительно крестьянам, то следует учесть, что “при 73% населения, живущего в городах, по показателю структуры занятости Россия – аграрная страна. Суммарные трудозатраты агропроизводства с учетом хозяйств населения... до сих пор выше, чем в промышленности”, а “роль собственной продукции в питании

граждан огромна. От своего огорода и часто скотины зависят 92% сельских жителей и 44% горожан” [Нефедова, Пэллот. 2006. С. 35, 37].

Что касается второго тезиса, то он неверен по сути, поскольку ПНП “Развитие АПК” как раз предполагает стимулировать кредитами выход из тени. В известном смысле этот нацпроект имеет образовательную составляющую, эффективности которой может позавидовать даже ПНП “Образование”: обучение происходит не за партой, а в деятельности, обусловленной рыночной институциональной средой, издержки обучения участвующие стороны несут на паритетной основе и т. п.

Третий тезис представляется наиболее серьезным, однако возражения, высказанные относительно первых двух тезисов, применимы и здесь: 1) носителям капиталистического мышления со страной не повезло, 2) обучение профессионализму вполне можно заложить в программные мероприятия по развитию рыночной институциональной среды.

Как противники, так и сторонники поддержки ЛПХ видят в ней прежде всего элемент социальной, а не экономической политики.

Среди социальных целей называются:

- обеспечение самозанятости населения, высвобождающегося в ходе реформирования АПК;
- предотвращение пауперизации сельского населения;
- сохранение заселенности сельских территорий и обеспечение социального контроля над ними;
- повышение уровня самообеспечения сельского населения продуктами питания и др. (см., например [Концепция... Раздел 1. 2006]).

Все эти цели могут считаться *лишенными экономического смысла* лишь по недоразумению – или в рамках такой модели экономики, для которой количество и качество трудовых ресурсов, а также социальный контроль над пространствами экономической деятельности нерелевантны. Однако возникает вопрос о внешней валидности такой модели, то есть о ее применимости к социальным реалиям.

Наряду с неэкономической аргументацией за *идеологией* поддержки ЛПХ стоят и прагматические соображения: хозяйства населения России в XXI веке производят более половины валового сельскохозяйственного продукта страны. Например, в 2003 г. всего на 3,3% сельскохозяйственных угодий было произведено 52% сельхозпродукции [Сельское хозяйство. 2004. С. 37]. При этом в последние годы отчетливую тенденцию к росту производительности статистика отмечает только у фермеров (частных предпринимателей), чей вклад в сельскохозяйственный ВВП не превышает 5%. Стимулы к развитию производства, предусмотренные в ПНП “Развитие АПК”, действовали для предприятий формального сектора АПК и до 2006 г., однако к коренному улучшению ситуации не привели (см. [Концепция..., раздел 1. 2006]). Таким образом, недостаточная эффективность крупных и фермерских хозяйств *на территории России* заставляет делать ставку на малую, архаичную хозяйственную единицу.

Ввиду сильной внутренней дифференциации сектора, которая свойственна всякой неформальной экономике, налоговые и процедурные привилегии

Как противники, так и сторонники поддержки ЛПХ видят в ней прежде всего элемент социальной, а не экономической политики

обеспечивают реализацию социальных функций в широком диапазоне – от элементарного выживания для низших слоев до первоначального накопления капиталов для высших слоев, которые в краткосрочной перспективе становятся кандидатами на утрату установленных законом привилегий и переход в разряд предпринимателей.

В плане оздоровления отрасли практический эффект от поддержки ЛПХ – финансовыми и товарными кредитами, *временным* освобождением от налогов на предпринимательскую деятельность и т. п. – будет зависеть от того, насколько

предлагаемые правила и процедуры их применения способствуют селекции “способных игроков” и препятствуют приходу в эту сферу тех, чьи шансы на успех заведомо невелики.

В статье предлагается типология ЛПХ, которая может быть использована для определения параметров качественно различающихся целевых групп ПНП, скрывающихся за определением “личное подсобное хозяйство”. Эмпирическую основу статьи составляет массив данных, собранных с 29 марта по 10 апреля 2007 года в ходе экспедиционной поездки в два района Краснодарского края. Были проведены интервью примерно с 70 информантами². Основу массива данных составили индивидуальные и иногда групповые

(2–5 собеседников) свободные интервью на заданную тему. Каждое интервью начиналось с озвучивания цели исследования: посмотреть, как идет национальный проект по развитию АПК. Представление данных в исследовании, выполненном в этнографической традиции, ставит проблему анонимности информантов. Отбор цитат для публикации диктуется не интересом к персоне или месту, а типичностью. Поэтому для соблюдения анонимности все имена информантов и названия районов изменены.

От исследования, проведенного в качественной стратегии, не следует ожидать типологии, построенной на объективных основаниях, и, тем более, количественной оценки распространенности выделенных типов. Однако качественная методология может быть полезна при построении типологий, основанных на субъективных параметрах, связанных с мотивами хозяйственной деятельности и самоопределением в социальном пространстве, то есть с параметрами *действенной социальной идентификации* [Оберемко. 2007].

“Усредненное” ЛПХ – средняя температура по больнице: трудности типологии

Эффективность ведения сельского хозяйства зависит от природно-климатических условий. Использование калькулируемых, *объективных* показателей в экономико-географическом зонировании связано с неопределенностью даже в выборе масштаба: “Для каждого вида географической зональности существует ог-

² Более точный подсчет вряд ли целесообразен, поскольку с разными информантами было записано от одной до шести бесед разной длительности (от 5–7 минут до трех и более часов), причем содержательное обсуждение сюжетов могло продолжаться в разных составах и по несколько раз.

В плане оздоровления сельскохозяйственной отрасли практический эффект от поддержки ЛПХ будет зависеть от того, насколько предлагаемые меры способствуют селекции “способных игроков” и препятствуют приходу туда тех, чьи шансы на успех заведомо невелики

раниченный диапазон масштабов географических карт, на которых границы зон могут быть показаны достаточно правдоподобно” [Родоман. 1999. С. 61]. Еще более остро проблема неопределенности стоит в отборе базовых показателей для зонирования. И даже если экспертам удастся прийти к согласию по поводу масштаба и набора базовых показателей, за скобками остаются “самые интересные” признаки, с помощью которых только и можно объяснить эмпирическое разнообразие предприятий внутри одной зоны. Это касается крупных хозяйств, которые по определению характеризуются большей устойчивостью:

“В одном из номеров <издания Законодательного собрания Краснодарского края> вообще ужасающие цифры. Два колхоза [рядом расположены, со сходной специализацией], приблизительно одинаковое количество гектаров земли, в одном работают 600 человек, в другом – 25. Вот такой перепад” (чиновник краевого аппарата управления).

Тем более это касается ЛПХ, поскольку малый размер делает его уязвимым для влияния как любого фактора, взятого отдельно, так и любой конфигурации факторов: малая хозяйственная единица всегда неустойчива, а достигнутая равновесная факторов в любой момент может нарушиться даже краткосрочными изменениями во внешней или во внутренней среде. Например, производство яиц или молока в домашнем хозяйстве (не самые зависимые от изменчивых погодных условий занятия) может быть выгодно в 20 минутах езды (без пробок) от места сбыта, а в 50 минутах – уже убыточным из-за расхода бензина и времени на дорогу, особенно если реализатор сам включен в непрерывный производственный процесс.

“Кто-то <...> зарабатывает очень хорошие деньги, кто-то зарабатывает деньги средние, кто-то зачастую не может окупить взятый кредит. И работает <...> [= очень интенсивно]. В принципе это все экономическая география. Это все определено такими условиями, как распределение рынков сбыта, плотность населения и количество доступного человеку ресурса. В рамках одного даже муниципального района могут быть разные зоны. <...>

Расслоение огромное. То есть нет просто ЛПХ. Если и осуществляют какие-то попытки говорить об усредненном ЛПХ, это все равно, что средняя температура по больнице. <...> Иными словами, есть зоны, где рентабельно хозяйствование в рамках ЛПХ, и зоны сниженной рентабельности, есть практически нулевые зоны. <...>

Везде разный уровень рентабельности на одной и той же культуре” (чиновник краевого аппарата управления).

При этом все способы “нормального” повышения рентабельности производства быстро достигают своих пределов эффективности, за которыми начинают возрастать риски неустойчивости. Несоразмерное внимание к отдельным факторам производства и сбыта ведет к парадоксу: чем рентабельнее ЛПХ, тем менее устойчивым оно становится, а чем устойчивей, – тем менее рентабельным. И все – из-за малого размера, следствием которого является малая величина прибыли и ее нерегулярность,

потому что год на год не приходится. В один год можно подняться, а на следующий год уйти в минус.

Одновременно стремиться и к рентабельности, и к устойчивости, судя по рассказам крестьян, не получается из-за изменений конъюнктуры на разных рынках, от которых зависит маленькое отдельное ЛПХ. А конъюнктура очень изменчива.

На пути увеличения производительности ЛПХ стоит ряд ограничений. Во-первых, пределы их технического оснащения. Универсальные средства механизации есть, но их немного, так что при смене отраслевой направленности (а она периодически неизбежна вследствие изменчивости конъюнктуры) нужно будет перевооружаться заново. А побывавшее в употреблении оборудование не слишком ликвидно в пределах локальных рынков. Если тебе невыгодно определенное производство, соседу оборудование не продашь – он работает на тех же рынках. Таким образом, приобретение слишком дорогого и слишком специализированного оборудования оказывается рискованным, так как в условиях изменчивой конъюнктуры оно может не успеть окупиться.

Во-вторых, производительность можно увеличивать за счет интенсивности живого труда, но на этом пути быстро возрастают риски для здоровья. Можно попытаться пойти по пути экстенсивного увеличения живого труда, но закон запрещает использовать наемный труд в ЛПХ. Остается привлекать родственников, что законом допускается, однако даже если родственники есть и согласны участвовать в ведении ЛПХ (что проблематично), здесь возникает риск распада внутрисемейной (или товарищеской под видом родственной) солидарности.

В-третьих, добиваться высокой производительности и рентабельности можно за счет узкой специализации, однако последняя увеличивает зависимость от одного рынка. Если специализированное ЛПХ работает на локальном рынке – а далеко не все ЛПХ в состоянии доставлять свою продукцию на большие расстояния, – то риски увеличиваются в двух случаях. С одной стороны, неурожай, падеж скота и т. п. ведут к невосполнимым убыткам, от того что “все яйца в одной корзине”. С другой – опасен и большой урожай: если уродится, то уродится

и у соседей, вследствие чего упадут цены сбыта (как говорили крестьяне во время интервью, “не будет цены”).

Снизить зависимость от одного рынка можно за счет диверсификации, но она увеличивает трудозатраты и материальные затраты на запуск и ведение производства: оборудование, инструменты, механизация, постройки, семенной материал, удобрения, корма и т. п. Тут требуется увеличение необходимых объемов оборотных средств. Это особенно важно в ситуации, когда рост стоимости ведения производства в разы обгоняет рост цен на конечный продукт. Для руководителей сельских предприятий диспаритет цен стал “страшным понятием” [Нефедова, Пэллот. 2006. С. 33].

Чтобы диверсификация не приводила к снижению производительности, нужно быть универсалом. Универсальности можно достичь только в том случае, если хозяйство по своим размерам не перерастает определенные пределы, за которыми стремление к универсальности превращается уже в некомпетентность, увеличивающую риски.

Несоразмерное внимание к отдельным факторам производства и сбыта ведет к парадоксу: чем рентабельнее ЛПХ, тем менее устойчивым оно становится, а чем устойчивей – тем менее рентабельным

При диверсификации возрастает число рынков, в которые включается ЛПХ. За ними нужно постоянно следить, поэтому диверсификация производства внутри ЛПХ требует внутрисемейного разделения труда: либо по линии собственно производства и его обеспечения (разделение на предметную и менеджерскую деятельность), либо по линии специализаций, когда каждый целиком ведет свое направление. Во втором случае усиливается значение общего менеджмента, предметом которого являются находящиеся в распоряжении семьи (ЛПХ) разнообразные ресурсы: трудовые, финансовые, материальные, технические.

Таким образом, требуется привлечение новых трудовых ресурсов. Учитывая напряженность труда в ЛПХ, даже кратковременное недомогание или ссора в семье могут оказать серьезное дестабилизирующее влияние на хозяйство в целом.

Что из всего этого следует? Успешное развитие требует постоянного поиска оптимальной стратегии и тактики в неопределенной ситуации. Для развития важен не объем *отдельных* ресурсов, которые можно привлечь и максимально использовать. Гораздо важнее соблюдать *соразмерность, баланс* в использовании разных ресурсов, поскольку нагрузка на один ресурс, который может показаться эластичным – неисчерпаемым, доступным, дешевым, – предполагает увеличение нагрузки и на другие ресурсы, которые могут оказаться гораздо менее эластичными. Для малоресурсной хозяйственной единицы, каковой является ЛПХ, это принципиальный момент. Малый объем ресурсов сокращает время, в течение которого можно скорректировать хозяйственное поведение. Тем более что это время и без того ограничено природными циклами, жестко диктующими сроки и качество выполняемых технологических операций (как в растениеводстве, так и в животноводстве).

С одной стороны, неурожай, падеж скота и т. п. ведут к невозполнимым убыткам, от того что “все яйца в одной корзине”. С другой – опасен и большой урожай: если уродится, то уродится и у соседей, вследствие чего упадут цены сбыта

Типы программ ведения ЛПХ

В ходе анализа собранных интервью был выделен ряд категорий, связанных с мотивами хозяйственной деятельности, используемыми видами капиталов (социального и личностного) и самоопределением в социальном пространстве. Эти категории объединяются интегрирующим понятием “программа”. Мы будем различать три такие программы: (1) программу выживания, (2) программу семейного развития и (3) программу развития бизнеса.

Этим трем программам соответствуют комплексы мотивов, преимущественно связанных с (1) принуждением (экономическим по природе – “надо как-то кормиться”), (2) нормативными представлениями (“чтоб как у людей”, “детей поднимать”), (3) с интересом (“бизнес развивать”) [Радаев. 2005. С. 95–100]. Последняя ориентация не является чисто экономической, поскольку *отражает* притязания на относительно высокий социальный статус в местном сообществе, если притязания уже сформированы, или стимулирует статусные притязания, если “лично-подсобный” бизнес идет успешно и сопровождается “естественным” наращиванием социального капитала. Предлагаемая типология

по своему содержанию сходна с дихотомическим делением семейных хозяйств, в котором на одном полюсе помещены хозяйства с преобладанием приспособительно-пассивного поведения, а на другом – активного рыночного [Нефедова, Пэллот. 2006. С. 251].

Мы рассмотрим особенности реализации программ в основном применительно к тем ЛПХ, владельцы которых стали активными участниками ПНП “Развитие АПК”, то есть воспользовались открытыми кредитными линиями.

Не исключено, что сходные сценарии реализуются и теми ЛПХ, которые никаких кредитов не берут, работают “на своих деньгах” или привлекают ресурсы для ведения и / или развития своего хозяйства из других источников.

Тип 1. Программа выживания: “надо как-то кормиться”

Среди участников ПНП такие ЛПХ – редкость, поскольку они крайне редко удовлетворяют условиям входа по причине малого объема совокупных капиталов. Если это и происходит, то, по-видимому, за счет социального капитала – связей со статусными членами своих местных сообществ. Сходную роль для входа в нацпроект социальный капитал выполняет и для мелких фермеров, которые за время своего существования не сумели нарастить производственные ресурсы. Нам встретились случаи, когда именно личные связи позволяли крестьянину контактировать с банком не напрямую, а через посредничающий институт – кредитный кооператив. Роль посредника в этих случаях заключается в смягчении жестких банковских правил предоставления кредита, которые не предусматривают гибких схем субсидиарной ответственности и доверия на некалькулируемых основаниях.

Такие ЛПХ – буквально личные и буквально подсобные. Они мелкотоварные и ведутся кустарными способами. В основном их деятельность ориентирована на самообеспечение. Ведут такое хозяйство незанятые или занятые в свободное от основной (и низкоэффективной) деятельности время члены семьи с низким потенциалом пространственной мобильности. Масштаб хозяйственной деятельности – узко локальный: необходимые ресурсы добываются в родственном и соседском окружении,

в самом крайнем случае осуществляется выход на локальные рынки. То же касается и сбыта: господствует натуральный обмен внутри семейных и соседских сетей.

Небольшие излишки реализуются на локальных рынках, однако в таких ЛПХ больше ценятся заготовители, которые регулярно объезжают своих клиентов и скупают продукцию на дому. С такими заготовителями стараются установить личные отношения. (Более ресурсообеспеченные крестьяне, претендующие на самостоятельную реализацию своей продукции, таких заготовителей неласково называют “перекупщиками”.) Крестьянский образ жизни эти ЛПХ ведут скорее вынужденно: в хозяйственной деятельности сверхусилия ради благ, превышающих чрезвычайно скромные потребности, не характерны.

⇒ Пример

В 30 км от райцентра – небольшое село, где до середины 1990-х было крупное хозяйство, других предприятий не было и нет, за исключением магазина. Семья из четырех человек – супружеская пара, ребенок до года и бабушка-пенсионерка – живет в своем кирпичном доме постройки 1970-х годов с жилой площадью около 40 м². Муж – глава семьи, около 30 лет, временно работает охранником на небыстро восстанавливающейся ферме, зарплата до 1500 рублей в месяц, кроме того, бывают нерегулярные подработки. Супруги без специального образования.

По товарному кредиту получили двух телок, на денежный кредит реконструировали сарай, где держат коров, и купили брикеты сена, которые хранятся под открытым небом. До кредитов КРС не держали – без кредита не могли бы купить корову. От коров получают молоко – “ребенку надо”, излишки покупает у них на дому заготовитель, который приезжает каждый день (объезжает ЛПХ по маршруту). Своего транспорта нет, и предложенная идея о том, чтобы самим реализовывать молоко по более высокой цене, в разговоре не только поддержки, но и никакой реакции не встретила. Надеются на приплод. Хозяйство содержат кустарно (“держим, как все держат”). По словам молодой хозяйки, много времени хозяйство не отнимает, расширять его они не собираются. Отношение к скотине сдержанное, следов особой заботы не видно. Во дворе не очень опрятно. Жизнь ведется размеренная, неторопливая. Основной ресурс семьи – собственный дом.

В этом описании вовсе не обязательно искать основания для выводов о личностных качествах членов хозяйства. Более правомерен вывод о том, что семья, обладающая ограниченными ресурсами, в сложившихся структурных условиях не видит *рационального* смысла³ в расширении своей хозяйственной деятельности.

Сходную стратегию выживания мы наблюдали и в одном малоземельном *фермерском* хозяйстве (КФХ, Предгорный район): около 50 га земли, трактор, недостроенный дом, хозяева держат шесть элитных коров, приобретенных по товарному кредиту. На этих элитных коров хозяева прямо-таки молятся, поскольку именно с ними связаны надежды на то, чтобы достроить дом и начать жить по-человечески. При этом своего транспорта у них нет, и каждый день хозяйка на рейсовом автобусе едет в райцентр, чтобы сбывать там молоко на рынке; переносимые ею тяжести превышают все допустимые медицинские нормы.

“Объективный” подсчет покажет, что ресурсов в этом КФХ гораздо больше, чем в описанном ЛПХ. Земля и трактор хотя бы отчасти снимают проблему обеспечения кормами, однако находящиеся в распоряжении хозяев большие материальные ресурсы требуют больших трудозатрат и оборотных средств. При этом заметной разницы в качестве жизни мы не увидели – оба случая отнесены к выполнению программы выживания. Зато налицо разница в объеме

“Программа выживания”: мелкотоварные, “кустарные” ЛПХ, ориентированные на самообеспечение, господствует натуральный обмен внутри семейных и соседских сетей

³ Здесь “рациональность” трактуется не в экономическом, а экономсоциологическом понимании [Радаев. 2005. С. 104–111].

ответственности и интенсивности труда. Это сравнение показывает, что при определенных структурных условиях отказ от интенсивной хозяйственной деятельности может быть не только субъективно, но и объективно рациональным.

Тип 2. Программа семейного развития: “надо детей поднимать”

В интервью с представителями ЛПХ второго типа слово “выживание” тоже звучало, но имело несколько иной смысл, нежели в хозяйствах первого типа: речь шла не о простом выживании в условиях принудительных экономических ограничений, а о достижении определенных стандартов качества жизни, прежде всего для детей (воспитание и обеспечение возможности для получения ими высшего образования), но заодно и для себя – например, строительство более просторного дома или расширение старого. Другая особенность хозяйств семейного сценария – высокая интенсивность труда.

Типичными являются семьи супругов молодого и среднего возраста с двумя и более детьми, энергичные, проживающие в небольших населенных пунктах или малых городах (с отсутствием выбора альтернативной занятости), имеющие (в силу ориентированности на семейный сценарий, в рамки которого переезд в город без собственного жилья не укладывается) ограниченные возможности для трудовой миграции (удаленность от крупного города, отсутствие нужной для городской занятости квалификации). Экономическую основу таких ЛПХ составляют 2–3 направления производства; доминирует одно направление, остальные играют роль подстраховки. ЛПХ часто является основным и даже единственным местом занятости взрослых членов семьи.

Хотя здесь ценятся приобретенные знания (через обмен опытом в общении и чтение) и собственный опыт работы по определенным направлениям, в таких хозяйствах бизнес как определенная профессиональная деятельность, требующая *ради развития дела* инвестиций в различные виды капитала, в том числе в повышение профессиональной компетентности и специальное техническое оснащение, не является главной целью. Владельцы таких ЛПХ, говоря о перспективе выполнения семейной программы – поставить детей на ноги, – озвучивали возможность сократить объемы бизнеса и даже вовсе оставить это дело, если его ведение будет требовать чрезмерных физических (здоровье) или иных (очень много времени уходит) затрат.

Примечательно, что в таких домохозяйствах члены семьи числятся на работе в формальном секторе, однако присутствие в нем по возможности сокращено до минимума⁴ из-за крайне низкой оплаты труда на селе (даже у специалистов с высшим образованием). Если минимизировать присутствие на работе не удастся, тогда типичный выход – полный переход из формального сектора в неформальный⁵. Речь идет не о вынужденном увольнении, а об отказе от “непыльной” постоянной занятости в пользу более материально привлекательного варианта.

Как еще одно свидетельство доминирования семейного сценария можно отметить озвучиваемую готовность сменить направление бизнеса при небла-

⁴ В сезон зарплата занятого в ЛПХ может делиться между присутствующими на работе сотрудниками.

⁵ О типичности такого перехода см.: [Portes A. Sassen-Koob. 1987. P. 36–37].

гоприятной конъюнктуре, перейти на иные культуры и направления или искать альтернативную занятость с более высоким доходом. Конечно, перераспределение трудовых ресурсов под влиянием экономических факторов – вполне естественное дело, теории соответствует. Тонкость заключается в том, что при столкновении с трудностями возможны два выхода: активная перестройка дела с выведением его на качественно иную ступень и смена деятельности. Семейный сценарий, по-видимому, способствует выбору второго варианта.

“Интервьюер: Скажите, пожалуйста, можно ли так оценить: в основном ЛПХ сейчас в районе берут кредиты для выживания или для процветания?”

Респондент (не раздумывая): Для выживания. Большая часть для выживания. Потому что кто обращается к нам – детей надо кормить, детей надо одевать. Я не слышала разговоров, что мы хотели что-то купить, что-то поднять, что-то построить. Таких разговоров вообще нет” (специалист РУСХ Пригородного района).

Отметим в приведенном фрагменте два момента. Во-первых, хотя эксперт употребил слово “выживание”, дальнейшие пояснения позволяют делать вывод, что этим словом обозначается выполнение семейной программы, цель которой – вырастить и поставить детей на ноги. Во-вторых, вопросу предшествовал разговор о том, насколько в районе среди крупных ЛПХ (о них и шел разговор) распространено строительство оборудованных хранилищ, чтобы не сдавать продукцию в сезон по низким ценам, а подождать до зимы. Поэтому “что-то купить, что-то поднять, что-то построить” относится не к предметам потребления и строительству жилого дома, а к крупным инвестициям в производство.

Среди ЛПХ, следующих семейному сценарию, выделяются два подтипа, различающихся не по программным целям, а по стратегиям их достижения:

- тип 2а: *автаркия* (стремление к закрытости и автономии);
- тип 2б: *интегрированное* в широкие сети хозяйство.

Подтип 2а: автаркия

В интервью в таких хозяйствах отчетливо прослеживается недоверие к формальным отношениям, стремление избежать участия в широких социальных сетях. Во взаимоотношениях с внешним миром упор делается на личные связи

среди родственников, друзей, соседей, не требующие компромиссов и “моральных” издержек при конструировании солидарности, на реципрокные, преимущественно немонетарные обмены и максимальное (кустарное) самообеспечение (свои семена, корма и т. п.). Внутри семьи разделение труда скорее не по профессиональной специализации, а по полу и возрасту.

Отчетливо выражена ориентация на адаптацию к условиям: не на приумножение и поиск новых ресурсов, а на использование уже имеющихся возможностей и “дармовых” благ.

Наиболее показательный пример автаркии в нашей коллекции – не участвующее в нацпроекте ЛПХ: “*Страшно... Чтоб в долги не влазит*” (ЛПХ, Предгорный район). Неучастие в ПНП – единственное отличие от типичных автаркий, взявших кредит на выполнение семейного сценария.

⇒ Пример

В 30 км от райцентра – небольшое село, совхоз развалился, других предприятий нет. Супруги 35–40 лет и две дочери-школьницы. Семья ведет два направления:

1) интенсивное выращивание ранних овощей под пленкой – капуста (10 000 корней), кабачок, перец (3000 корней) – “уже привыкли”, то есть набор устойчивый, не требует дополнительных специальных знаний. Ранние овощи – основа рентабельности при ограниченности трудовых ресурсов: “*А позже нет смысла сажать*” – затраты труда большие, а цены в сезон низкие;

2) откорм свиней (в этом году было 40 голов, часть уже продали).

Живут исключительно на доходы от ЛПХ:

“Просто в деревне как, сами знаете: если на работу устроиться, копейки платят. А нужно же как-то жить”.

В сезон на огородах работают очень интенсивно, но в дополнение к овощам занялись еще откормом свиней, потому что откорм не требует больших трудозатрат:

“А что, их утром покормил, свиней, да вечером. Зашел, шлангом смыл – и все, и вся работа”.

Однако для этого направления пришлось делать инвестиции в обустройство хлева:

“Респондент: Да. У нас и яма сливная – все как положено.

Интервьюер: Вывозите навоз?

Респондент: Не вывозим. У нас все уходит в яму.

Интервьюер: Уходит в яму, а потом?

Респондент: Вызываем эту... Отсасывает, и все. И вывозят за пределы”.

Столкнулись с ожидаемыми (потому что многие бросились заниматься животноводством) проблемами сбыта, но все-таки свиней держат:

“Интервьюер: А сбывать трудно сейчас?

Респондент: Очень.

Интервьюер: А раньше легче было?

Респондент: Легче. Сейчас нет смысла вообще свиней держать. Просто хоть как-то себе кусок мяса оставишь. Просто нет выбора у нас”.

“Автаркия” – ориентация на адаптацию: не на приумножение и поиск новых ресурсов, а на использование уже имеющихся возможностей и “дармовых” благ

Есть родственники, проживающие в том же селе, но помогают в хозяйстве только дочери:

“Респондент: *Сейчас братья-сестры ни за что не берутся. Дети...*”

Интервьюер: *Помогают?*

Респондент: *Конечно.*

Интервьюер: *А девочкам хватает времени в школе учиться?*

Респондент: *Ну а что делать? Выбор-то у нас есть сейчас? Нету выбора у нас. И детям приходится пахать, и нам”.*

Вообще идея “нет выбора” проходит рефреном по всему интервью.

Хозяйство расширять не собираются, потому что не будут управляться. Своей техники нет, пахать огороды нанимают трактор. Есть “Газель”-фургон, на ней возят продукцию по окрестным рынкам. Сдают мелким оптом торговцам, сами торгуют в розницу (жена торгует, муж сидит в машине), регулярных мест на рынках нет. Сбыт – постоянный, трудный поиск.

Хозяйство ведется кустарно, традиционно, но с соблюдением формальных требований: свиноматок оборудован сливной ямой, на мясо оформляют справки (“*Все как положено*”).

Ориентация на неформальные контакты проявилась особенно явно в следующих сюжетах. Своей земли мало, огородами “дают попользоваться соседи”, которые их сами не обрабатывают. Свиной выкармливают по традиционной технологии и свиноматок приобрели обычных, у соседей:

“Интервьюер: *А свиной выращивать учились, кончали учебное заведение?*”

Респондент: *Понаслышке. Как родители выкармливали, так и мы.*

Интервьюер: *Свиноматок откуда брали? Небось, элитные какие-нибудь?*

Респондент: *Нет. У знакомых. Продавали свиной – поросят не купили, и оставили себе на свиноматок”.*

Несмотря на то, что в хозяйстве есть своя “Газель”, для сбыта продукции дальние поездки – весьма характерные для ЛПХ с таким транспортом – не совершают (“*в пределах, немножко ездим*”), хотя, по словам хозяйки, на окрестных рынках реализовывать продукцию “*не очень выгодно*”.

Этот пример хорошо показывает замкнутость на неформальные контакты, прежде всего на ближайший круг (даже с местными оптовиками отношения скорее отчужденные). Однако в описанном случае, в отличие от других автаркий, детоцентричность не выражена отчетливо, так что с учетом рефрена “нет выбора” этот пример можно считать промежуточным между сценарием выживания и выполнением семейной программы. Напомним, что предложенная типология имеет аналитический характер: в чистом виде какой-то сценарий обнаружить трудно.

Подтип 2б: интеграция в социальные сети

Интеграция ЛПХ в разнообразные социальные сети предполагает наращивание социального и личностного, в частности профессионального, капиталов.

⇒ Пример

Супруги 30 лет, двое детей и представители третьего поколения, живут в малом городе в новом двухэтажном доме. Глава семьи и ЛПХ – муж,

Интеграция ЛПХ в разнообразные социальные сети предполагает наращивание социального и личностного, в частности, профессионального капиталов

хозяйство ведет сам (жена занята детьми), образование среднее техническое, но не аграрное. Приусадебный участок не более 4 соток, другой земли нет, ведет соответствующий бизнес (так и говорит: “бизнес”): доращивает покупных цыплят. Очень маленький участок земли и один работник (супруг) не оставляют перспектив на расширение и диверсификацию. На кредит в 300 тысяч рублей построены из хороших материалов и оборудованы два птичника. Пример специализированного ЛПХ на профессиональной основе. Везде чистота идеальная.

Когда птица “сидит”, хозяин работает интенсивно: хотя птичники во дворе, жена говорит, что в дом он заходит только чтобы поспать.

Самоучка (по книгам), регулярно консультируется с ветеринаром. Услуги ветеринара, по словам хозяина, недороги, но доступные для освоения манипуляции (в частности, прививки) освоил сам. К “теме птицы” не привязан, хотя “тему” освоил хорошо. Единственное, что не освоил, – выведение цыплят из яйца: “*трудно и рискованно*”.

Речь о производстве и сбыте изобилует экономическими терминами, примерами и обобщениями: оперируя цифрами, показал, что рентабельность с каждым годом падает. Вперед не загадывает; допускает, что придется бизнес бросать.

Иными словами, если “тема” станет невыгодной, – сменит. Бизнес ведется не ради бизнеса, а ради семьи: двор выглядит *не хуже* птичников, два импортных легковых автомобиля – не новые, но в хорошем состоянии. Во дворе много детских игрушек, не самых дешевых.

Имеет опыт предпринимательской деятельности: занимался реализацией продуктов в собственной торговой точке в розницу и мелким оптом. С коллегами-птичниками знаком по рынкам, знает по именам, только примерно осведомлен, где живут: обсуждают дела, обмениваются опытом, но не более того.

Основные отличия от автаркии состоят здесь во включенности в профессиональные круги общения не по родству и знакомству, финансовой грамотности и отчетливом понимании пользы кредитов для ведения и развития бизнеса.

Тип 3. Программа развития бизнеса

Это пример, когда малое по размерам, но интенсивное ЛПХ по доходам может превосходить не самое последнее КФХ.

⇒ Пример

Супруги 40–45 лет, сыну 23 года, живут в районном центре (малом городе), все трое работают только в ЛПХ. Специального образования ни у кого нет, что не мешает вести интенсивное, высокопрофессиональное хозяйствование по нескольким направлениям: свиньи, цыплята (не обычной, дорогой породы) от яйца, гуси от яйца и гордость – осетры в бассейне размером примерно 3×3 м с интенсивной аэрацией и микрофлорой. (Кому ни рассказывал, никто не верит, особенно заядлые рыбаки.) Супруг говорит, что первым в России придумал разводить осетров в домашних условиях: сначала думал попробовать обычную рыбу, но замахнулся на максимум. Последний раз реализовал своих осетров на Сочинский экономический форум. Платно (!) консультирует “*приезжих богатых людей*” по вопросам разведения.

Ведя сразу несколько направлений, постоянно отслеживают разные рынки: сбыт, корма, оборудование.

Каждый член семьи по-своему талантлив⁶: муж – для хозяйства золотые руки и голова, жена – гений выхаживания животных и продаж на рынке.

“Хозяин: А вообще вот смотрите, кто на рынке десятилетиями торгует, вот он в день, продавица его, продаст две туши, то она продаст пять туш. Ну если ей богом дано это.

Интервьюер: Ага, значит плюс талант.

Хозяин: У нее все – бабушки, дедушки, друзья – все идут к ней.

Хозяйка: Вот бабушка у меня возьмет 500 грамм мяса, но она на следующий день придет еще, она у меня возьмет эти 500 грамм мяса.

Интервьюер: А почему?

Хозяин: А потому что разговаривать с людьми надо.

Хозяйка: Ну, я не знаю. Найти общий язык надо с человеком.

Хозяин: Ну как, бабушка подходит, она говорит: «Бабулечка, красотулечка, ну что тебе надо, что ты ищешь? Давай мы тебе подберем», и она все равно ей затихнет эти 500 грамм” (ЛПХ, Предгорный район).

Сын, по-видимому, тоже не отстает: сам построил сауну – очень аккуратно и современно.

Из рассказа этих людей о хозяйственной деятельности видно, что предметная и социальная ориентация в ведении дела здесь сильно переплетаются: ориентация на задачу – не как себе удобно, а как надо для дела – сочетается с ориентацией на людей, с которыми связано успешное выполнение задачи. Муж в прошлом работал заготовителем, деловые связи – не только локальные, но и за пределами края (упоминали Воронеж и Москву), и навыки их завязывать сохранились. Жена – своя в системе городской торговли.

Особо упоминали о поддержании интенсивных добрых отношений с соседями. Очень характерно, что эта тема зазвучала после вопроса о навозе: часто обе темы, соединяясь, дают сильную головную боль, особенно если производящее навоз хозяйство стоит далеко не на отшибе:

“Интервьюер: А куда вы навоз вывозите, каким образом?

Респондент: Навоз? Вон, все соседи просят.

Интервьюер: А, то есть у вас проблем нет, куда навоз вывозить?

Респондент: Нет, вон видели – у меня там моторашка стоит, мотолер, навоз грузим куриный. Этот только дай. Всем соседям – они тут же его раскидывают, распахивают. <...> Сдача, бройлер, да. А бройлер – это столько говна! Каждый день чистишь. Вон килограмм 500 каждый день мы вывозим <соседям>, еще и магарыч приносят. (Смеются). А осенью начинается... Короче: кто картошку не сет, кто чеснок, кто лук, потому что навоз возим, оно лучше растет все” (ЛПХ, Предгорный район).

⁶ Во всяком случае, наша экспедиция в полном составе уехала от них именно с таким впечатлением. По крайней мере талант к коммуникации с чужими приезжими проявился точно.

Несмотря на интегрированность в разнообразные сети, на словах, подкрепленных делом, стремятся к автономии (автаркии). Птицу (правда, не всю) выводят из яйца, а не покупают, что повышает рентабельность, однако это занятие требует профессионализма. У них своя электростанция для холодильников и инкубаторов.

“У нас сейчас автономия полная, можно сказать, что мы ни от кого не зависим” (ЛПХ, Предгорный район).

В этом ЛПХ оперативное планирование своей занятости делается примерно на полгода вперед. Для повышения рентабельности все необходимое для производства покупается оптом, а поскольку сейчас, по словам хозяина, продавцы требуют стопроцентную предоплату вперед за несколько месяцев до совершения сделки (!), то глубина финансового планирования (которое подчинено планированию занятости) еще больше. Раньше в обороте было 500 тысяч рублей, сейчас никак не укладываются – доходит до миллиона (возможно, немного прибедняются). Оборачиваемость средств – 2,5–3 раза за год. Явно работает доведенная до профессионализма экономическая логика.

Все свободные средства немедленно вкладываются в производство. Купили недавно “девятку” (ВАЗ 2109) вместо “Москвича” – только после того, как он буквально развалился: *“Сейчас бизнес нужен. Если ты от него отстанешь – заклюют”* (сказано с открытой улыбкой, даже весело).

Построенный из итальянского кирпича птичник выглядит лучше, чем дом, так что мы долго не могли понять, почему жилой дом они называют птичником, пока не заглянули внутрь. О доме говорят: *“Завалится скоро”* (как “Москвич”).

Это в своем роде уникальное ЛПХ. Таких на тысячу зарегистрированных – единицы, но даже на этом подворье было очевидно: дистанция до фермерского хозяйства огромна.

Вместе с тем ведение ЛПХ даже в определенных законодательством рамках может становиться настоящим – не игрушечным – малым бизнесом, который помимо продукции способен выращивать настоящих хозяев земли.

* * *

Приведенная типология основана на данных ограниченного числа интервью, собранных по выборке, которую нельзя считать теоретически репрезентативной для систематического выделения типов. Поэтому данную типологию следует считать предварительной. Тем более, что мы не рассмотрели четвертый тип – крупнотоварную (на 200 и более голов скота) ферму под официальной вывеской ЛПХ. Хотя в коллекции собранных интервью и наблюдений у нас есть и такой пример (свиноферма в черте населенного пункта из шести новых промышленных – с оборудованием и санитарными отводами – корпусов, в которых помещается до 1000 голов), правовой статус и смысл существования ЛПХ этого типа для нас остался загадкой, и требуется специальное исследование, чтобы продвинуться в разгадке этого феномена.

При построении типологии мы отталкивались от преимуществ, которые нам дает качественная методология. В основу типологии были положены сведения о хозяйственной мотивации, о выстраивании взаимоотношений с внешним миром, о самоопределении в социальном пространстве, то есть о не поддающихся калькулированию параметрах *деятельной социальной самоидентификации*.

А завершим мы наше исследование указанием на следующие четыре параметра:

- количество прилагаемых усилий в хозяйственной деятельности: ограниченные минимальными усилиями vs. высокоинтенсивная занятость;
- традиционное ведение хозяйства на основе обыденных, практических знаний vs. профессиональное ведение хозяйства на основе теоретических знаний;
- использование доходов на потребление vs на развитие дела;
- закрытость от внешнего мира vs включенность в разнообразные социальные сети.

При желании эти параметры можно довольно строго операционализировать и систематически применять – если не при сборе официальной статистики, то в исследовании, ориентированном на количественный подход.

Хотя почему бы и не использовать эти показатели и в статистическом исследовании, для спецификации представлений о “вселенной ЛПХ” в преддверии дальнейшего законодательного уточнения статуса сельскохозяйственных производителей или разработки целевых мероприятий по обеспечению продовольственной безопасности страны? Напомним, что в ЛПХ сегодня производится более половины валового сельхозпродукта страны, а на сотку обрабатываемой земли “бабушки с их молочным производством” [Серова. 2007. С. 70] вместе со своими “дедушками” получают продукции больше, чем крупные хозяйства, которые в грубо приближенной теории, не умеющей учитывать актуальное состояние социальной среды, считаются наиболее эффективными. ■

В ЛПХ сегодня производится более половины валового сельхозпродукта страны, а на сотку обрабатываемой земли “бабушки” получают продукции больше, чем крупные хозяйства, которые в теории считаются наиболее эффективными

Литература

- Концепция развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов: утверждена 29.03.2006 / Минсельхоз РФ // www.cfo.allbusiness.ru.
- Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.
- Оберемко О.А. Локальная идентичность благотворителя как представление о “территории свободы” // Социальная реальность. 2007. № 3.
- Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- Сельское хозяйство, охота и лесоводство. М.: ФСГС, 2004.
- Серова Е.В., Шик О.В. Национальный проект “Развитие АПК”: состояние и перспективы // Национальные проекты. 2007. № 1.
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. P. 263-292.
- Portes A., Sassen-Koob S. Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies // *Am. J. of Sociology*. 1987. Vol. 93. No 1.
- Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.
- Tversky A., Kahneman D. Advances Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. Vol. 5. P. 297-323.

И. Шмерлина

Кого отбирает “естественный отбор”

Пространства биологического и социального дискурсов связывают три “большие метафоры”: организм, борьба за существование и эволюция. Было бы слишком прямолинейным полагать, будто они просто пришли в общественное сознание из биологии. Идеи органической целостности, эволюционного становления и конкурентной борьбы являлись и в значительной степени до сих пор являются универсальными идейными конструктами, мировоззренческими формами, в которых человеческая мысль развивается с античных времен. Обыденные и научные способы бытования этих идей, разумеется, различаются как концептуальным содержанием, так и обоснованием.

В опросе, результаты которого послужили материалом для данной заметки¹, тестировались массовые представления о понятии “естественный отбор”, тесно связанном – как в научном, так и в обыденном сознании – с категорией *борьба за существование*.

“Естественный отбор” – по-видимому, одно из наиболее хорошо усвоенных массовым сознанием научных понятий. Степень знакомства с ним на удивление высока: три четверти респондентов, по их словам, либо “знают”, либо как минимум “что-то слышали” об этом термине (42 и 32% соответственно). Среди людей, имеющих высшее образование, данное понятие знают практически все (97%); среди тех, кто не закончил среднюю школу, – 37% (это единственная социально-демографическая группа, в которой с категорией “естественного отбора” знакомы менее половины респондентов, – табл. 1).

Открытый вопрос: “Как Вы понимаете словосочетание «естественный отбор»? Что оно, по Вашему мнению, означает?” – позволил выявить обыденные концептуализации данного понятия.

¹ Общероссийский опрос населения от 21–22 июля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Прежде чем перейти к анализу прозвучавших ответов, напомним, что в биологии понятие “естественный отбор” означает *дифференцированное воспроизводство наиболее приспособленных особей*. Иначе говоря, теоретический акцент здесь делается не на жизни и смерти отдельной особи, а на ее шансах оставить после себя потомство, сохраняющее и передающее по эволюционной эстафете ее наследственные черты (гены). Именно так, по Дарвину, идет процесс биологической эволюции.

В массовом сознании эти нюансы упущены. По многим (в том числе – культурно-историческим) причинам оно усвоило понятие “естественный отбор” в наиболее жесткой версии, тесно связанной с насилием, борьбой “не на жизнь, а на смерть”. Обратим внимание на те замены, которые массовое сознание находит для ключевых концептов, раскрывающих понятие “естественный отбор”.

Во-первых, подавляющее большинство людей говорят не о “приспособленных”, а о “*сильных*”. Во-вторых, не улавливая акцента, который в биологии делается на *воспроизводстве*, массовое сознание “отбор” понимает как “выживание”. При этом логическая связка концептов “отбор” и “борьба” сохраняется, однако последняя (“*борьба за существование*”) на обыденном уровне воспринимается не в метафорическом, как у Дарвина, смысле (то есть не как проявление жизненной энергии любого существа, отстаивающего свое место под солнцем в царстве природы), а буквально – как непосредственная, едва ли не контактная борьба, связанная с грубым физическим вытеснением слабых сильными (“*в стаде выживает самый сильный*”). Так складывается концепт “*выживание сильнейших*”, который на обыденном уровне в большинстве случаев выступает понятийной расшифровкой термина “естественный отбор”.

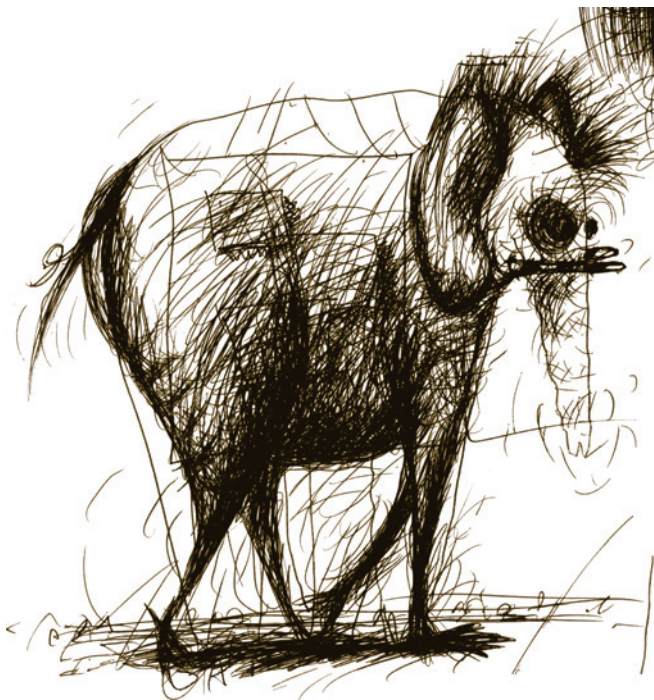
“*Выживает сильный*”; “*слабые умирают*”; “*отбор методом исключения слабых*”; “*когда выживает самый сильный*” (37%).

Табл. 1. *Уровень осведомленности о понятии “естественный отбор”* ❖

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Возраст			Образование				Доход		
		18–35 лет	36–54 лет	55 лет и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее спец.	высшее	2500 руб. и менее	2501–4500 руб.	более 4500 руб.
Доли групп	100	35	40	26	14	35	33	17	22	27	26
Вы знаете, слышали или слышите сейчас впервые словосочетание “естественный отбор”?											
Знаю	42	48	43	30	10	37	45	72	27	40	56
Слышал(-а)	32	34	33	29	27	32	38	25	31	35	29
Слышу сейчас впервые	22	15	20	34	54	26	14	1	36	21	12
Затрудняюсь ответить	5	4	4	7	9	5	4	2	6	5	3

❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и более в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом или курсивом.

Трактуя понятие “естественный отбор”, подавляющее большинство людей говорят не о “приспособленных”, а о “сильных”. Не улавливая акцента, который в биологии делается на воспроизводстве, массовое сознание “отбор” понимает как “выживание”

Некоторые люди (2%) воспринимают “естественный отбор” сквозь призму непосредственной борьбы “сильных” и “слабых”: “сильные выбрасывают слабых”; “сильные против слабых”; “сильный съедает слабого”; “когда сильный убивает слабого”; “сильный подавляет слабого”.

Как правило, респонденты не конкретизировали, где именно происходит процесс “выживания сильнейшего” – в природе или в обществе. Впрочем, в представлении 2% опрошенных, в подобной конкретизации большого смысла нет, поскольку естественный отбор, по их мнению, имеет место и там, и там.

“Социальный или биологический отбор”; “выживаемость в природе, в жизни”; “как в природе, так и у людей – выживает сильнейший”; “в природе и у людей выживают только сильные физически и морально”; “законы природы и наша жизнь на сегодняшний день”.

Последняя реплика явно содержит моральную оценку; в репликах, к которым мы перейдем ниже, этот аспект раскрывается в полной мере и полностью поглотит “научный подход”.

Для 7% респондентов категория “естественный отбор” имеет исключительно биологический смысл, при этом некоторые люди справедливо видят в нем механизм эволюции.

“В природе означает, что кто-то выживает, а кто-то погибает”; “выживание сильнейших видов животных”; “отбор природой лучших растений или животных”; “в стаде выживает самый сильный”; “когда никто не вмешивается в ход природы”; “это связано с биологией <...> С людьми – я не представляю, чтобы был естественный отбор”; “эволюция”; “появляются новые виды”.

Некоторые респонденты (1%) связали “естественный отбор” с именем Чарльза Дарвина и в целом с наукой биологией: “теория Дарвина”; “это идет от Дарвина”; “по Дарвину – слабый погибает”; “в голове всплывает Чарльз Дарвин”; “термин из биологии”.

Столько же опрошенных (1%) трактуют “естественный отбор” как искусственный – как селекцию, целенаправленно осуществляемую человеком; иногда в связи с этим упоминается генетика: “отбирается скотина: кролики, гуси, куры”; “селекционный отбор лучших пород животных и видов растений”; “связано с генетикой”.

Перечисленными выше случаями ограничиваются биологические коннотации данного понятия. Остальные трактовки тяготеют к социал-дарвинистским интерпретациям – естественный отбор в них описывается исключительно в “человеческом измерении”. При этом некоторые респонденты (3%) противопоставление “сильные” и “слабые”, имплицитно заложенное для простого человека в понятие “естественный отбор”, переводили в оппозицию “богатые” – “бедные”.

“Кто сильнее, тот и выживет, у кого больше денег, тот и человек”; “выживает здоровый, сильнейший, а сейчас – богатый, у кого больше денег, тот и выживает, – лечиться может, жить как надо”; “все для богатых, ничего для бедных”; “кто богаче, тот и выживет в теперешних условиях”; “вымирание пенсионеров и нищих”; “у нас в России 20% жируют, а 80% перебиваются с хлеба на воду”.

Другие (2%) допускают, что “выживают” не только толстосумы, но и люди умные, цепкие, умеющие приспособливаться и, опять же, сильные (моральная оценка “силы” в этих репликах не всегда бывает понятна).

“Умные останутся”; “выживает сильнейший, приспособливаемый человек”; “выживает сильнейший, умный, хитрый”; “выживает тот, у кого голова на месте”; “кто карабкается по жизни, тот и естественно отбирается”.

Некоторые респонденты (1%) понимают естественный отбор как своего рода социальную санацию.

“Человек, который не следит за своим здоровьем, пьет, скоро умрет”; “люди сильные, слабых и алкоголиков надо для общества уничтожать, они не нужны”; “кто хочет жить, тот живет, а кто хочет, – тот пьет и опускается, все зависит от внутреннего стержня человека”; “он у нас сейчас и есть – кто работать не хочет, тот и умирает”.

Другие видят в естественном отборе “закон джунглей”, “закон волчьей стаи”, свидетельствующий о жестоких нравах человеческого общества и даже о его деградации.

“Выживает сильнейший – закон джунглей”; “или ты, либо тебя”; “человек человеку – волк в обществе капитализма”; “выживает сильнейший; люди станут, как звери, а не как люди” (1%).

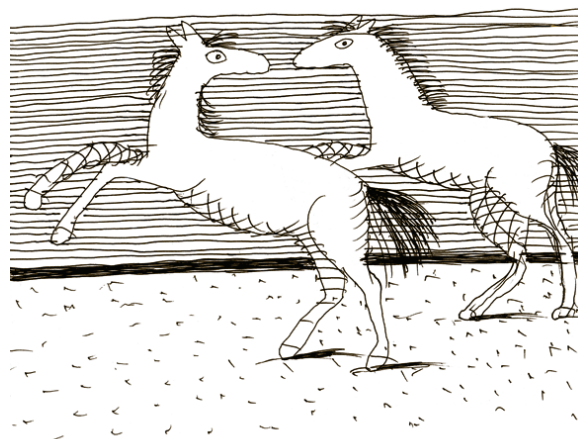
У некоторых респондентов возникли исторические ассоциации с фашизмом, расизмом и геноцидом: *“так говорили немцы в войну”; “чистые арийцы”; “высшая раса”* (менее 1%).

Часть опрошенных (1%), похоже, сочинили определение на ходу, дав довольно оригинальную интерпретацию естественного отбора – как кастинга: *“отбор людей для работы”; “кто понравится, того и отберут”; “кастинг”; “сильных, выносливых людей когда в армию берут”; “естественно отбираются люди – работа и т. д.”*

Отметим, что в последних двух случаях под естественным отбором респонденты понимают отбор искусственный.

Наконец, некоторых участников опроса беседа на абстрактную научную тему подвигла к высказыванию глубокомысленных “философских сентенций”: *“если дано человеку жить, то он будет жить”; “человек выбирает, где лучше, а жизнь распоряжается по-своему”* (единичные ответы). ■

“Борьба за существование” на обыденном уровне воспринимается не в метафорическом, как у Дарвина, смысле, а буквально – как непосредственная, едва ли не контактная борьба, связанная с грубым физическим вытеснением слабых сильными

Е. Васильева

“Квартирный ответ” на “квартирный вопрос”: *представления россиян об идеальном жилье*

Человеческое жилище всегда принадлежит своему времени – с его техническими достижениями, господствующим архитектурным стилем, социальными, экономическими и политическими обстоятельствами. Одновременно оно отражает образ жизни своих обитателей – их статус, вкус, привычки, мировоззрение, культурные особенности.

Раскопки древних домов и поселений дают богатую информацию о жизни людей в прошлом. Но и в современном мире устройство жилища, его пространственная организация, убранство дома, бытовая утварь могут немало рассказать о культуре, социальных нормах и моделях жизнедеятельности того народа, общества, к которому принадлежат его хозяева, а также о них самих¹.

О собственном жилище мы редко задумываемся в этом ключе, воспринимая его скорее как некий фон происходящего в его стенах; вместе с тем жилище не просто сопровождает, оно “обрамляет” и во многом формирует наши повседневные практики: в нем мы проводим значительную часть своего времени, его мы делим с самыми близкими людьми. Поэтому для большинства из нас важно, в каком жилище жить. Мы стараемся не только приобрести добротное, комфортное, функциональное жилье, но и обустроить его в соответствии с собственными привычками и представлениями о красоте и уюте.

К сожалению, у современного рядового россиянина редко есть возможность обзавестись жилищем, которое полностью соответствовало бы его потребностям и вкусам. Большинство наших сограждан сегодня проживают в типовых

¹ Блестящим примером того, как много могут рассказать социологу и антропологу устройство жилья и бытовые практики, связанные с ним, является исследование Пьером Бурдьё дома кабиллов [Бурдьё. 2001].

домах, называемых “коробками” и “муравейниками” – морально и физически устаревших строениях хрущевских и брежневских времен, в небольших квартирах не самой удобной планировки.

Похоже, россиянам не так уж по душе их типовое жилье, и многие хотели бы видеть свой дом совсем иным. Во всяком случае в ходе опроса, проведенного в августе 2007 года², половина респондентов – 50% – заявили, что нуждаются в улучшении жилищных условий³. Каковы же предпочтения наших сограждан в этой сфере, каковы их мечты об идеальном жилище? Обратимся к результатам одного из наших опросов⁴.

Размер жилища: чем больше – тем лучше?

Первое, на что стоит обратить внимание, – это стремление к расширению жилплощади. Среди ответов респондентов на открытый вопрос “Какое жилье Вы считаете для себя идеальным? Какие отличительные признаки такого жилья Вы назвали бы в первую очередь?” сплошь и рядом встречаются высказывания, касающиеся размеров жилища: “большой дом и участок”; “большая кухня, изолированные комнаты”; “большая площадь комнат, хорошая кухня, прихожая”; “достаточное количество метров”; “кухня большая, спальня большая, столовая есть – чтобы было места много”; “хорошая кухня, большие комнаты”; “большая квартира с большими комнатами”.

На сегодня размер – это, пожалуй, самый универсальный критерий оценки жилья. В плотно населенных странах цена квадратного метра недвижимости неуклонно повышается, и просторные жилища – и в Москве, и в Нью-Йорке, и в Токио – являются престижной собственностью, олицетворяющей статус и богатство владельцев. Как пишет известный французский социолог П. Бурдьё в своем эссе “Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение”, структура присвоенного физического пространства примерно повторяет структуру пространства социального, с его периферийными и, наоборот, привилегированными позициями [Бурдьё. 1993]. Привилегированные позиции дают занимающим их людям возможность распоряжаться присвоенным физическим пространством, дистанцируясь от нежелательного соседства с другими субъектами, а частная собственность и приватность (*privacy*) являются безусловными ценностями, по крайней мере в европейской культуре.

В то же время если мы обратимся к высказываниям тех участников опроса, которые не просто констатируют потребность в увеличении жилплощади, но и указывают кон-

² Общероссийский опрос населения от 28–29 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

³ Эти респонденты сказали, что у них сегодня есть необходимость, потребность купить квартиру, дом для себя или своих детей, родственников. Примерно столько же – 47% – утверждают, что такой потребности у них нет. 2% затруднились ответить на предложенный вопрос.

⁴ Общероссийский опрос населения от 28–29 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся данные этого опроса.

кретные размеры идеального, по их представлениям, жилища, то обнаружим, что россияне не мечтают о гигантских площадях. Их запросы довольно скромны: *“сто метров квадратных на четыре человека”*; *“занимаемая площадь на одного человека 15–20 квадратных метров”*; *“чтобы было больше 10 квадратных метров на человека”*. Хотя вполне вероятно, что самим респондентам такие размеры вовсе не кажутся скромными, потому что в сравнении с их сегодняшними жилищными условиями даже 15–20 квадратных метров на человека – простор, а если учесть стоимость этих метров, например в столице, – мечта, причем призрачная и несбыточная.

Квартира или дом?

Отвечая на вопрос, где бы они хотели жить – в квартире или отдельном доме, большинство участников опроса (58%) выбрали дом; квартире отдали предпочтение 39% респондентов. Ответы на открытый вопрос *“Какое жилье Вы считаете для себя идеальным? Какие отличительные признаки такого жилья Вы назвали бы в первую очередь?”* также свидетельствуют о том, что наилучшим жилищем многим россиянам представляется отдельное строение. Самая многочисленная группа участников опроса – 35% – описали жилье своей мечты именно как частный дом: *“двухэтажный финский домик”*; *“деревянный дом”*; *“красивый дом”*; *“хороший частный дом”*; *“хороший, благоустроенный дом”*; *“благоустроенный, комфортабельный коттедж”*; *“большой загородный коттедж”*; *“двухэтажный особняк, обязательно каменный, побольше комнат”*; *“...коттедж с бассейном”*; *“трехэтажный коттедж”*.

Часть этих респондентов говорили не просто о доме как таковом, а о “расширенном” доме, хозяйстве в целом, характерном скорее для сельской местности, чем для города. Их мечта – “усадьба” с баней и земельным участком (*“частный дом с баней”*; *“огород, баня”*; *“большой дом и участок”*; *“дом с участком”*; *“благоустроенный дом с участком”*)⁵.

Другие участники опроса в качестве идеального жилища видят пригородный или городской коттедж (*“большой загородный коттедж”*; *“коттедж с бассейном”*).

Следует отметить, что сельские жители чаще, чем горожане, в качестве идеального жилья называли частный дом, в том числе с участком и надворными постройками. Отвечая на прямой закрытый вопрос, 74% сельских жителей выбрали дом, и только 24% предпочли квартиру. Среди жителей малых городов соотношение уже другое – 57% к 39% в пользу дома, а в больших городах – соответственно 56% к 42%. Что же касается мегаполисов и столицы, то в них респонденты чаще отдавали предпочтение квартире, чем отдельному дому.

Среди опрошенных жителей мегаполисов 42% выбрали в качестве идеального жилища дом, а 56% – квартиру; среди москвичей – соответственно 40% и 57%. Видно, что на представления об идеальном жилище влияет реаль-

⁵ Упоминание бани и участка в этом контексте, вероятно, говорит не только о том, что людям нравится париться и выращивать садовые и огородные культуры, но и о том, что подобные “дополнения” неразрывно связаны в сознании многих с образом хорошего, богатого – идеального – дома.

Большинство наших сограждан сегодня проживают в типовых домах, называемых “коробками” и “муравейниками” – морально и физически устаревших строениях хрущевских и брежневских времен, в небольших квартирах не самой удобной планировки

Одни люди предпочитают жить в квартире в многоквартирном доме. Другие люди предпочитают жить в своем частном доме. А если говорить о Вас лично, то идеальное жилье для Вас – это квартира или дом?

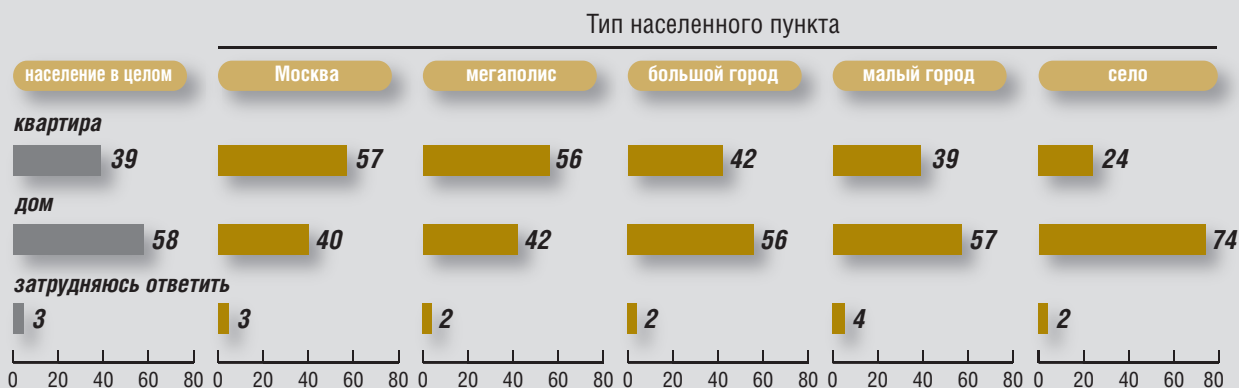

График 1

Вы бы предпочли, чтобы Ваш идеальный дом находился в городе или не в городе? (Ответы заявивших, что идеальное жилье для них — дом)

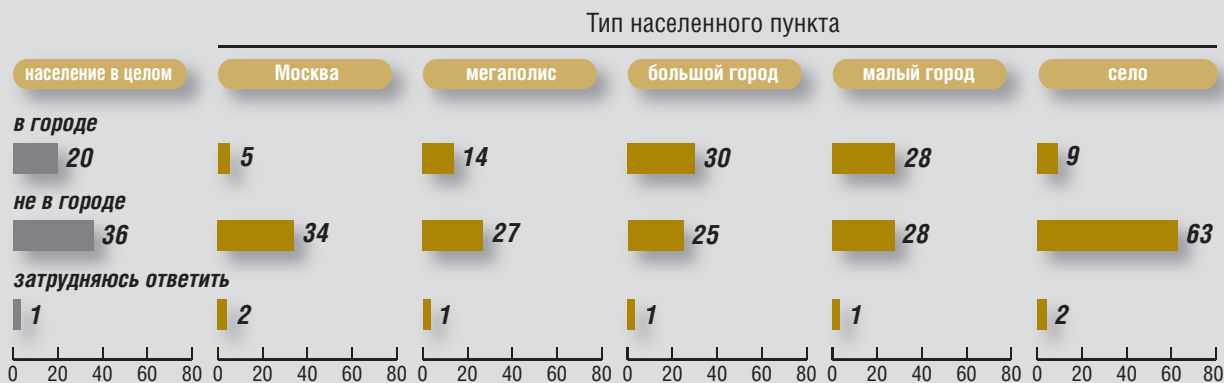

График 2

ная структура жилья (в том числе соотношение многоквартирных и частных домов) в различных типах населенных пунктов (график 1).

У тех респондентов, кто в качестве идеального жилища выбрал дом (а таких, напомним, оказалось 58% от всей выборки), мы поинтересовались, что бы они предпочли: дом в городе или за городской чертой. Большинство ответивших на этот вопрос (36% от всей выборки) выбрали дом за городом, почти вдвое меньшая доля (20%) предпочли бы, чтобы их дома располагались в городе. Интересно, что в малых городах позиции “в городе” и “не в городе” назвали равные доли респондентов (по 28%), а в крупных населенных пунктах город выбирали даже немного чаще (30% против 25%). Но в мегаполисах и столице желающих иметь дом за городом уже существенно больше: соотношение “город” – “не город” в мегаполисах составляет 14% к 27%, в Москве – 5% к 34% (график 2).

Там, где Вы живете, есть или нет такие квартиры (дома), которые Вы могли бы назвать идеальными для себя? И если есть, то таких квартир (домов) много или мало?

Ответы тех, кто заявил, что идеальное жилье для них – это...

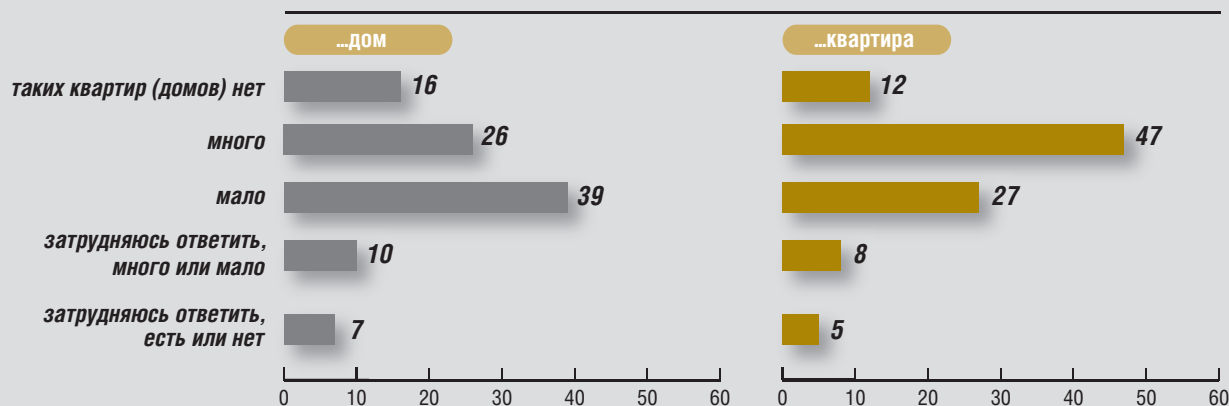

График 3

Вероятно, на представления россиян об идеальном месте для дома влияет реальное положение дел в их населенном пункте. Так, в небольших городах частная застройка нередко соседствует с многоквартирными домами, в то время как москвичу довольно сложно представить себе – даже в мечтах – собственный частный дом (особенно с огородом и баней) в городской черте.

Если наше предположение о влиянии существующей структуры жилищного сектора на представления об идеальном жилье верны, тогда ответы респондентов свидетельствуют о том, что россияне более склонны не абстрактно фантазировать на тему жилья, а ориентироваться на то, что встречается им в жизни.

Чтобы проверить это, обратимся к распределению ответов на вопрос: “Там, где Вы живете, есть или нет такие квартиры (дома), которые Вы могли бы назвать идеальными для себя? И если есть, то таких квартир (домов) много или мало?” Среди тех, кто в качестве идеального жилья назвал квартиру, почти половина (47%) считают, что идеальных квартир в том месте, где они живут, много. Еще 27% утверждают, что таких квартир мало, и 8% затруднились оценить их количество, но думают, что они есть. То есть в сумме 82% считают, что идеальные, по их меркам, квартиры там, где они живут, имеются. И только 12% заявили, что таких квартир вокруг них нет. Среди респондентов, предпочитающих частные дома, в сумме 75% полагают, что идеальные дома в их населенном пункте встречаются, а 16% придерживаются противоположной точки зрения. Таким образом, большинство людей в своих представлениях об идеальном для них жилье ориентируются на вполне конкретные образцы, которые встречаются им в повседневной жизни там, где они живут (график 3).

Представления россиян об оптимальном количестве комнат в жилище также вполне реалистичны. Остановимся на них более подробно.

Идеальное число комнат

Как мы помним, у профессора Филиппа Филипповича Преображенского из булгаковского “Собачьего сердца” было семь комнат. По мнению товарища Швондера и других представителей домкома, профессор занимал площадь “совершенно чрезмерную” и поэтому безусловно подлежал “уплотнению”. В то же время сам Филипп Филиппович, напротив, ощущал необходимость еще одной, восьмой комнаты – под библиотеку: “У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет – три. Смотровая – четыре. Операционная – пять. Моя спальня – шесть и комната прислуги – семь. В общем, не хватает...” [Булгаков. 1996. С. 31]. Потребность профессора в таком количестве комнат была обусловлена не только тем, что он работал в своей квартире, но и совершенно резонным желанием жить “нормально”, как принято в его кругу: в том числе, например, “принимать пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской”. Поэтому предложение домкома “добровольно, в порядке трудовой дисциплины” отказаться от столовой крайне возмутило Филиппа Филипповича.

Сегодня нам уже не кажется очевидной необходимость принимать пищу в специально для этого предназначенном помещении. Мы обычно даже не испытываем такого желания⁶. Несколько поколений советских людей выросли в коммунальных квартирах, деля скудные квадратные метры с родственниками, а так называемые “места общего пользования” – с многочисленными соседями. Поэтому немалая доля наших сограждан мечтают об отдельном, своем собственном жилье – пусть и вполне скромном. Почти пятая часть (19%) ответивших на открытый вопрос говорили именно об этом: “свое и отдельно”; “каждой семье – отдельную квартиру”; “квартира, отдельная от родителей”; “когда есть квартира своя”; “обычная квартира без соседей”; “отдельная квартира”. Спонтанных высказываний о желательном количестве комнат (“каждому по комнате”; “трехкомнатную квартиру”) было значительно меньше. Показательно в этом смысле озвученное некоторыми респондентами желание иметь однокомнатную квартиру – не потому, что однокомнатное жилье самое удобное, а потому, что у них нет и такого: “хоть однокомнатную дайте”.

Таким образом, проблема оптимального количества комнат по остроте явно уступает проблеме самого наличия (точнее, отсутствия) собственного жилья. Да и запросы россиян относительно числа помещений в квартире или доме не слишком высоки. Те участники опроса, кто предпочел бы квартиру частному дому, чаще всего (38%) называли три комнаты как оптимальный вариант. Значительная часть респондентов (29%) вполне удовлетворились бы двумя комнатами, еще 7% – однокомнатным жильем. О четырех-

У тех респондентов, кто в качестве идеального жилища выбрал дом, мы поинтересовались, что бы они предпочли: дом в городе или за городской чертой. Большинство ответивших на этот вопрос выбрали дом за городом, почти вдвое меньшая доля предпочли бы, чтобы их дома располагались в городе

⁶ Справедливости ради отметим, что в одном из ответов все-таки было высказано желание иметь столовую: “кухня большая, спальня большая, столовая есть – чтобы было места много”.

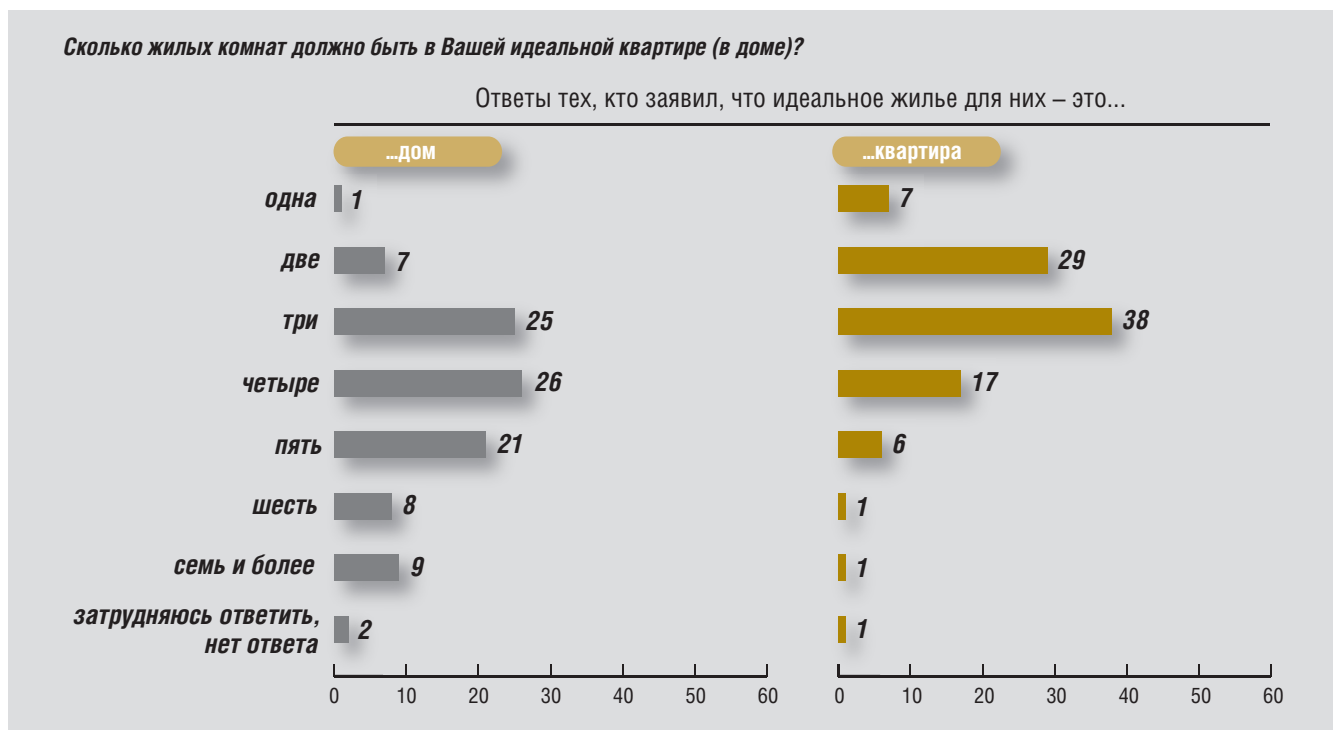

График 4

Если бы у Вас было идеальное жилье, то Вы предпочли бы жить в нем один (одна), “малой семьей” – с супругой(-ой) и детьми или “большой семьей”, когда под одной крышей живут несколько поколений (родители, дети, внуки)?

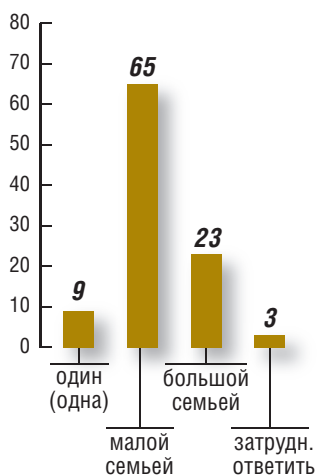

График 5

и пятикомнатных квартирах мечтают соответственно 17% и 6% респондентов из этой группы. Желание жить в квартире из шести, а также семи и более комнат высказали по 1% участников опроса.

Несколько выше запросы тех, кто в качестве идеального жилища назвал частный дом. Наиболее распространенные предпочтения этой группы респондентов – три (25%), четыре (26%) и пять (21%) жилых комнат. Более существенны, по сравнению с группой любителей квартир, доли тех, кто хочет иметь в доме шесть (8%), а также семь и более (9%) комнат (*график 4*).

Отметим, что желательное количество комнат связывается чаще не с их функциональным разнообразием (как в аргументации профессора Преображенского), а с количеством членов семьи, жильцов: “каждому по комнате”; “двухкомнатная квартира для одного”; “три комнаты на семью”. При этом жить в одиночестве предпочли бы лишь 9% участников опроса. Большинство респондентов (65%) хотели бы жить “малой семьей”, то есть с супругом(-ой) и детьми, а почти четверть (23%) мечтают жить большой семьей – с бабушками, дедушками, внуками и другими родственниками (*график 5*).

Стоит отдельно подчеркнуть распространенность представлений именно о трехкомнатной квартире как идеальной для семьи. Нехитрые подсчеты показывают, что при совместном проживании четырех и более человек в трехкомнатной квартире может быть затруднительным организовать приватное пространство для каждого члена семьи, не говоря уже о гостях. Но, видимо, закаленные коммунальным бытом россияне зачастую либо вообще не испытывают потребности в уединении, либо не считают эту потребность важной.

Идеальное жилье = нормальное жилье?

Возвращаясь к влиянию коммунального прошлого (а нередко и настоящего) на сегодняшние представления об идеальном жилье, следует обратить внимание на то, что многие участники опроса в качестве идеального назвали жилище с элементарными удобствами.

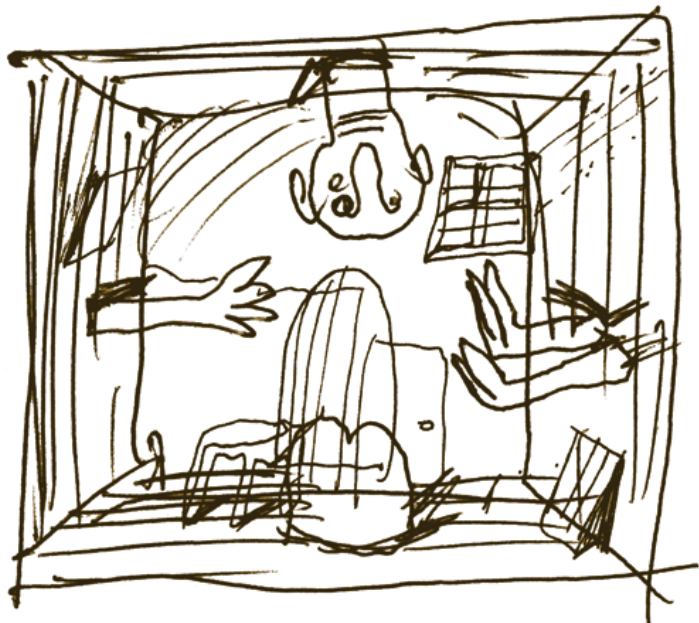
Едва ли не самыми многочисленными ответами на открытый вопрос были высказывания, отражающие желание людей иметь благоустроенное жилье: с удобствами и отремонтированное. Удобства, о которых говорили участники опроса, очень просты: “...вода и канализация”; “ванная, туалет”; “все коммуникации”; “газ, вода”; “газ, отопление”; “газификация”; “должна быть ванна, горячая вода”; “есть туалет, ванна, газ”; “жилье со всеми удобствами”; “наличие всех удобств”; “чтобы все было отремонтировано”. В сумме доля респондентов, высказавшихся таким образом, составляет 29%.

Человек, обеспеченный всеми перечисленными благами цивилизации, обычно воспринимает их как должное и даже порой не замечает – по крайней мере, до того момента, пока какая-либо система не перестанет исправно функционировать. Так, никто особенно не радуется наличию в доме света или канализации, но если в их работе происходят перебои, нормальное течение жизни резко нарушается. Поэтому столь существенное число упоминаний отопления, канализации и газификации в качестве атрибутов идеального жилья говорит о том, что значительная часть россиян попросту не имеют пока этих удобств либо не удовлетворены их качеством.

На этом фоне даже незамысловатые фантазии тех немногочисленных респондентов, кто хотел бы иметь жилище “как у Абрамовича” или “где-нибудь в Филадельфии”, выглядят весьма экзотично. Мечтателей среди россиян оказалось меньше, чем можно было ожидать. Участники опроса предпочитают не грезить о заведомо недостижимом “идеальном жилье”, а думать о решении актуальных проблем жилищно-коммунального характера и преодолении физических ощутимых недостатков своего быта: “идеальный порядок и чистота в подъезде, в лифтах”; “коммунальные услуги, подъезды”; “...чистота и порядок во дворе”; “чтобы все было доступно, с 77-го года трубы не менялись – чтобы этого не было”; “...чтоб ремонт подъездов был” (2%).

Сегодня телевидение, кино, журналы сплошь и рядом демонстрируют нам разнообразные и роскошные жилища: знаменитости и герои фильмов предстают перед нами в дизайнерских интерьерах шикарных домов и просторных квартир. Однако, как показал опрос, эти образы не овладевают помыслами “простых людей”, не становятся предметом их мечтаний. Напротив, наши сограждане, рассуждая об идеальном жилище, опираются по преимуществу на свой повседневный опыт. Они не мечтают о фантастических, не имеющих ничего общего с окружающей их действительностью жилищах, а ориентируются на те образцы, которые видят в своей местности.

Респонденты исходят из реальной ситуации с жильем в российских городах и селах, и этим обусловлен относительно небольшой разброс представлений об идеальном жилище. По сути, основная масса жилья в стране сводится к двум типам: индивидуальный частный дом или квартира в многоквартирном доме. Поэтому и в представлениях россиян об идеальном жилье “качественная” разница состоит только в том, что одни участники опроса предпочли бы жить в доме, а другие – в квартире. Различия внутри этих групп касались преимущественно размеров жилища – количества квадратных метров и числа комнат.

Жилищные запросы большинства россиян, даже в мечтах, невысоки. Редко кто из наших сограждан грезит о роскоши. Для многих участников опроса отдельная (пусть даже небольшая) квартира, элементарные удобства и ремонт уже составляют предмет мечтаний.

Столь существенная разница между образами идеальных жилищ, транслируемыми в медиа, и представлениями рядовых граждан, подтверждает положение П. Бурдьё, к работам которого мы уже обращались выше. Как писал этот социолог, история и условия, в которых живет человек, будучи усвоены, “интериоризированы” им, порождают особого рода здравый смысл – постоянное полусознанное оценивание своей вероятной жизненной траектории и своих возможностей [Бурдьё. 2001-б]. Взрослый человек строит свои планы, бессознательно руководствуясь этим здравым смыслом, и мечтает, как правило, о вещах *в принципе достижимых для себя*, находящихся в обозримом пространственном или временном отдалении. Таким образом, социальные различия воспроизводят себя даже в такой тонкой сфере, как мечты и фантазии.

Поэтому, несмотря на обилие роскошных и экзотических построек и интерьеров, демонстрируемых сегодня в журналах, на кино- и телеэкране, среднестатистический россиянин мечтает не о вилле на Лазурном берегу, а об отдельной двухкомнатной квартире с газом и отоплением. Или отказывается мечтать вовсе, говоря об идеальном жилье: *“я его не вижу, крутые только его могут иметь”*. ■

Литература

- Булгаков М.А. Собачье сердце. Роковые яйца. Бег. М.: Памятники исторической мысли, 1996.
- Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33–52.
- Бурдьё П. Практический смысл. Пер. с фр. / П. Бурдьё; Общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001-а.
- Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Бурдьё П. Практический смысл: Пер. с фр. / П. Бурдьё. Общ. ред. пер., и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001-б.

Собаки и их владельцы

В российском обществе любят собак. О своей симпатии к ним заявили в ходе одного из опросов ФОМа 70% респондентов, и лишь 8% сказали, что не любят этих животных. Нейтрально, равнодушно к собакам относятся 20% опрошенных.

По свидетельству половины участников опроса (48%), там, где они живут, владельцы собак стараются, чтобы их четвероногие питомцы не доставляли беспокойства окружающим. Критические отзывы в адрес “собачников” высказывались не- сколько реже (42% ответов), а каждый десятый затруднился с ответом на данный вопрос.

Несмотря на свою любовь к собакам, многие россияне недовольны поведением четвероногих и их владельцев. Судя по ответам на соответствующий открытый вопрос, чужие собаки доставляют ощутимые неудобства примерно половине наших сограждан (48%). Чаще всего людей беспокоит реальное или потенциальное проявление собачьей агрессии. Некоторые просто боятся собак, особенно бойцовых пород (5%), другие указывают на конкретные случаи или возможную угрозу нападения (“могут наброситься”; “бывает, бросаются на прохожих без всякой надобности”) – 11% подобных ответов, третьи обращают внимание на непредсказуемость поведения собак, страх, который испытывают люди, не знающие, “что у собаки на уме”, говорят об опасениях за детей (“идешь с ребенком и боишься за его жизнь”; “детей боюсь отпускать на улицу”) – в общей

сложности около 3% ответов. Мотив небезопасности звучит и в ответах тех респондентов, которые высказали собаководладельцам претензии по поводу нарушения правил выгула четвероногих, когда их выводят без поводков и намордников (9%). Довольно часто людей раздражают собачьи лай, вой и тьяканье (13%), собачьи экскременты (11%) и в целом выгуливание собак в непопулярных местах (например, на детских площадках) – 4% ответов.

Собственную собаку держат в доме или во дворе 41% россиян. Значимым фактором здесь оказывается место жительства. Меньше всего собаководладельцев в мегаполисах (11%), больше всего – на селе (70%). В малых городах собак держат 44% жителей, в больших – 31%, в Москве – 16% ее населения*

Самая распространенная причина, по которой люди заводят собаку, – это стремление обеспечить собственную безопасность и охрану имущества. Об этом, отвечая на открытый вопрос, говорили около половины (51%, или 21% по выборке) владельцев собак, причем в больших городах и мегаполисах – 37%, в малых городах – 51%, на селе – 57%. Кроме того, 5% хозяев заявили, что собака – это “звонок”, предупреждающий о приближении посторонних. Просто любовь к собакам, потребность в общении с ними – также достаточно распространенный мотив, который, в той или иной модификации, упоми-

нали около трети собаководладельцев (или 13–14% по выборке). Так, каждый пятый владелец (19%) говорил, что завел собаку “по любви” (в больших городах и мегаполисах – 28% такого рода ответов, в малых городах – 19%, на селе – 14%). Около 13% владельцев сказали, что завели собаку “для души”, “для общения”. Другие мотивы звучали в ответах респондентов значительно реже.

В большинстве случаев люди, по их словам, держат беспородных собак (ответы 58% хозяев, или 24% респондентов по выборке). Породистые собаки чаще всего встречаются в больших городах и мегаполисах (в Москве – ответы около 70% владельцев), реже всего – на селе, где преобладают беспородные собаки (73% ответов сельских жителей, имеющих собак).

По мнению трех четвертей собаководладельцев (74%), содержание “братьев меньших” обходится им дешево, ответ “дорого” дали на соответствующий вопрос 17% хозяев, остальные затруднились с ответом.

И. Шмерлина

Общероссийский опрос населения от 2–3 сентября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

¹ По степени распространенности собака в России – второй после кошки спутник человека. Кошек держат более половины россиян (54%), при этом фактор места жительства здесь не оказывает столь сильного влияния, как в случае с собакой (разброс показателя наличия кошки в доме – от 39% в Москве до 75% на селе).

И. Забаев

Основные категории хозяйственной этики современного русского православия*

Развернутые описания категорий послушания и смирения, полученные нами из хозяйственных ситуаций, соотнесем с тем, как описывается логика спасения в пастырской литературе, посвященной не хозяйственному процессу, но жизни православного христианина в целом.

Другими словами, наша задача состоит теперь в том, чтобы понять, является ли хозяйственная практика монастырей, зафиксированная нами, некоторым специфичным, не характерным для всего православия сегментом реальности или же эта практика соотносится с общими предписаниями относительно жизни православного актора и, следовательно, типична для православия. Мы также должны понять, применяются ли к хозяйству те же нормы, что и к другим сферам обыденной жизни православного человека, или же хозяйственная деятельность религиозного актора подчиняется специфичным нормам и описывается нехарактерными для остальных сфер жизни категориями.

Современная пастырская литература

При такой постановке задачи объектом нашего внимания должны стать тексты современной пастырской литературы, в которых говорится о том, как православному христианину (можно – вообще, но лучше – современному) жить в мире (лучше – современном). Этот шаг аналогичен шагу, проделанному М. Вебером для анализа протестантизма XVII–XVIII веков, когда немецкий ученый, прежде чем приступить к собственно доктринальным текстам по хозяйственной тема-

* Окончание. Начало см.: Социальная реальность. 2007. № 9.

тике (или, даже вернее, – вместо этого), обратился к общей религиозности протестантов, в том числе и к корням протестантского учения – к текстам М. Лютера, Ж. Кальвина и др. Цель этого шага состояла в получении ответа на вопрос о том, что было важно для ставшего протестантом европейца нового времени, для человека, все миропонимание которого определяла религия [Вебер. 1990. С. 137–138]. Его тезис состоял в том, что обнаружение действительно существовавшей хозяйственной этики должно быть основано не на обращении к текстам о хозяйстве, воздействие которых на человека было вторично и менее существенно, нежели общий строй его жизни, проявлявшийся также и в хозяйстве. М. Вебер считал, что необходимо “выявление тех созданных религиозной верой и практикой религиозной жизни психологических *стимулов*, которые давали определенное направление всему жизненному строю и заставляли индивида строго держаться его” [Вебер. 1990. С. 138]¹.

Таким образом, нам необходимо обратиться к пастырским текстам², в которых бы излагалось понимание того, как нужно жить в современном мире (“всего жизненного строя”). В качестве основного мы отобрали один текст (в том числе и для удобства изложения логики аргумента)³ – это книга иеромонаха Сергия (Рыбко) “Возможно ли спасение в XXI веке?” [о. Сергей (Рыбко). 2002]. Далее представлен вариант ответа, изложенный в выбранном нами издании, который мы дополняем ссылками на другие источники в подтверждение того, что указанная позиция не является специфичной только для одного текста.

Уже в самом начале текста о. Сергия, в разделе “Большая заповедь”, дается интерпретация связи между послушанием, с одной стороны, и предельными ценностями православия – с другой. Важно отметить, что глава, о которой пойдет речь, написана⁴ для людей “ищущих или недавно пришедших в церковь”, то есть не для религиозных виртуозов, а для неофитов. Вот как объясняется в этой главе указанная связь.

“Какая же самая главная идея христианства? Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею изо всех своих сил и ближнего

Монастырские категории послушания и смирения имеют в миру очень сильное подкрепление и / или замену в виде категории “благовоспитание”

¹ Именно поэтому вся критика “Протестантской этики...”, построенная на основании ссылок на тексты экономических доктрин, не достигает цели, не касается сути веберовской аргументации.

² Кажется, что правильнее было бы взять интервью у практикующих священников и исследовать их ответы. Однако на практике это не получается по двум причинам. Во-первых, священники не располагают большим количеством времени. Во-вторых, прямой вопрос “как жить” часто ставит их в тупик или переводится в другой вопрос – “как спастись”. Что касается ответа на последний вопрос, то, как правило, после более или менее продолжительного разговора / проповеди священники предлагали нам обратиться к текстам двух авторов – Феофана Затворника или Игнатия Брянчанинова, о которых речь пойдет дальше. Так или иначе, у нас есть основания утверждать, что по текстам этих двух авторов можно судить о распространенной в среде священников позиции.

³ Существует довольно большая группа текстов, в которых отражено, может быть, с меньшей выпуклостью и яркостью, чем в выбранном нами тексте, сходное миропонимание. За неимением места не приводим список соответствующей православной литературы.

⁴ Глава эта была наговорена. Ее основу составили передачи “Верую” начала 90-х годов (“Радио России”) [От издателей сборника “Возможно ли спасение в XXI веке”. С. 6].

твоего, как самого себя. Это сравнение говорит само за себя, и исследовать, по-моему, дальше нечего. С одной стороны, любовь – добродетель самая легкая, потому что душе любого человека свойственно милосердие и сострадание... а с другой стороны, эта заповедь самая высшая, то есть самая трудная. Почему же так? Что людям мешает любить всех и вся? Мешает наш эгоизм, мешает наша гордость. Эгоизм – это гордая любовь, неправильная любовь к самому себе” [о. Сергей (Рыбко). 2002. С. 35–36].

Но как же достичь любви? Приведем ответ автора достаточно подробно.

“Очевидно, что надо как-то избавиться от нашего эгоизма, и здесь нужно усвоить и понять, что по-настоящему любить ближнего может только человек смиренный, только человек, осознающий свою греховность, человек, по сути забывший о своих интересах. Смиренному человеку некогда любить себя, потому что он о себе не думает, он вообще о себе не помнит. Он помнит только, что есть Бог и Его святая воля и есть люди с многочисленными нуждами, проблемами, болезнями и страданиями. Свою задачу, свою обязанность, он видит в том, чтобы помогать этим людям ради Христа.

Это смиренный христианин и делает все время, с утра до вечера, этим наполнена вся его жизнь, и духовная, и внешняя, в этом смысл и содержание его жизни... Как же стяжать смирение⁵? Смирение легче всего и проще всего стяжать через послушание. Об этом говорит святой преподобный Иоанн Лествичник⁶: “От послушания рождается смирение, от смирения – рассуждение”.

Что же такое послушание?

Желающий научиться послушанию ищет духовного руководителя, наставника, духовного отца. И ради Христа предает ему себя. И старается, не спросив совета у этого человека, без его благословения ничего не делать, а если уж

взял благословение, то исполнить все так, как ему сказали. Если изменяются обстоятельства – все переспросить. Священник – человек, он тоже может ошибаться, его не нужно слушаться безусловно, но советоваться с ним необходимо, и следует на все брать благословение. И так проще всего научиться смирению, потому что духовного наставника, духовного отца, как правило, любят. А человека, которого любишь, слушаться легко, приятно и радостно. Радостно что-то делать по его благословию, по его просьбе, радостно делать что-то приятное для него. Слушаясь духовного отца, человек вообще научается добродетели послушания и постепенно начинает слушаться всех окружающих людей, смиряться перед ними, а в конечном итоге – любить всех людей... Настоящий православный человек понимает, что через ближнего дается послушание от Бога” [о. Сергей (Рыбко). 2002. С. 37–40].

Еще раз отметим, что цитируемая работа представляет собой образец “популярного” православия, что это не вершина аскетического опыта, а то, что предла-

⁵ См. также: [о. Валентин (Мордасов). 2003].

⁶ Заметим, что о. Сергей ссылается на тот же текст, который мы приводили при описании монастырской практики в православии.

Там, где у веберовского протестанта ответ на вопрос о спасении давал успех, здесь, в русском православии, ответ дает другой человек, священник (находящийся “ближе” к Богу, нежели мирянин)

гается ищущим и, может быть, даже еще не православным. Книга написана монахом, но не для монахов, и точка зрения, изложенная в ней, – не уникальна. Вышеизложенное повторяется в разных вариациях, с большей или меньшей ясностью и определенностью, в различных изданиях, различных проповедях, разными авторами⁷.

Для того чтобы завершить наше обследование православной пастырской литературы, чтобы отыскать “начало” подобной позиции, необходимо найти классических для современного русского православия авторов, позиция которых разделяется всеми или большинством представителей РПЦ, и еще раз проверить, не ошиблись ли мы со своими выводами в ходе обследования православных монастырей.

Истоки современной пастырской литературы русского православия

Точкой, в которой к концу XIX – началу XX века собралось все предшествующее письменное русское православное наследие и из которой постепенно разрастается современное, являются тексты двух авторов: святителя Феофана Затворника Вышенского (1815–1894) и святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867)⁸.

В ходе работы над темой хозяйственной этики православия мы не раз сталкивались с текстами указанных авторов. Наша убежденность в том, что именно их труды имеют для современного русского православия своеобразную “корневую” значимость, основывается на следующем. Во-первых, с 1990 года, по дан-

⁷ Вот, например, фрагмент текста нашего современника схиигумена Саввы “Путь к спасению”, начинающегося главой о смирении: “*О смирении*. Господь говорит: Научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Стало быть, чтобы иметь в душе мир и покой, прежде всего нужно смириться. Как смириться? Если человек просит у Бога смирения, — говорит авва Дорофей, — то должен знать, что просит Бога, дабы Он послал ему кого-нибудь оскорбить его. Бесчестие и укоризны — суть лекарства для гордой души, поэтому, когда смиряют тебя извне, смири внутренне себя, то есть приготовь, воспитай свою душу” [Схиигумен Савва. 2000. С. 645]. Также см., например [о. Валентин (Мордасов). 2003. С. 192–193].

⁸ Ссылки на святых отцов первых веков христианства и на отечественных подвижников ничего не меняют в данном вопросе. По количеству изданий святители Игнатий и Феофан в современной России превосходят, пожалуй, всех авторов. По цитированию — некоторые из отцов первых веков сравниваются с ними (в первую очередь Иоанн Златоуст и, может быть, Василий Великий). Нам представляется, что Иоанн Златоуст и Василий Великий сыграли на Руси такую же роль, как блаженный Августин — для западной церкви. Отечественные же авторы (по количеству) много уступают двум указанным персонажам. По количеству изданий указанные два автора могли бы сравниться еще с Тихоном Задонским, однако его тексты (вышедшие в 5 томах) “раздергиваются” на брошюры в гораздо меньшей степени. Часто издавались также Четыри Миннеи святителя Димитрия Ростовского. Но житийный жанр, как мы показали ранее, требует к себе особого подхода, и в настоящей работе мы не будем заниматься этим памятником отечественного православия. Впрочем, если составлять полный круг “корневых” авторов, то упомянутые четверо — Игнатий, Феофан, Димитрий, Тихон — практически полностью его и покрывают. Плюс к этому есть еще достаточно известная брошюра “Беседа с Мотовиловым о цели христианской жизни” св. Серафима Саровского. Но св. Серафим, являясь одним из любимых русских святых, не оставил такого значительного письменного наследия, и количество изданий “Беседы...” все-таки значительно уступает количеству изданий описываемых нами авторов.

ным “Книжной летописи”, издания работ Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова количественно превосходят издания других православных авторов. Во-вторых, на их тексты очень часто (по сравнению с другими отечественными авторами) ссылаются авторы других современных произведений. В-третьих, при общении со священниками и монашествующими в ходе наших экспедиций представители церкви отсылали нас за дополнительными разъяснениями преимущественно к сочинениям этих авторов.

“Феофан и Игнатий – вот, наверное, самые близкие нам, самые понятные. Там все написано. Не можешь читать Игнатия Брянчанинова? Ну, странно, он пишет ясно и просто, правда, сжато и насыщено... Не перебаривается?.. Попробуй Феофана Затворника. Он для мирян писал. Игнатий – для монахов, а Феофан Затворник для мирян. Вот двое” (духовник монастыря в Шмаковке. Приморский край).

Далее мы представим взгляд этих двух авторов на проблему спасения в связи со смыслом христианской жизни и другими категориями. Начнем с работ свт. Игнатия Брянчанинова. Для того чтобы ознакомиться с его позицией, приведем выдержки из текста, который был предназначен не для монахов, но для мирян, – из “Поучения к простому народу при посещении епархии. О спасении”.

“Побеседуем же о том, как нам спастись, как благоугодить Богу, как избавиться от горького ада, как наследовать рай сладости... Кто хочет спастись, тот должен принадлежать единой святой Православной Церкви, быть ее верным сыном, во всем покоряться ее установлениям. Если кто не повинуется Церкви, если кто отделился от Церкви, если кто раскольник, то, сколько бы он ни клал поклонов, сколько бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись... Раскольник и еретик чужды смирения, как чужд смирения диавол, а потому они чужды спасения, как чужд его диавол. Некогда преподобному Макарию явился диавол и говорил: “Макарий! Ты много постишься, а я вовсе не ем; ты мало спишь, а я вовсе не сплю; одним только побеждаешь меня: твоим смирением”. Раскольники держат продолжительные и тяжелые посты, целые ночи проводят в молитве, кладут многочисленные поклоны, но увы! труждаются всеу и тщетно, потому что не хотят смириться. ...Истинное смирение от послушания, сказал святой Иоанн Лествичник, как и Господь явил Свое смирение тем, что Он был послушлив до смерти, смерти же крестныя. Без послушания Церкви нет смирения; без смирения нет спасения” [Игнатий Брянчанинов. 2001. Т. IV. С. 453–454].

Действие, на которое благословил священник, признается благим. Если самостоятельно православный мирянин не может решить, хорошо или плохо то действие, которое ему предстоит совершить, нужно его совершать или нет, он обращается к священнику

Таким образом, мы видим, что начало проповеди о спасении – это проповедь смирения и послушания, послушания Церкви. Хотя так не во всех работах святителя. Например, в небольшом сочинении “Слово о спасении и о христианском совершенстве” приводится несколько иной порядок шагов и добродетелей. Однако терпение скорбей и несение своего креста все равно находят здесь свое место, хотя и в части, посвященной не спасению, но совершенству [Игнатий Брянчанинов. 2001. Т. 2].

Перейдем теперь к сочинениям свт. Феофана. Ответы на интересующие нас вопросы в наиболее простой и понятной форме представлены в письмах святителя, например в сборнике «Письма о христианской жизни» (1997)⁹. Одно из писем так и озаглавлено: «О том, как спастись»¹⁰. Приведем его практически полностью.

«Кто это так докучал вам вопросом, как спастись? – будто он не решен, и нам первым приходится приступить к сему делу! Христианство что есть? Образ спасения падшего. Господь Иисус Христос прииде в мир грешныя спасти... (1 Тим. 1, 15). Дело ясное. Что ж и задумываться? Сколько уж знаем мы спасенных? А как они спаслись? В Церкви Христовой. Пусть живет, как велит Церковь, и спасется. Да верует только всему в простоте невзыскательного сердца, а изыскательность и совопросничество пусть бросит и не возмущает ими тихой области веры. Кому не совсем ясно, чем и как совершается в Церкви Божией спасение, тому вот что надо сказать: «Веруй во все, во что веровать повелевает Святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез Таинства и возгревая их чрез участие во всех других священнодействиях и чрез исполнение всех других постановлений Святой Церкви, иди неуклонно путем заповедей, Господом Иисусом Христом нам прописанных, под руководством законных пастырей, и спасешься». – Если осмотримся кругом, то увидим, что все сие уже действует окрест нас! Смиренно убо да уповаем на принесенную нам благодать откровением Иисус-Христовым, не колеблясь недоумениями и сомнениями» [Феофан Затворник. 1997. С. 123–124].

Автор недвусмысленно указывает и несколько раз повторяет: Церковь, Церковь и еще раз Церковь. Спасение достигается через послушание Церкви и принятие таинств. По понятным причинам веберовский протестант не мог так написать. Перейдем далее к интерпретации успеха, вернее, признания и похвалы.

«Вас хвалят. Что ж тут дивного? На безрыбье и рак рыба, как говаривал батюшка отец Парфений. Это, однако ж, очень рекомендует наше общество, что в нем есть сочувствие даже к тени добра... Между тем для вас это очень невыгодно. Капля пробивает камень частым падением. По частичке от каждой похвалы падает на червяка самолюбия и тщеславия и питает его; он растет незаметно для вас, позволяет быть и смиренным чувствам, пока не окреп. А когда созреет, все подьест зараз. Опасно! и еще что? Похвала щекочет сердце, останавливает ревность и расслабляет. Это то же, что бегущему подставить ногу. Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. И это худо! Что же делать? Смирятье сами себя и подавляйте

⁹ Основными текстами данного автора следует признать «Путь ко спасению» и «Начертание христианского нравоучения» («Путь...» выходил отдельным изданием, но фактически является третьей частью «Начертания...»). Однако в целом указанные сочинения повторяют принципиальные положения работ святителя Игнатия и по этой причине не будут отдельно рассматриваться).

¹⁰ Письма озаглавлены издателями.

возношение мысли и сердца всякими смиренными о себе чувствами. Тогда же, как в уши бьют камнями сладких речей, сходите в сердце и уничижайте себя всячески пред Господом и святыми Его... Уничиженный труд телесный много помогает. Слуги – также хорошие учителя смирения. Желайте оскорблений и паче – неправых; по крайней мере, встречайте их, как спасительный пластырь, Господом прилагаемый на рану тщеславия. Но не думайте сами собою что-нибудь сделать. Прибегайте к Господу, смившему Себя до рабья зрака. Он научит. Не нерадите только о сем состоянии. Похвалы заморозят вас, и выйдет из вас мраморное изваяние, не некрасивое наружно, но безжизненное. Избави вас, Матерь Божия, от сего! Лучше валяться в грязи и быть попираему всеми, нежели быть так” [Феофан Затворник. 1997. С. 131–132].

Оценка автора достаточно однозначна: успех – это искушение дьявола. Единственное средство против этого искушения – смирение. Описанные выше категории и связи между ними очень близки к тем, которые были получены нами по результатам обследования монастырей и наблюдения реальной практики хозяйствования их насельников. Однако, что важно, этот автор пишет для мирян и был рекомендован нам в монастырях именно как автор *для мирян*.

Категория “благословение”

В ходе обсуждения итогов проведенного исследования в различных аудиториях нам постоянно задавались одни и те же вопросы: “А как же миряне? То, что Вы говорите, как будто правда, но неужели все православные миряне живут в послушании? Скорее всего, это не так. Как же обстоит дело с православной этикой мирян?”

На основании пилотажных наблюдений в московских храмах мы можем заключить, что монастырские категории послушания и смирения имеют в миру очень сильное подкрепление и / или замену в виде категории “благословение”¹¹. Направленность действия категории “благословение”, по-видимому, такая же, как и категорий “смирение” и “послушание”: она руководит выбором мирянина в ситуации неопределенности, причем по той же схеме: ответ на сложный вопрос дает священник. Там, где у веберовского протестанта ответ на вопрос о спасении давал успех, здесь, в русском православии, ответ дает другой человек (находящийся “ближе” к Богу¹², нежели мирянин).

В жизни и хозяйственной практике благословение дает священник. Так, он дает разрешение на то или иное действие, иницирует его. Благословение берется православными мирянами

¹¹ “Благословением Божиим называется промыслительное действие силы, или благодати Божией, которым восполняются, обновляются и направляются ко благу и счастью жизнь, силы и действия созданий Божиих”. См. подробнее: “О священническом благословении” <http://www.tserkov.org/documents/blagoslovenie.html>.

¹² Речь идет не о том, что догматически священники ближе к Богу, а о таковом восприятии их людьми.

и по какому-то поводу, и просто так. Благословением священник приветствует мирянина.

Категория “благословение” имеет определенное отношение к вопросу о спасении. Действие, на которое благословил священник, признается благим. Если самостоятельно православный мирянин не может решить, хорошо или плохо то действие, которое ему предстоит совершить, нужно его совершать или нет, он обращается к священнику.

Таким образом, в части мотивации хозяйственного действия восстанавливается схема духовного руководства, которую мы описали, когда говорили о категории “послушание”. Разница состоит только в том, что в монастыре можно обращаться к священнику за благословением гораздо чаще, нежели в миру. Тем не менее у нас нет оснований полагать, что со священниками обсуждаются только самые принципиальные вопросы жизни вообще и хозяйственной жизни – в частности. Люди (особенно неофиты) часто приходят за благословением по самым пустяковым вопросам. С какого-то момента людям начинает казаться, что нужно просить благословения как можно чаще и по возможности на всякое действие.

Также нужно сказать, что область применения категории “благословение” – это (1) вопросы коммуникации двух лиц, из которых никто не является священником. Например, для осуществления какого-либо действия на приходе или в монастыре один православный часто обязан сказать другому, к которому он вынужден обратиться: “меня батюшка благословил сделать то-то и то-то”. Тогда второй актер может и должен разрешить осуществление требуемого действия. Иногда благословение дается письменно. Это и (2) вся сфера деятельности, связанная с “разрешением” и инициированием того или иного действия. Изначально благословение призвано разрешать действие. На деле его отсутствие часто останавливает действие православного актора. Без благословения наместника в монастыре не должно совершаться ни одно действие. Также многие действия на приходе могут быть совершены только по благословению священника или настоятеля храма.

Поскольку на приходе, как правило, один священник (за исключением крупных городов – но и там священников настолько мало, что это принципиально не меняет схему), практически все вопросы приходится решать с ним или с тем, кому это делегировано по уставу или по сложившейся практике (например, в монастыре – с экономом или духовником). С одной стороны, это обеспечивает центральное положение священников, духовников, наместников в узлах православных социальных сетей по разным внутримирским вопросам. С другой стороны, часто, чтобы выяснить какую-то мелочь, приходится общаться только со священником, а это отнимает много времени и у него, и у прихожан.

Подчеркнем, что имеется явная связь между монастырской этикой и этикой православных мирян. Благословение – одна из тех категорий, которую активно использует православная литература для мирян. Категория “благословение”, восстанавливающая схему “послушания” применительно к внутримирским от-

Имеется явная связь между монастырской этикой и этикой православных мирян. Благословение – одна из тех категорий, которую активно использует православная литература для мирян

ношениям, – одна из основных категорий, регулирующих мирскую жизнь православных.

Значение категории “благословение” для *мирской жизни* православных акторов, видимо, значительно выше, нежели значение категории “послушания”. На основании собранных нами данных категория “благословение” получила скромное освещение, однако необходимо проведение дальнейших исследований в этой области. Нам кажется, что именно эта категория может стать основной при разработке этических православных кодексов для мирян, в дополнение или на замену уже существующему “Своду нравственных принципов и правил в хозяйствовании”.

Мотивация хозяйственной деятельности в этике русского православия

В заключение представим несколько типов хозяйственных практик, восходящих к описанной выше этике. Явление, посредством которого лучше всего понимается воздействие на актора рассмотренных элементов хозяйственной этики современного православия, – это явление духовничества¹³.

С одной стороны, это феномен чисто духовный, представляющий собой связь между духовным отцом (священником, монахом) и сыном (монахом или мирянином). Их отношения описываются категорией послушания. (Понятно, что послушание не регламентирует всю жизнь мирянина, имеющего духовного отца, но в идеале направлено на это.) С другой стороны, окормляемый может советоваться (и советуется) с духовным отцом по любым вопросам. Практика духовничества, по-видимому, не прерывалась на протяжении русской истории.

Обратимся непосредственно к хозяйственным аспектам практики духовничества. Сначала приведем несколько примеров из разных источников. Так, Н. Митрохин приводит фрагмент интервью с человеком, рассказывающим об о. Науме, духовнике Троице-Сергиевой Лавры. В интервью и последующем тексте Митрохина показано, что благодаря своему положению о. Наум обладает довольно значительной хозяйственной властью.

“Если бы Вы знали, какой он труженик. Вот, к примеру, монастырь в Новосибирске, в который он отправляет множество ребят, обездоленных и потерявших себя. Сколько оттуда грузовиков с луком в Москву пришло, сколько стройматериалов туда ушло. Поэтому к нему столько людей без очереди и идет – не просто так, а решать конкретные вопросы: что, куда и как” [Митрохин. 2004. С. 100].

Помимо концентрации хозяйственной власти у духовника (что не является его “прямой функцией”) в православной литературе периодически приводятся и другие примеры, связанные с хозяйственной тематикой. Так, например, часто можно встретить ссылки на рекомендации того или иного священника, дан-

¹³ Духовничество характеризует типическое для русского православия действие – показывает основную схему этого действия. Мы вовсе не утверждаем, что оно есть или должно быть в любом православном действии. Мы не утверждаем, что те сферы жизни, где нет духовников, не православны. Мы только хотим обратить внимание на типичные действия и отношения акторов.

ные мирянину и связанные со сменой места работы или оставлением ее вовсе. Вот, например, описание практически первой встречи одной профессиональной скрипачки с духовником:

«Вспомнила его слова: «Сестры, послужите Богу! Чем занимаетесь? Вы должны воспевать Господа, а не играть на инструментах и тешить лукавого» – «Батюшка, ну как же можно бросить, как? Вы не представляете, какая у меня скрипка! – простонала я. – Это же не худшая профессия, все-таки прекрасному служу, а Красота – одно из имен Бога. Я исключительно Бахом занимаюсь, стараюсь исполнять одну духовную музыку, на моих концертах люди плачут. У меня такая скрипка...», – и чувствую, все доводы у меня из рук сыплются, как песок. Я судорожно пытаюсь ускользящее удерживать. «Да, Елизавете Феодоровне не то пришлось бросать, что тебе. Не какую-то скрипку – всю Царственную жизнь. И другие немало имели – и ради Господа все оставили. Я тебе не то что категорически запрещаю...» Но, конечно, это было благословение старца: оставить все» [Пасхальная. 2003. С. 13].

После некоторого периода колебаний женщина оставила карьеру музыканта, рассталась с оркестром, несмотря на то, что у нее уже была составлена программа концертов и по всей Москве уже были расклеены объявления.

Приведем еще пример, уже из нашего исследования. Один из респондентов в интервью сказал следующее:

«Я работал в строительстве, и у меня неплохо получалось. За короткое время я достаточно быстро вырос. И как-то пришел к батюшке – я уже тогда ходил в церковь. И он меня спрашивал, как жизнь да еще разное. И про работу заговорили. И он мне говорит, чтобы я сменил работу. Ушел из строительства. Я говорю: зачем? И он говорит: иначе гордость погубит. Полезно сменить. Для смирения. Я не сразу решился. Как-то так все перевернуть. Тяжело было. Но сейчас понимаю, что к лучшему. Он прав был. Начнешь гордиться – все полетит» (Вадим, паломник, около 40 лет. Соловки).

Подобных примеров можно привести еще много. Нужно заметить, что старец или духовный отец не обязательно запрещает какой-либо вид деятельности или требует оставить внутримирскую работу. Напротив, духовники часто поддерживают прихожан как внутриконфессиональными аргументами («может быть, таков промысел Божий, и не надо ему сопротивляться», «такова Воля Божья» и др.), так и внеконфессиональными.

Можно предположить, что по сходному сценарию, с центральной ролью представителей церкви, проходят и другие религиозно-хозяйственные практики, не связанные непосредственно с явлением духовничества. Например, молебны о дожде [Энгельгардт. 1999], вынос икон перед посевом [Носова. 1975], многодневные паломничества, для того чтобы оставить последние деньги в монастыре [Федоров. 1889], вклады в монастыри [Милютин. 1862]. Эти практики всегда были связаны с этикой. Более того, часть из них в какой-то момент оторвалась от своих этических корней и осталась сведенной только к обрядовой практике.

Общая схема

Можно сказать, что наблюдения, проделанные нами в современных монастырских общинах Русской православной церкви, и выводы, полученные по итогам анализа доктринальной и пастырской литературы современного русского православия, совпадают с тем, что пишут исследователи о практиках дореволюционного православия. Если современные хозяйственные практики и отличаются от дореволюционных, то в них, тем не менее, обнаруживается одна и та же мотивационная схема – схема, реализующаяся на практике и описываемая этикой¹⁴.

Представить эту схему будет проще, сравнивая ее со схемой, описанной М. Вебером для протестантов кальвинистского толка. Протестантская схема состоит в следующем. Действующий (протестант) полностью оторван от Бога: Бог его не слышит, молитва Богу не имеет смысла. Часть людей изначально предизбрана к спасению, и эта предизбранность проявляется в мирской жизни в виде благоденствия, успеха. Самой простой единицей для измерения благоденствия полагается при этом внешний достаток, легко выражаемый в денежном эквиваленте. Соответственно кто благоденствует в миру, тот будет спасен. Далее Вебер предполагал, что каждый человек, находясь в такой ситуации, захочет проверить, предизбран он или нет. Способом проверить это является попытка честным трудом добиться благоденствия в этой жизни. Если человек успешен, значит, он избран. Таким образом, предельно простая схема (см. рис. 2) состоит в том, что хозяйство является средством на пути к Богу (спасению)¹⁵.

Рис. 2. Мотивация хозяйственной деятельности в протестантизме

Окончание см. на стр. 55 →

¹⁴ Можно также утверждать, что присутствует преемственность современных православных текстов и идей, заложенных в них, по отношению к дореволюционным.

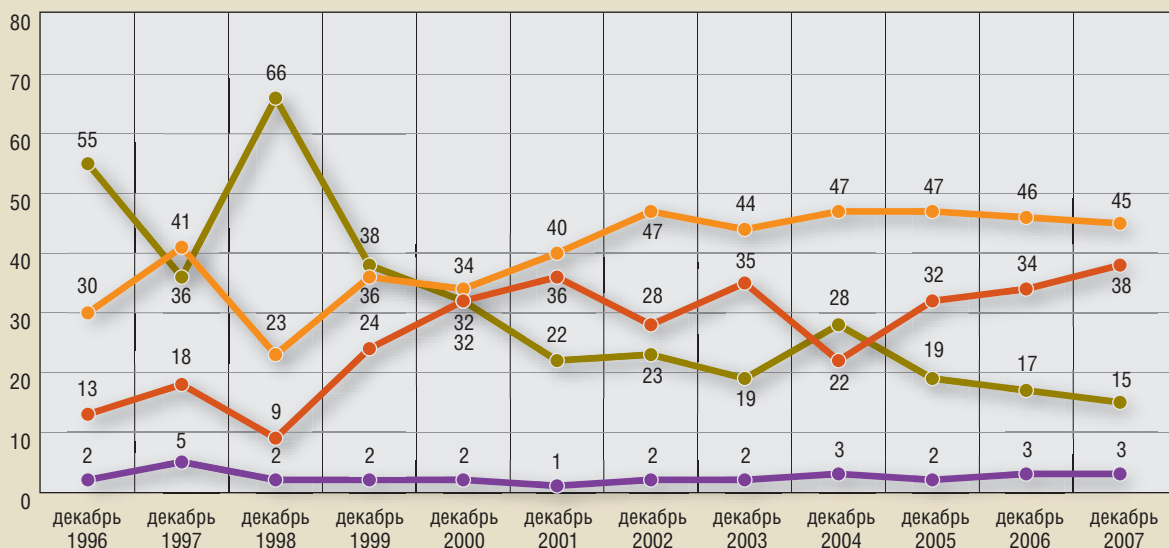
¹⁵ Сходная схема была отстроена в католичестве путем принятия нескольких важных доктринальных тезисов и упорядочения практики в соответствии с ними. Основной из них – тезис об апостольстве мирян и об относительной самоценности человеческой деятельности [Документы... 1998].

2007 год: итоги и оценки

Выборка: 1500 человек. Данные в % от населения

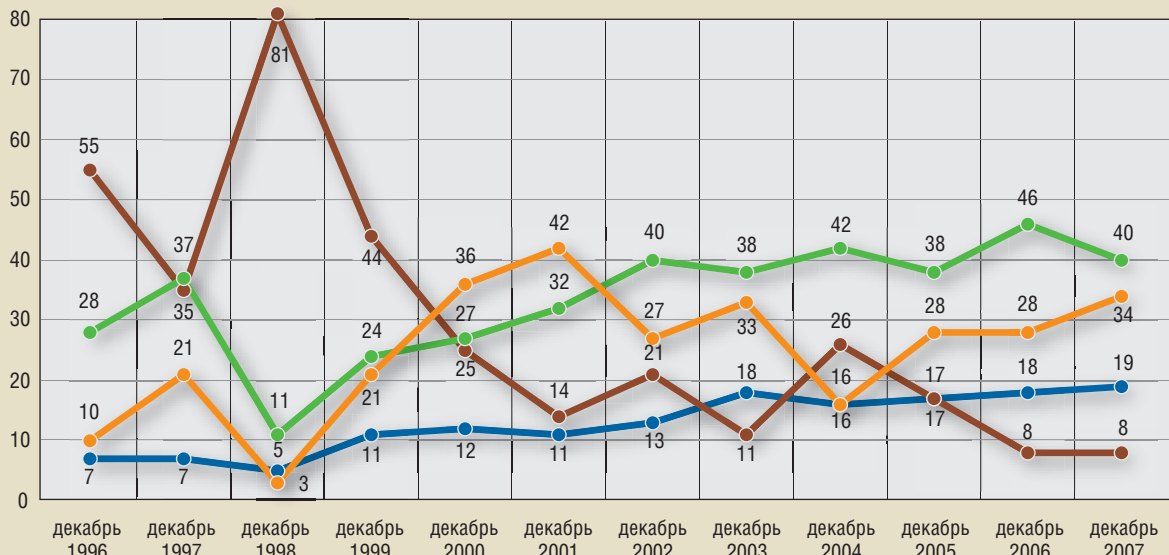
Если говорить в целом, то каким для Вас лично был уходящий 2007 год — лучше, хуже или таким же, как прошедший 2006 год?

- лучше
- таким же
- хуже
- затрудняюсь ответить

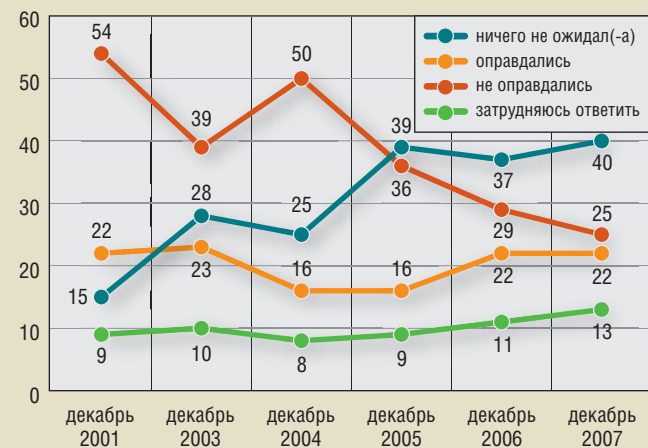

А для России каким был уходящий 2007 год — лучше, хуже или таким же, как прошедший 2006 год?

- лучше
- таким же
- хуже
- затрудняюсь ответить

Припомните, пожалуйста, что хорошего Вы ожидали от 2007 года для России, и скажите, оправдались или не оправдались Ваши ожидания?

Если Вы, думая о России, чего-либо опасались год назад, то Ваши опасения подтвердились или не подтвердились?

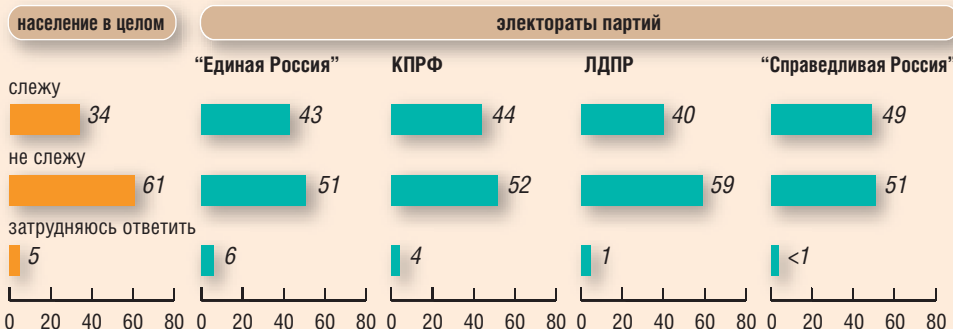

Интерес к избирательной кампании

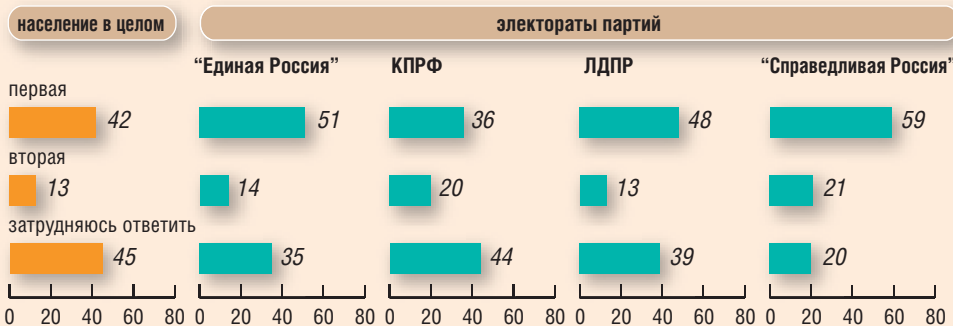
Данные в % от населения

В нашей стране регулярно проходят выборы в государственные органы различных уровней.

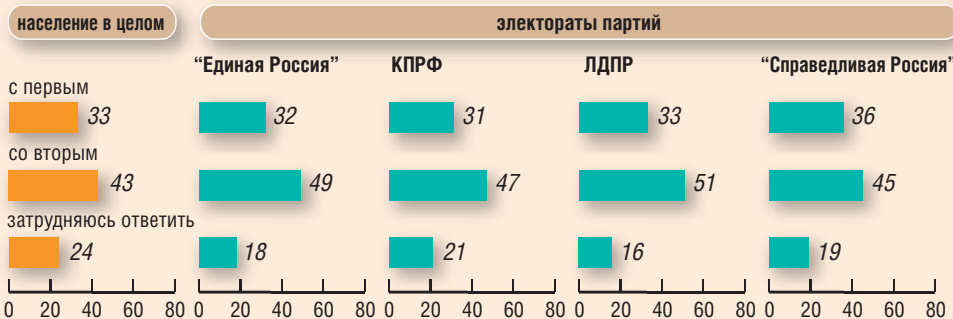
Скажите, пожалуйста, Вы обычно следите или не следите за предвыборными кампаниями?

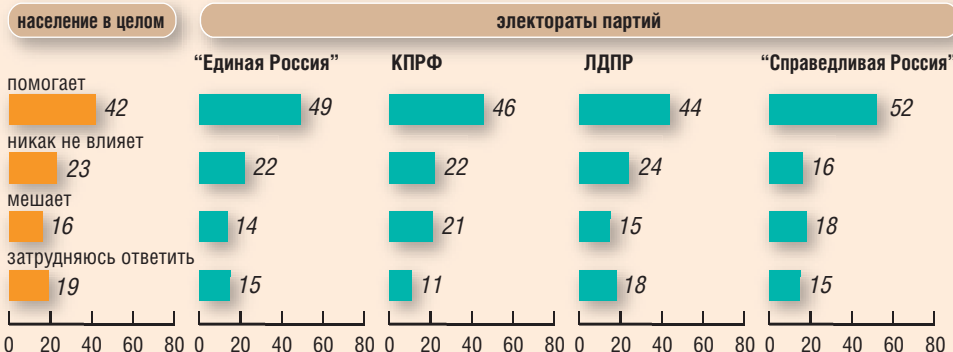
Одни считают, что в ходе предвыборной борьбы партии должны прежде всего излагать собственные взгляды и программы действий. Другие считают, что партии должны прежде всего спорить между собой, обсуждать и критиковать взгляды и программы других партий. А Вам лично какая позиция ближе – первая или вторая?

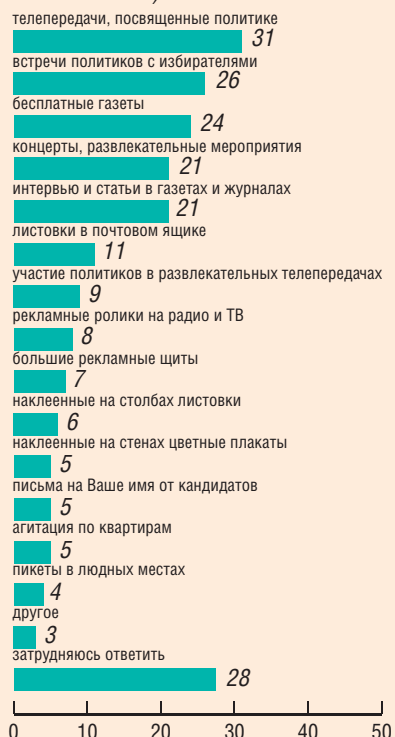
Одни считают, что выборы можно проводить без предвыборной агитации. Другие считают, что предвыборная агитация необходима. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?

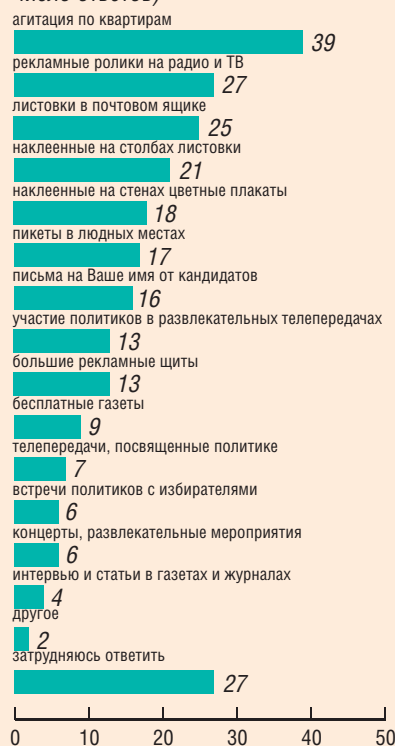
Как Вы считаете, предвыборная агитация помогает или мешает людям определить свое отношение к партиям и кандидатам в депутаты? Или предвыборная агитация никак не влияет на отношение людей к партиям и кандидатам?

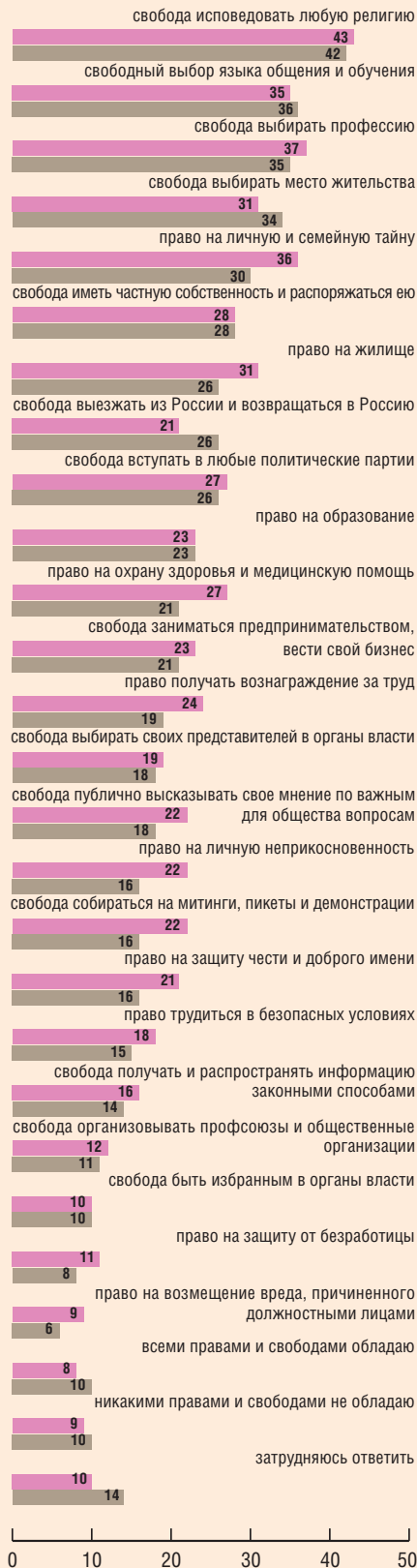
Скажите, пожалуйста, какие способы предвыборной агитации Вам нравятся, Вас не раздражают? (Карточка, любое число ответов)

А какие способы предвыборной агитации Вам не нравятся, Вас раздражают? (Карточка, любое число ответов)

По Вашему мнению, какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно обладаете?
(Карточка, любое число ответов)

12-13 марта 2005 27-28 октября 2007

А какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно не обладаете?
(Карточка, любое число ответов)

12-13 марта 2005 27-28 октября 2007

Какие из гарантированных российской Конституцией прав и свобод наиболее важны лично для Вас?
(Карточка, не более пяти ответов)

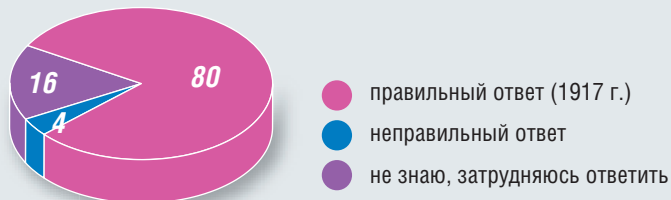

12-13 марта 2005 27-28 октября 2007

Октябрьская революция: последствия для страны и роль в жизни семей

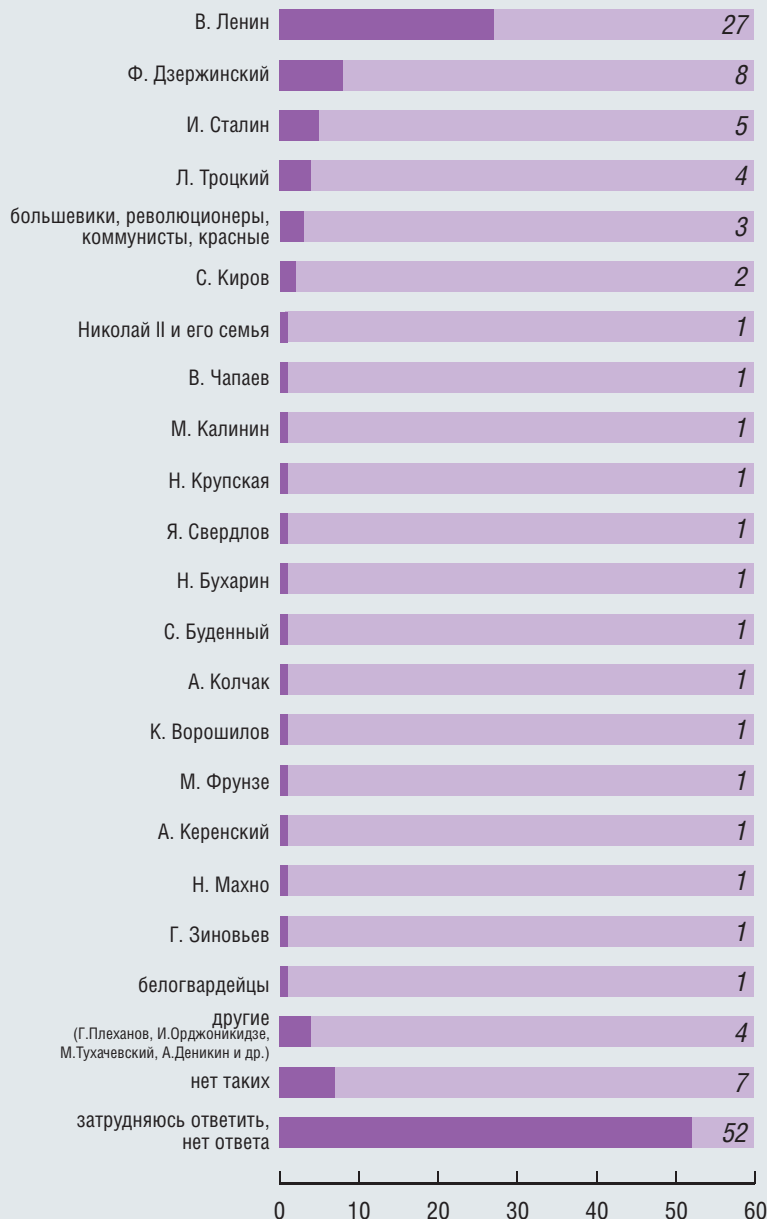
Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, в каком году произошла Октябрьская революция в России?

Припомните, пожалуйста, участников событий 1917 года — политических деятелей того времени, на какой бы стороне они ни находились.

К кому из участников событий 1917 года Вы относитесь положительно, с симпатией? (Открытый вопрос)

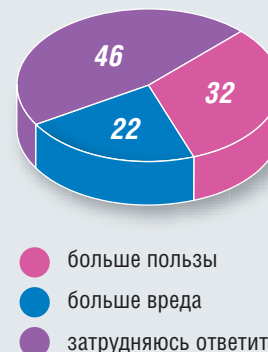
Как Вы считаете, Октябрьская революция имела в целом больше положительных или больше отрицательных последствий для России?

Как Вы считаете, Вашим предкам, жившим в 1917 году, Октябрьская революция принесла тогда больше пользы или больше вреда?

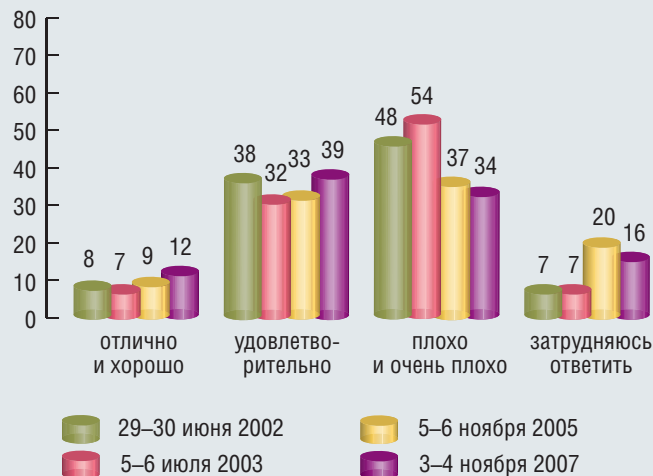
А если говорить об истории Вашей семьи с 1917 года до сегодняшнего дня, то последствия Октябрьской революции принесли ей больше пользы или больше вреда?

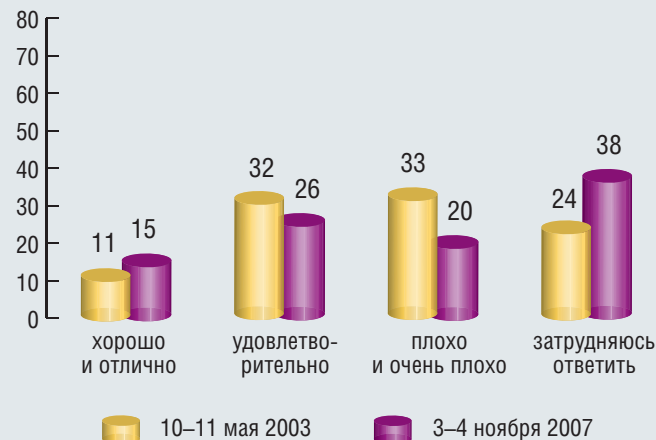
Участковые милиционеры

Выборка: 1500 человек. Данные в % от населения

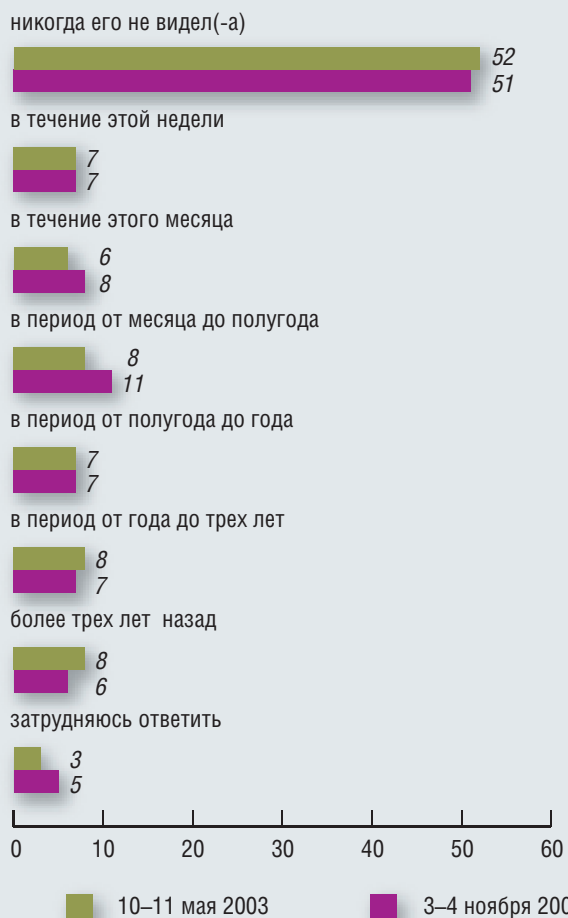
Как, по Вашему мнению, работает сегодня милиция, как она справляется со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

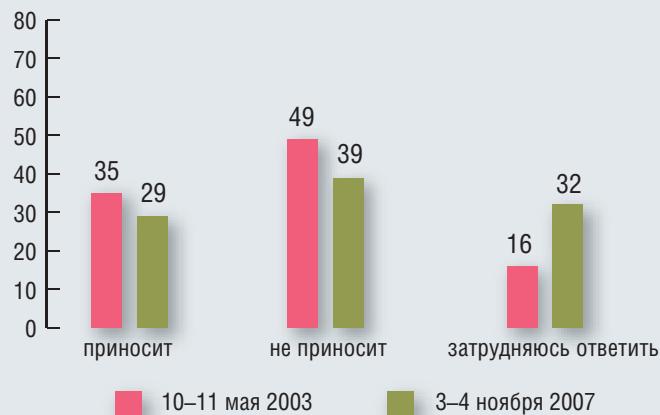
Как, по Вашему мнению, работают сегодня участковые милиционеры, как они справляются со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

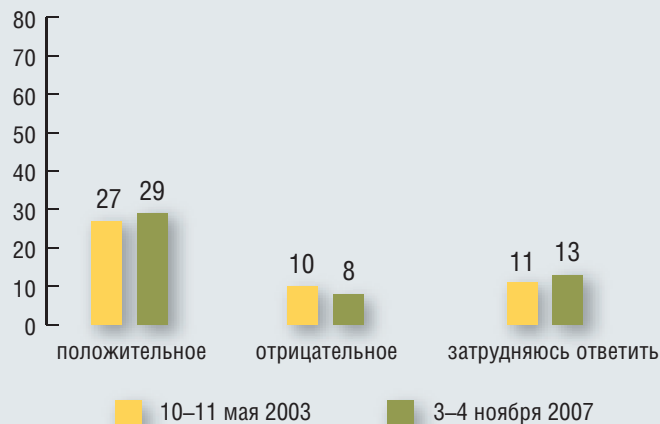
Скажите, пожалуйста, когда в последний раз Вы видели своего участкового милиционера или общались с ним?

Как Вы считаете, работа участковых милиционеров приносит или не приносит реальную пользу таким людям, как Вы?

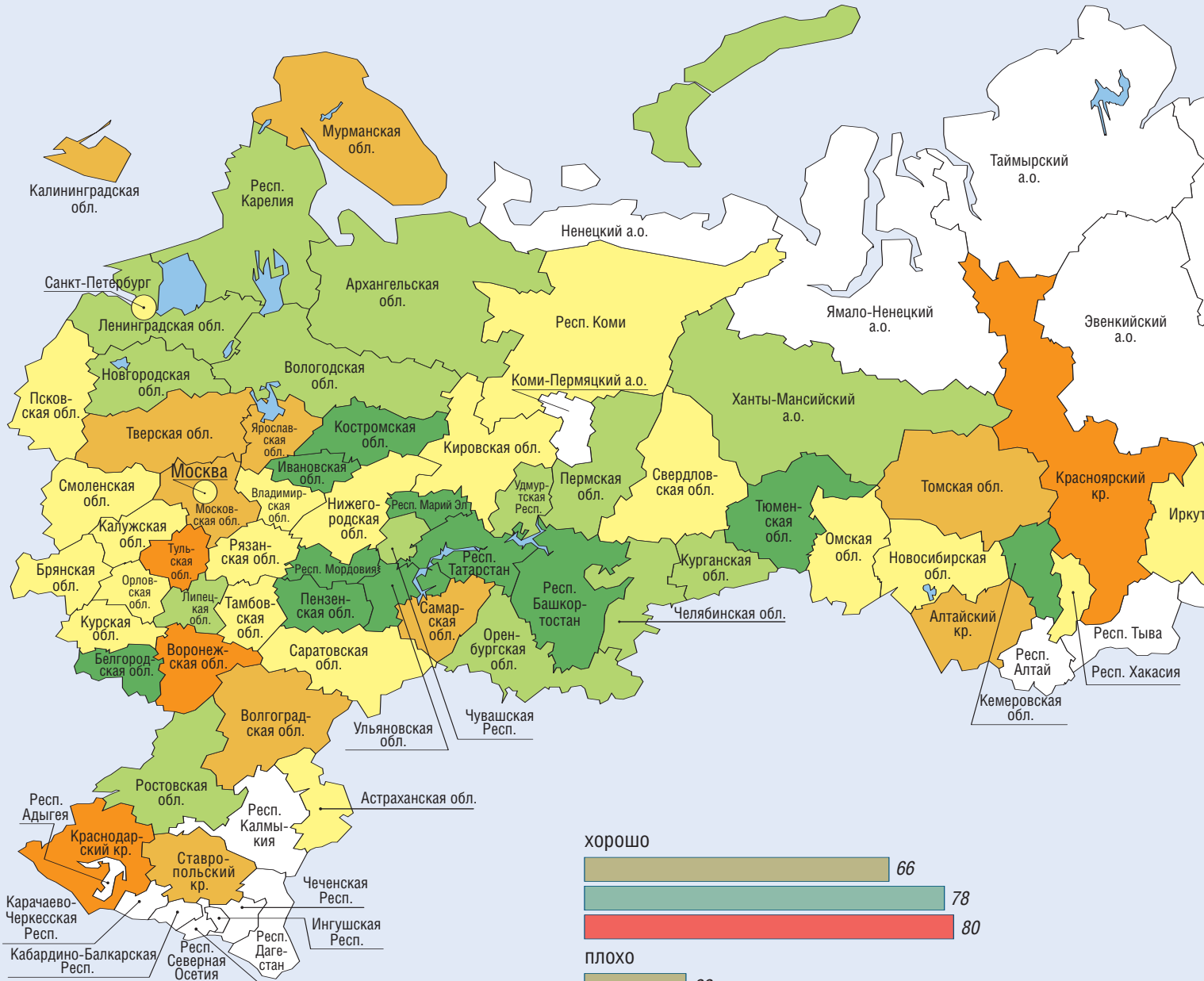

Какое впечатление у Вас осталось от встречи с Вашим участковым милиционером – положительное или отрицательное? (Ответы всех респондентов, кроме заявивших, что они никогда не видели своего участкового милиционера, — 49% от всех опрошенных)

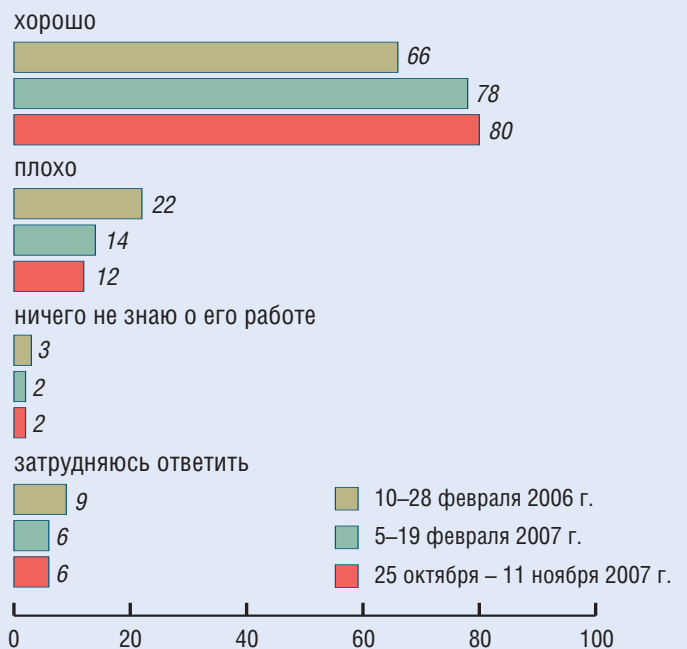

Оценка работы В. Путина на посту президента России

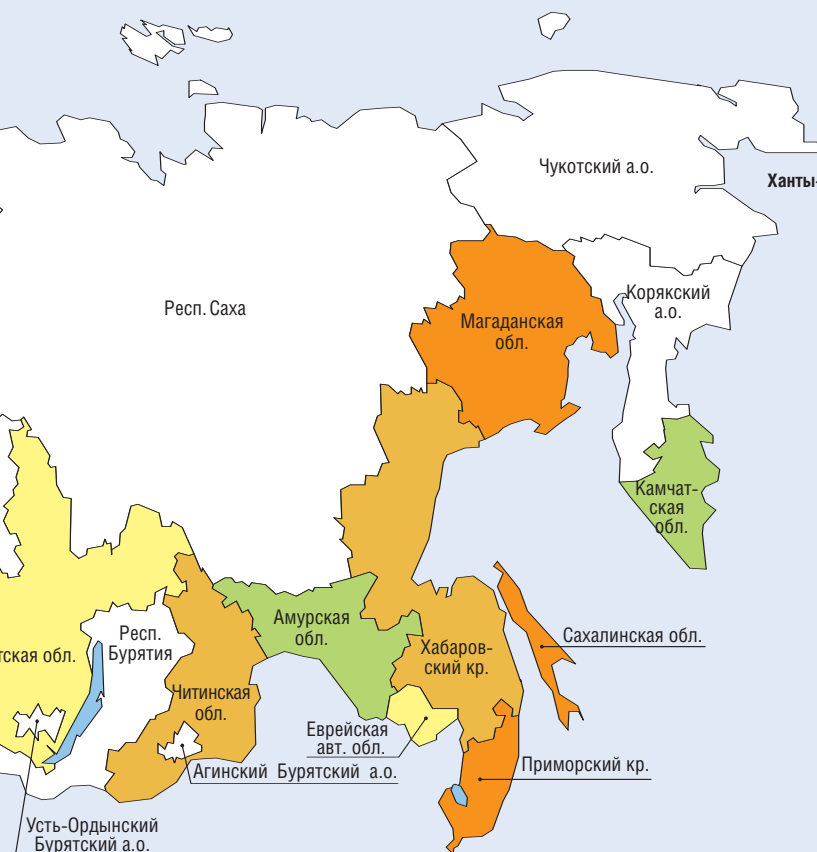
Те, кто считает, что В. Путин работает хорошо

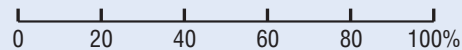
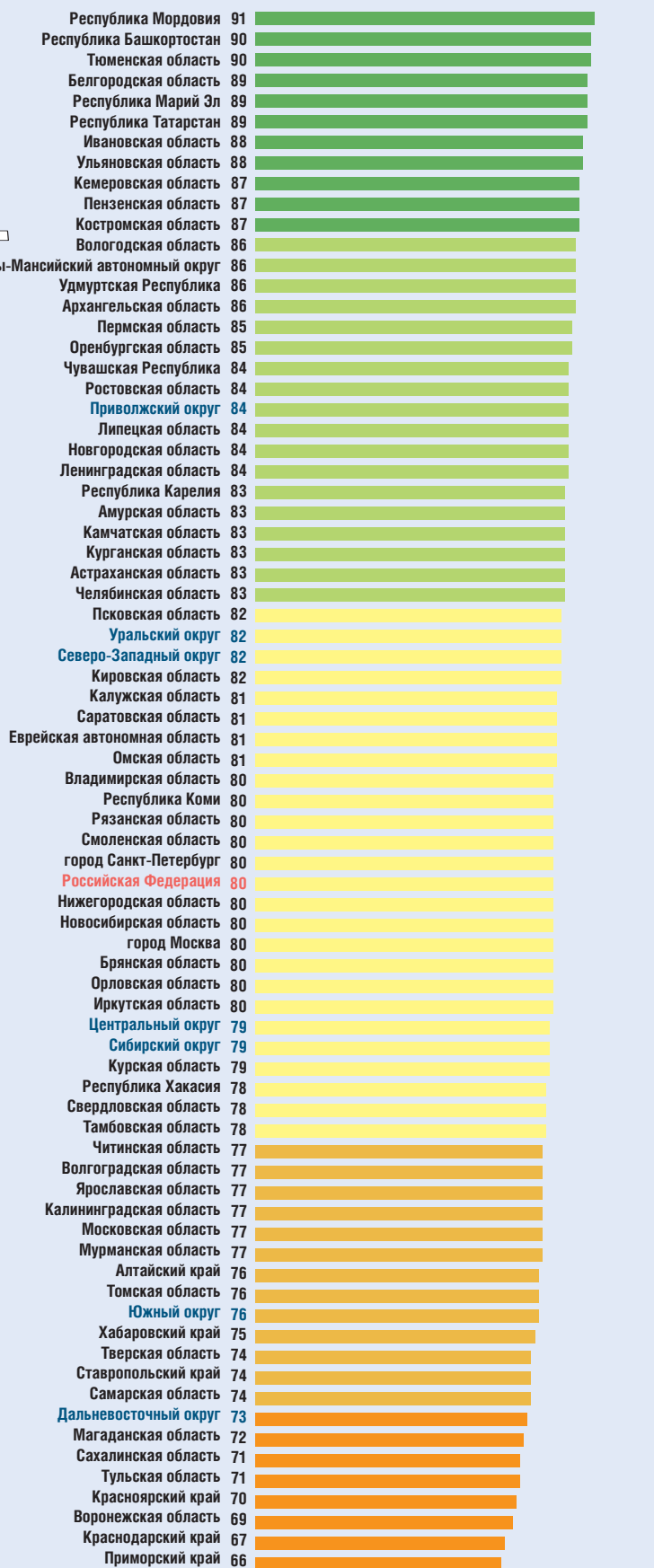
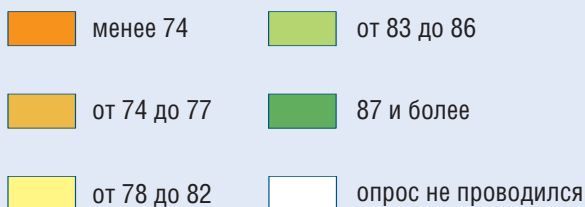
Как Вы считаете, президент В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?

Опрос 25 октября – 11 ноября 2007 года. Выборка: 34 000 человек

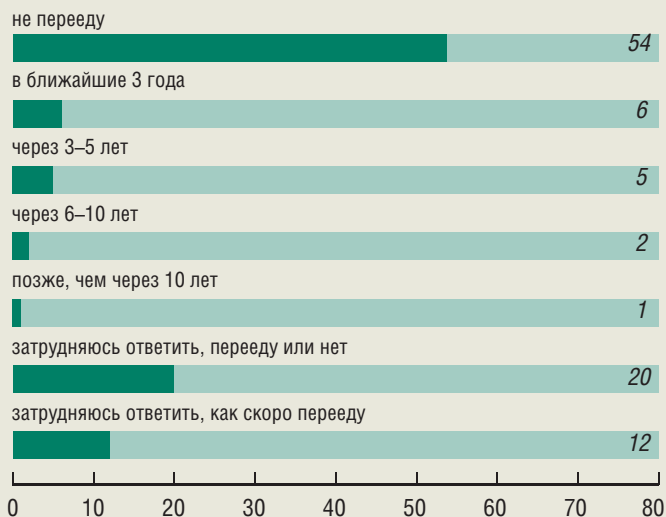
Доля от числа опрошенных, %

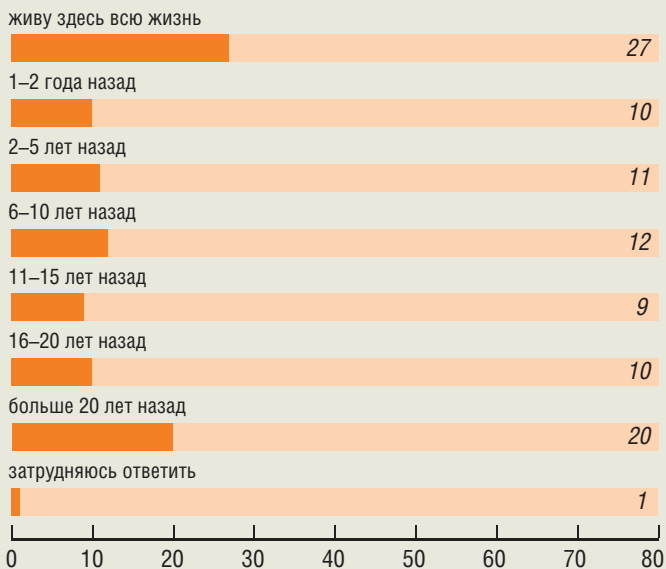
Отношение к переездам

Данные в % от населения

Как Вы думаете, Вы когда-нибудь переедете или никогда не переедете из Вашего теперешнего жилища в новое? И если переедете, то когда?

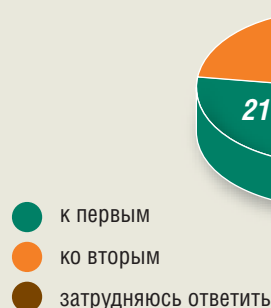
Скажите, пожалуйста, Вы живете в этом жилище всю жизнь или раньше жили в другом месте? Если Вы жили в другом месте, то как давно переехали в теперешнее жилище?

Как Вы считаете, Ваши жилищные условия в результате переезда улучшились или ухудшились? (Ответы всех, кроме заявивших, что они живут в своем жилище всю жизнь, – 73% от всех опрошенных)

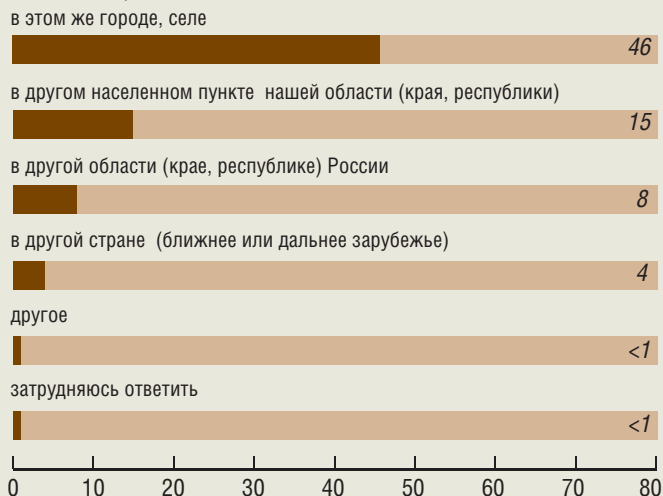

Одним людям нравится менять место жительства. Другие неохотно покидают обжитые жилища. Если говорить о Вас лично, Вы скорее относите себя к первым или ко вторым?

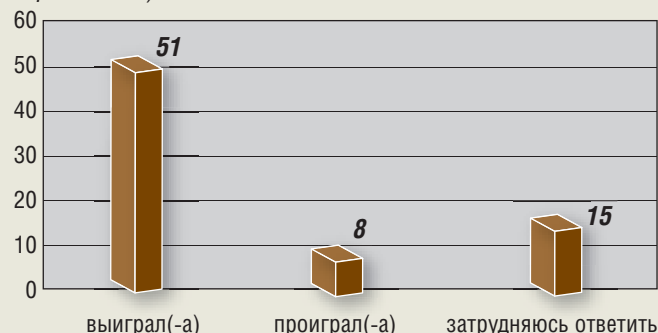

Давайте поговорим о месте, где Вы жили до того, как поселились в Вашем теперешнем жилище.

Где находится (находился) дом, в котором Вы жили раньше? (Ответы всех, кроме заявивших, что они живут в своем жилище всю жизнь, – 73% от всех опрошенных. Карточка, один ответ)

А если оценить последствия переезда для Вашей жизни в целом, то Вы скорее выиграли или проиграли в результате смены места жительства? (Ответы всех, кроме заявивших, что они живут в своем жилище всю жизнь, – 73% от всех опрошенных)

→ *Окончание статьи.*

Совершенно по-другому устроена схема мотивации хозяйственной деятельности в религиозной этике русского православия. Действующий (православный христианин) воспринимает свою хозяйственную деятельность не как средство угодить Богу или достичь спасения – он воспринимает эти две вещи достаточно независимо. Важно, что Бог при этом остается предельно значащей ценностью. Далее у православного христианина возникает вопрос: как нужно хозяйствовать в ситуации, если хозяйство и предельные ценности не являются связанными каким-то определенным образом? В этом случае у православного христианина по сути есть два основных варианта. Для обоих вариантов осевой является идея послушания.

Первый вариант¹⁶ – наиболее последовательный и логичный – это уход в монастырь. Хозяйство в этом случае чаще всего элиминируется или должно быть элиминировано. В данной ситуации актер не сталкивается с хозяйством в смысле распоряжения хозяйственной властью (М. Вебер). По крайней мере до тех пор, пока он не будет поставлен на одну из руководящих позиций в монастыре (например, эконома или наместника). Вместо этого в ситуации начального пребывания в монастыре человек сталкивается с “трудовыми” операциями. Эти трудовые операции так и называются – “послушания”. Послушание (как принцип трудовой деятельности) становится средством спасения. Чтобы спастись, человек должен соединить свою волю с волей Божьей. Средством для этого является послушание другому – более опытному духовно: для трудников, паломников, послушников – чаще монаху, для наместника монастыря – епископу и т. д. Таким образом, исключение собственного целеполагания само по себе является средством спасения. В более сложных ситуациях могут иметь место обстоятельства, при которых совет более опытного духовно человека получить невозможно. Как тогда изменяется действие православного человека, в том числе хозяйственное? Важно здесь то, что и в этом случае собственное целеполагание остается нежелательным. При отсутствии посредников, способных (будучи более опытными духовно) передать человеку Божью волю, он пытается “угадать” последнюю посредством каких-либо внешних обстоятельств. Для этого существуют две практики, в жизни сочетающиеся одна с другой и выступающие в виде своеобразной “формулы” для насельников православных монастырей. Первая практика – “молитва”, когда Бога просят послать “хлеба насущного”, вторая – собственно “хозяйство”, когда для того, чтобы результат хозяйственной операции был удачным, также обращаются к Богу с молитвой.

Второй вариант выбора жизненного пути, состоящий в мирской жизни, по сути отличается только значительно более высокой степенью “внутримирской ответственности” актора в своей деятельности, в том числе хозяйственной. Однако базовая мотивационная схема действия остается аналогичной приведенной в первом

¹⁶ Этот вариант представляет редуцированную схему, поскольку включает в себя не все позиции.

варианте. Действующий православный мирянин, вынужденный хозяйствовать, не рассматривает хозяйство как средство спасения, угождения Богу в том же смысле, что и веберовский протестант. Конечно, иногда он приносит в храм или “кладет на канон” продукты своего хозяйства. Но они имеют совсем другой смысл. Основной смысл соотнесения Бога и хозяйства состоит в том, что православный христианин призывает Бога в помощь, для того чтобы его хозяйству сопутствовал успех. Именно таков смысл молебнов и крестных ходов от засухи или перед началом сезона и т. д. Именно в этом смысл многодневных паломничеств к святым. Помимо “обращения” к Богу напрямую используются и посредники – начиная от духовников и заканчивая просто старшими по статусу (профессиональному, семейному, какому-либо еще). Категории послушания, смирения и благословения и в этом случае остаются центральными.

Описанная схема еще не является завершенной. Выше мы зафиксировали отсутствие отношения к хозяйству как к средству на пути спасения в русском православии и отметили, что православный мирянин призывает Бога в помощь для успеха своей хозяйственной деятельности. Скажем еще, что православный христианин в миру осязаемо сталкивается не с Богом (или не только с Богом), – с Богом он сталкивается через посредство Церкви. А если совсем конкретизировать, то он имеет дело со священниками, монахами, таинствами, культурами и получает для своего диалога с Богом, с одной стороны, посредника, а с другой – видимые и осязаемые средства. Обращение к Богу производится через священника, монаха или святого (осязаемо представляющего святыми мощами и иконой). Более того, мирянин *не может не* обращаться к Богу с помощью указанных средств. Так, сегодня каждый православный христианин должен раз в определенный (непродолжительный) срок исповедоваться, причащаться и собороваться. Раньше (например в синодальный период) он должен был также оплатить регулярные службы и молебны. Долженствование здесь связано не столько с внешним принуждением, сколько с внутренним побуждением к соответствующим действиям и состояниям.

Таким образом, православная схема мотивации хозяйственной деятельности имеет следующий вид (см. *рис. 3*). Для православного мирянина Бог,

представленный священником (церковью, монахом, святым), является средством в его хозяйстве. Мы используем слово “средство” безо всякого морального оттенка, только в рамках определенных научных концепций, описывающих соотнесение различных благ и выбор между ними¹⁷. Смысловым ядром схемы практик такого рода являются этические категории *смирения* и *послушания*. Именно они описывают роль посредника (церкви) в этой схеме

и идеальный характер коммуникации. Без отношения подобного рода описанная схема не могла бы сложиться. Причем для хозяйства в ней предусмотрен очень маленький диапазон.

Более ярко и прямо указанные этические идеи проявляются в феномене духовничества, описанном нами ранее, и в хозяйственных практиках, восходя-

Значение категории “благословения” для мирской жизни православных акторов значительно выше, нежели значение категории “послушания”

¹⁷ См. подробнее: [Радаев. 2004].

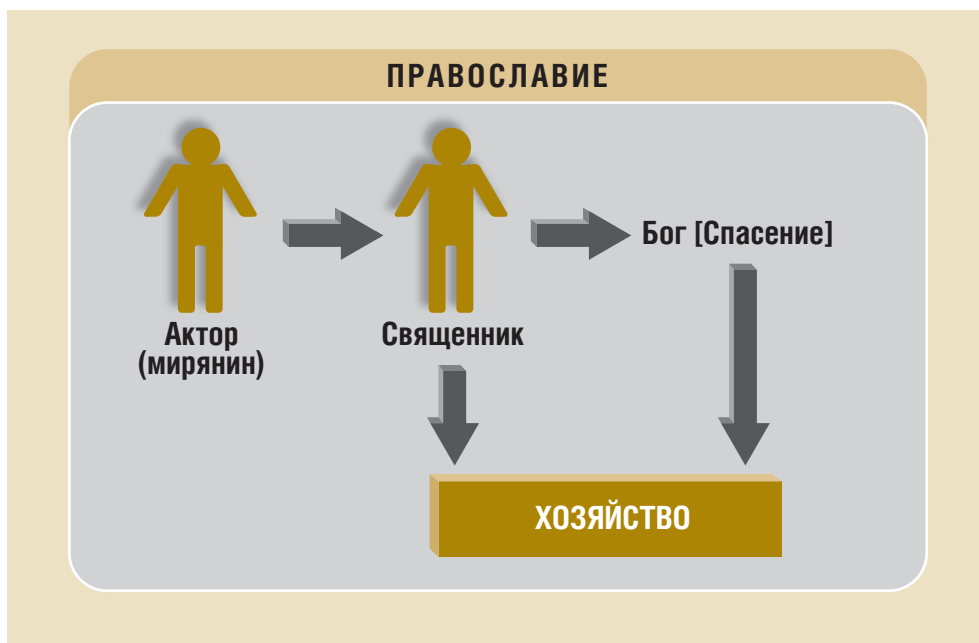

Рис. 3. Мотивация хозяйственной деятельности в православии

щих к нему, например, когда воля духовника определяет выбор профессии православного христианина¹⁸.

* * *

Подведем итоги нашего исследования.

Основное содержание хозяйственной *этики*, актуализирующей в практике, описывается следующим набором категорий¹⁹.

Для решения принципиальных вопросов православными акторами используются категории *Божьей воли* и *промысла Божьего*. Категория Божьей воли актуализируется в православном богословии при постановке вопроса и ответе на вопрос о роли человеческого действия в деле собственного спасения. Православный ответ состоит в том, что человеческая свобода, в том числе и свобода действия, – это реальная сила в деле собственного спасения (в отличие, например, от протестантизма, как он описан М. Вебером). Но поэтому основная проблема конкретного человека состоит в освоении собственной свободы и направлении собственной воли ко благу. Другими словами, православный актер должен вести себя так, чтобы его воля и воля Бога были сонаправлены. Далее православие “предлагает” действующему ряд практик, которые позволяют это сделать.

¹⁸ В связи с описанной схемой уместно вспомнить известное высказывание Ф.М. Достоевского: “Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему... если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит не умирает она на земле, а стало быть когда-нибудь и к нам перейдет и водворится по всей земле, как обещано” [Достоевская. 1981. С. 326–329].

¹⁹ По итогам нашего исследования можно обосновать предположение, что реально использовавшаяся в хозяйственных практиках этика и хозяйственная идеология, зафиксированная в текстах, сильно различались.

Основной такой практикой и соответственно категорией, которая эту практику описывает, является практика и *категория послушания*.

Главная идея состоит в том, что если воля Бога всегда “правильна”, то человеку лучше всего поручить себя этой воле и делать то, что велит она. Тогда две воли оказываются сонаправленными, и спасение достигается. На практике лучшими изыскателями Божьей воли являются люди духовно более опытные. Кроме того, таковыми считаются вообще люди более опытные в любом деле, в том числе и мирские начальники.

Далее делается еще одно важное утверждение. Оно состоит в том, что человеческое хотение, как правило, ведет к греху. Соответственно, если человек научится отрекаться от собственной воли, тогда он окажется на пути к спасению. В этой связи многие православные практики становятся направленными на то, чтобы человек в любых ситуациях мог отречься от своей воли. Согласно этой логике, в мирских практиках место более опытного человека занимает просто начальствующий. И какие бы странные вещи он ни требовал, православный актер должен быть “послушлив”. Он может возразить, но если начальник не принимает возражений, православный человек должен *смириться* и исполнить все так, как ему велено.

Категория смирения описывает внутреннее состояние человека, который может наследовать спасение. Смирение достигается посредством послушания. Дать определение понятию “смирение” довольно сложно. По словам православных монахов, “в душе должен быть мир, что бы ни случилось”. Православные актеры легко узнают смиренного и смиряющегося человека по внешне-эмпирическим признакам и отличают его от несмиренного. Смиренный человек не возражает, не спорит, не оправдывается, все принимает. В том числе, например, принимает несправедливые оскорбления. Свообразные “тесты на смирение” – это постоянная практика православных актеров, особенно в монастырях. Человек считается православным, и соответственно с ним можно иметь дело, если он выказывает смирение. При прочих равных с “более смиренным” будут работать скорее, чем с “менее смиренным”.

Еще одной важной категорией является *категория благословения*. “Благословением Божиим называется промыслительное действие силы, или благодати Божией, которым восполняются, обновляются и направляются ко благу и счастью жизнь, силы и действия созданий Божиих”²⁰. В жизни благословение дает священник. Этим способом он дает разрешение на то или иное действие.

Употребление основных категорий этики в конкретной хозяйственной практике и специфика ситуаций, в которых они употребляются, могут быть описаны следующим образом. Категория “Божьей воли” используется актерами в ситуации необходимости самостоятельного принятия решений. Православные актеры пытаются угадать, в чем состоит Божья воля, чтобы поступить в соответствии с ней. Несмотря на то, что есть ряд средств (послушание, благословение), которые дают образцы поведения в ситуациях подобного типа, сущест-

²⁰ См. подробнее: “О священническом благословении” <http://www.tserkov.org/documents/blagoslovenie.html>.

вует значительная область для применения этой категории. Даже внутри монастыря (уже находясь на послушании) трудники оказываются в ситуациях, где все-таки требуется их самостоятельное решение. В миру число таких ситуаций возрастает на порядок. Мы не проводили полноценного обследования современной православной приходской жизни, однако те эпизодические наблюдения, которые были сделаны нами в некоторых московских приходах, свидетельствуют в пользу данной позиции.

Область применения категории “послушание” – это область делегирования ответственности и распределения работы.

Область применения категории “благословение” – это вопросы коммуникации двух лиц, из которых никто не является священником. Также это вся сфера деятельности, связанная с “разрешением” чего-либо. Изначально благословение призвано разрешать действие. На деле его отсутствие останавливает всякое действие православного актора. Без благословения наместника в монастыре не должно совершаться ни одно действие. Поскольку в монастыре всегда один наместник (и часто на приходе один священник), практически все вопросы приходится решать с ним или с тем, кому это делегировано (по уставу), – например с экономом. С одной стороны, это обеспечивает их центральное положение в узлах православных социальных сетей по разным внутримирским вопросам. С другой стороны, часто, чтобы выяснить какую-то мелочь, приходится общаться с наместником, что отнимает много времени и у него, и у обращающихся к нему.

Подводя итог, нужно еще раз сказать, что основным объектом нашего наблюдения являлись монастырские общины. Фиксировалась их хозяйственная практика, на основе которой выделялись категории хозяйственной этики. Далее, в ходе исследования на материалах православной литературы было зафиксировано, что “монастырские” категории являются ключевыми и в текстах, предназначенных для мирян. Мы выяснили, что авторы РПЦ, монахи и священники, описывают мирскую жизнь категориями, которые имеют хождение внутри монастыря. Таким образом имеет место перенос “внутримонастырских” категорий в мир. Однако, помимо простого переноса, существует еще и некоторая специализация. Так, по итогам наблюдений в некоторых московских приходах мы можем сказать, что монастырская категория послушания в миру имеет сильное подкрепление в виде категории благословения.

Также в ходе нашего исследования было выяснено, что современные православные акторы используют этические категории, имевшие хождение в до-революционный период. Однако основными источниками, вероятно, являются не жития древнерусских святых (на которые ссылается часть исследователей хозяйственной этики православия), а тексты авторов, живших непосредственно в предреволюционный период. Причем сами религиозные акторы (священники и монахи) видят разницу между текстами авторов этого периода и более древними работами. Основная причина выбора для чтения первых, по словам респондентов: “они (писавшие в XIX – начале XX вв.) ближе и понятнее нам”²¹.

²¹ На этом основании мы можем сделать вывод, что использование житий в качестве основного источника для выяснения православной этики на данном этапе развития исследований затруднительно и неоправданно. Кроме того, выводы, сделанные по результатам анализа житийного материала, нельзя автоматически распространять на другие исторические периоды, в которые существовала православная этика хозяйства.

Также нужно сказать, что использование категорий вековой давности (в первую очередь в текстах идеологии) затрудняет обращение к этим текстам. К тому же значительная область современной жизни не подпадает под эти категории и оказывается вне регуляции православной церкви. Так, например, использование категории физического труда для разработки рекомендаций по всем вопросам современной хозяйственной и трудовой жизни (в которой труд нефизический занимает очень значительное место) заранее делает существенную часть этих рекомендаций трудноосуществимыми. ■

Литература

- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1997.
- Бородай Ю.* Возможна ли в России протестантская этика? // Наш современник. 1990. № 10.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.
- Булгаков С.* Философия хозяйства // Булгаков С. Сочинения в 2-х томах / Вступит. статья, сост., подг. текста и примеч. С.С. Хоружего. Т.1. М.: Мысль, 1993.
- Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
- Булгаков С.Н.* Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Коммент. к. ф. н. А.Ф. Филиппова // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред., послесл. д. ф. н. Ю.Н. Давыдова; предисл. д. ф. н. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272 [а].
- Гвоздев Н.* Совместим ли капитализм с православной точкой зрения? // Христианские начала экономической этики. Материалы конференции. М., 2001. С. 26–34.
- Гельвановский М.* Возможна ли христианская экономика? // Христианские начала экономической этики. Материалы конференции. М., 2001. С. 61–72.
- Глаголев А.* Христианская экономия в свете насущных задач экономической реформы в России // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 60–72.
- Гловели Дж.* Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 113–126.
- Громаковский А.* Об устройстве белого духовенства вообще и преимущественно епархиального в Римско-католической церкви // Руководство для сельских пастырей. Журнал, издаваемый при Киевской духовной семинарии. 1861. №№ 25, 27, 48, 51.
- Жижко Е.В.* Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. ред. Бутенко И.А. М.: МОНФ, 2000.
- Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1981.
- Забав И.* Православие и хозяйство. Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ, XIX-начало XX века // Экономическая социология. 2005. № 5. С. 108–144.

- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5 [а].
- Зарубина Н.Н.* Социально-культурные проблемы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998 [б].
- Зарубина Н.Н.* Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах // Вопросы философии. 2001. № 10 [в].
- Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.
- Каарияйнен К., Фурман Д.* Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена и Д. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.
- Кандалинцев В.* Системное понимание экономики на основе христианских ценностей // Христианские начала экономической этики. Материалы конференции. М., 2001. С. 34–42.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник // Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. С. 5–308.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993.
- Коваль Т.Б.* Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. Том III. С. 54–96 [а].
- Коваль Т.Б.* “Тяжкое благо”. Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 [б].
- Копаница М.М.* Современные социальные концепции русского православия. Харьков: Выща школа, 1988.
- Красников Н.П.* Эволюция социальной концепции православия // Вопросы истории. 1970. № 9.
- Красников Н.П.* Православная этика: прошлое и настоящее. М., 1981.
- Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб., 1862.
- Митрохин Н.* Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Назарчук А.* Бизнес-этика в жизни современной корпорации // Христианские начала экономической этики. Материалы конференции. М., 2001. С. 106–111.
- Носова Г.А.* Язычество в православии М.: Наука, 1975.
- Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Franz Wagner, 1866.
- Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.
- Савич А.А.* Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XV–XVII веков Пермь, 1929.
- Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2004.
- Фальцман В.* Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Федоров В.* Что такое православие? // Православие Pro et Contra. М.: Русское право, 2001.

Холодков В. Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 97–105.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. № 1. Т. XI. С. 3–56.

Элбакян Е.С., Медведко С.В. Хозяйственно-экономическая деятельность русской православной церкви (теоретический и практический аспекты). М.: Книжный дом “Университет”, 2001.

Mackinnon M. Calvinism and the infallible assurance of grace // the British Journal of Sociology. Vol. XXXIX. 1988. № 2. P. 143-177.

Mackinnon M. Weber’s exploration of Calvinism // The British Journal of Sociology. Vol. XXXIX. 1988. № 2. P. 178-210.

Robertson H.M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N.Y. 1933.

Samuelson K. Religion and Economic Action. A Critique of Max Weber / Translated from the Swedish by E.G. French. Ed. and with Introduction by D.C. Coleman. New York – Evanston. 1964.

Trevor-Roper H.R. Religion, Reformation and Social Change. Trevor-Roper H.R. Religion, Reformation and Social Change. London. 1967. P. 8-45.

Православные издания

Игнатий Брянчанинов. Поучение к простому народу при посещении епархии. О спасении // Собрание сочинений святителя Игнатия Брянчанинова. Т.IV. М.: Благовест, 2001. С. 452–465.

Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Братство Святителя Алексия. Ростов-на-Дону: Изд-во “Приазовский край”, 1992.

преп. Иоанн Лествичник. Лествица. СПб., 1995.

свт. Иоанн Максимович Илиотропион. М.: Благовест, 2001.

Епископ Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие. Т. I–II. СПб., Типогр. Григория Трусова, 1857.

Протоиерей Валентин (Мордасов). Духовная битва, Или о кознях врага спасения и как им противостоять. М.: Благовест, 2003.

Игумен Никон (Воробьев). Нам оставлено покаяние. Письма. М.: Ксения, 2002.

Пасхальная память. Воспоминания об иеромонахе Владимире (Шикине) / Автор-составитель Ерофеева Е.В. СПб.: Царское дело, 2003.

Схиигумен Савва. Опыт построения истинного мирозерцания. М.: Паломник, 2000.

Иеромонах Сергей (Рыбко). Возможно ли спасение в XXI веке? М.: Изд-во имени святителя Игнатия Ставропольского, 2002.

Архиеп. Сергей Страгородский. Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании св. писания и творений свято-отеческих. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.

Свт. Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. М.: Правило веры, 1997.

Свт. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л.: Соборный разум, 1991.

Отношение россиян к платному телевидению

Платное телевидение – услуга в России хорошо известная: о том, что в нашей стране, помимо бесплатного, существует и платное – спутниковое, кабельное, интернет-телевидение, знают 65%, слышали 22% опрошенных. Ничего не знают о его существовании 13% респондентов (дальнейшие вопросы по теме этим участникам опроса не задавались).

Сообщили, что платные телеканалы подключены у них лично, 12% опрошенных. В целом абоненты платных телеканалов значительно чаще довольны их передачами, чем

Общероссийский опрос населения от 26–27 августа 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

недовольны (9% против 1%). Отметим также, что однозначного предпочтения платных или бесплатных телеканалов среди этих респондентов не наблюдается: треть чаще смотрят платные телеканалы, треть – бесплатные, треть одинаково часто смотрят и те, и другие (4, 3 и 4% от выборки соответственно).

Среди тех участников опроса, у кого платные телеканалы не подключены, довольно многие считают, что по цене такое телевидение для них доступно (29% опрошенных). Но мнение о чрезмерной дороговизне этой услуги встречается все же несколько чаще (39%).

Половина респондентов, не имеющих платных телеканалов (31%

от выборки), говорят, что, будь у них достаточно денег, они бы такие каналы подключили; половина (35%) не стали бы их подключать даже при наличии необходимой суммы. Любопытный и неожиданный факт: больший интерес к платным телеканалам проявляют не только люди молодого возраста по сравнению с пожилыми, но и люди из низкодоходных слоев по сравнению с высокодоходными, а также жители села по сравнению с горожанами. Можно предположить, что для этих людей платное телевидение – своего рода атрибут “цивилизованной жизни”, признак успеха (а возможно также, что у них просто больше свободного времени).

Е. Вовк

Так говорил респондент, или Собачья жизнь...

– Скажите, пожалуйста, в чем лично для вас состоят основные проблемы, неудобства, связанные с наличием у вас собаки?

- Гадит во дворе, вещи с веревки снимает.
- Соседские собаки в гости приходят.
- Мешает спать, спит со мной, лезет шерсть в постель, тяжело в брачный период.
- Ямки роет.
- На охоту муж редко ездит, а она любит охотиться.
- Дом грызут.
- Неудобства доставляют только злые собаки. Пинка дашь - и нет проблем.
- Для меня нет проблем, этим занимается жена.
- Никаких. Только чавкают.

(Из опросов ФОМа)

MAN OF FIRE

А. Муравьев

Социальная альтернатива русского старообрядчества

Анализ прошлого – путь к анализу настоящего. Это утверждение справедливо не только для историков, но и для социологов, которые так или иначе обращаются к значимым событиям в истории страны, когда анализируют сегодняшние проблемы и их возможные долговременные последствия. В таком анализе практически всегда более или менее явно присутствуют концептуальные построения, претендующие на универсальность объяснительных схем. Эти объяснительные схемы становятся особенно востребованными в ситуациях трансформационного перехода, когда не только эксперты, но и обыватели пытаются ответить на “конечные” вопросы: “кто мы?”, “почему мы такие?”, “что с нами будет?” Соперничающие группы экспертов дают свои ответы на эти вопросы, которые так или иначе “просачиваются” на уровень обыденного сознания, формируя либо стандартное, разделяемое большинством знание общества о самом себе, либо соперничающие теории, заставляющие оппонентов искать все новые аргументы в защиту своей концепции и мобилизовывать сторонников. А. Этциони называет этот процесс формирования ценностных доминант, специфических интерпретаций актуальных проблем и более или менее систематизированный набор понятий и идей “контуром дискурса”. Дискурс возникает вокруг некоторой *культурной модели*, которая представляет собой совокупность ориентаций (ценностных, когнитивных, этических, экономических и т. д.), поддерживаемых определенными социальными слоями и институционализирующихся через общественную практику. Такой культурной моделью для России на протяжении второй половины XX в. и начала XXI в. являются стандарты западной демократии. Вместе с тем актуализировались и концепции, базирующиеся на представлении о принципиальной невозможности для россиян “жить, как в цивилизованных странах”. Сторонники этих концепций утверждают, что российское общество имеет “родовую травму”, не позволяющую ему выйти на широкую дорогу мировой цивилизации и вынуждающую его плестись в заболоченной колее “патриархальных”, “патерналистских” ценностей и практик.

Предлагаемая вниманию читателей статья интересна тем, что ее автор выступает одновременно в трех ролях: первая – достаточно распространенная роль “эксперта по обществу”. В этой роли он предлагает российскому обществу концепцию, в соответствии с которой Россия имеет свои традиции демократии, не альтернативные западным стандартам, но специфичные в своих обыденных проявлениях и сохраненные живыми носителями – старообрядцами. А. Муравьев говорит о возможности реализации в России “вестернизационно-модернизационного сценария”. Такую возможность, по мнению А. Муравьева, дает обращение к идеям и практикам старообрядчества.

Вторая роль – весьма редкая для российской практики гуманитарного знания: роль включенного наблюдателя повседневных практик духовной жизни старообрядцев. Здесь А. Муравьев выступает как историк, анализирующий историю старообрядчества, социальный состав, социальное поведение старообрядцев, особенности идентичности последователей этой ветви православного христианства, и как социолог, исследующий субкультуру старообрядцев.

Третья роль – представителя одного из институтов гражданского общества – староверческой церкви. В этой роли А. Муравьев защищает не столько ее догматы, сколько идеологию повседневной жизни староверов, основанную на ценностях социальной ответственности, образованности, трудолюбия, выковавших “старообрядческий характер” в идеологическом сопротивлении доминирующей идеологии.

Представляется, что такой жанр эссе-исследования представляет собой уникальный материал для познания сложной жизни современного российского общества, в котором многие общественно важные процессы, реализуемые как субкультурные проекты, могут становиться значимыми для всего общества. При всем обилии “анкетных” исследований субкультур (молодежных, армейских, производственных) многие процессы в них остаются непрозрачными и непонятными именно в силу “внешнего” взгляда исследователей. Этого недостатка лишена предлагаемая статья.

С. Климова

Обсуждение путей развития российского общества нередко ведется в парадигме “безальтернативной линии развития”, которая предполагает, что механизмы развития общества заданы жестко раз и навсегда, а все, что не свойственно некоей “матрице”, автоматически отторгается. Применительно к России делается вывод, что многие понятия – в частности такие, как толерантность, мультикультурность, демократизм и рациональность – якобы “изначально чужды” русскому народу и обществу.

Однако представляется, что такая схема есть упрощение и даже искажение действительности. На развитие российского общества можно попытаться взглянуть как на последовательность бифуркационных точек, каждая из которых является началом автономных линий развития, реализованных в различной степени. Одной из таких точек оказались события середины XVII века и последовавший за ними раскол. По этой причине предлагается рассмотреть русское старообрядчество и его опыт как российскую социальную потенцию.

Несомненно, само старообрядчество сложилось в известном нам виде в условиях альтернативного пути, так что совокупность его черт прямо следует из изоляции и ряда других особых условий. Однако сейчас кажется, что потенциал вестернизационно-модернизационного сценария для современного общества если не исчерпан, то близится к тому, поэтому было бы логичным рассмотреть потенции, которые содержат альтернативные пути, и прежде всего – старообрядчество с его опытом.

Историческая подоплека

Политическая катастрофа конца XVI – начала XVII веков, разложившая народную жизнь и подточившая общество, справедливо именуется Смутным временем. Можно сказать, что именно

Смута заложила мину под Московское царство и его православный стержень. Именно тогда был всерьез поставлен вопрос о соотношении священства и царства. Если XVII век Г. Флоровский назвал “веком утерянного равновесия” – русский человек стал метаться в поисках решения, опоры в непонятной и зыбкой реальности, то XVI век можно назвать “веком раскачки”. В момент Смуты и сбора ополчений огромные массы народа были мобилизованы на защиту страны. Стихийной мобилизационной формой можно (хотя и с оговорками) считать даже крестьянско-казацкие движения (“бунты”) – начиная с восстания Ивана Болотникова времен самой Смуты и вплоть до екатерининского времени волновавшие Россию на пространстве от Азова до оренбургских степей. И это огромное количество русских мужиков, воспрявших ото сна, интуитивно осознало, что происходит нечто очень важное, на карту поставлено будущее России, и решается оно внутри страны. Россия после конца Смуты находилась как будто на взлете, и в этот момент Никон и царь приступили к осуществлению плана решения внутренних проблем через внешнюю экспансию [Кутузов. 2007].

Стратегическая и геополитическая ошибка не замедлила вскоре сказаться. Константинопольский проект (из-за которого все и началось) оказался нереализуемым, а церковная реформа стала буксовать¹. Социальное поле также сужалось из-за прогрессивного закабаления крестьянства, начавшегося еще при Годунове (пик этого процесса пришелся на XVIII век). В петровское и послепетровское время стало принято обозначать досмутное время как “дикость”. Однако нетрудно заметить, что свобод до Смуты было больше. Даже если принять “безуказную” теорию закабаления, приписывающую начало этого процесса Ивану Грозному (1581 год), то все равно остается ярко выраженная динамика: новое

¹ Главным геополитическим изъязном, как считают историки (Р. Скрынников, В. Ключевский), было активное противостояние Турции (чего, кстати, избегали и Иван Великий, и Иван Грозный), которое неизбежно толкало русское государство на союз с основными державами Запада. В первую очередь это касалось Австрийской империи – достаточно вспомнить осаду Вены. Кроме того, серьезная проблема была поставлена в связи с “малороссийским вопросом”. Украина как в сильной степени озападенный край навязала Московской Руси свою традицию и втягивала ее в орбиту своих политических проблем. Начавшаяся война за Смоленск, Киев тому свидетельство. Реформа уклада русской жизни, таким образом, оказалась своеобразной платой за “вечный союз”.

оказалось хуже старого. Идея государственного спасения, ковчега, заменяется на европейскую идею “процветания”. Подданный из “боголюбивого христианина” превращается в “сына царя и Отечества”. Вместо сакрального возникает секулярный патриотизм. Самый главный новый фактор после Смуты – растущее отчуждение новой аристократии от народа. Ориентиры развития в сознании людей перестают совпадать, социальные интересы тоже разнятся². Такое отчуждение парадоксальным образом сделало возможным “рывок в Европу”, то есть вестернизацию³.

Реформа церковной жизни⁴ была лишь частью слома старого уклада, который начался по всему социальному фронту. Н. Данилевский описывает это так: “...Европейщина заключается в стремлении переносить чужеземные учреждения на русскую почву – с мыслью, что все хорошее на Западе непременно так же будет хорошо и у нас. Таким образом были пересажены нами разные немецкие бюрократические порядки, городское устройство и т. д. ... Опыт достаточно красноречиво говорит, что те изменения в нашей общественной и государственной жизни, которые вытекают из внутренних по-

требностей народных, принимаются необыкновенно успешно и так скоро разрастаются, что заглушают чахлые пересадки” [Данилевский. 1888. С. 134]. Драматичным было решительное разрушение старой социальной структуры во имя построения новой.

Итак, с конца XVII века мы начинаем фиксировать группу, которую с легкой руки чиновников екатерининского времени стало принято именовать “старообрядцами”. Первоначально сами противники реформ именовали себя “православными христианами”, а патриарха Никона и его сторонников называли “никонианами” и “раздорниками”⁵. Их антагонисты именовали “православными христианами” себя, а противников реформ – “раскольщиками”. В екатерининское время в ходе секуляризационных процессов было предложено отказаться от термина “раскольники” в отношении противников реформ и впредь именовать их “старообрядцами”.

Сперва “православные христиане по старой вере” приняли это название только для официального употребления, но к середине XIX смирились с ним и привыкли к нему. Одновременное хождение получают неофициальные термины “древлеправославные христиане” и “староверы”,

² Собственность перешла от однодворцев и черносошных в государственную казну и к помещикам. Казачество было поделено на безреестровое и реестровое. Вместо народного ополчения с его патриотическим духом возникает профессиональное стрелецкое войско сословного характера с рекрутским принципом набора. В коннице оказалось дворянское сословие да казаки, а стрельцы превратились в пехоту. Появились особые воинские поселения – Пушкарская слобода и др. Ополчение как таковое не собирается до 1812 года, то есть до ситуации массового вторжения в Россию.

³ “Рабство дикое” настало со времен Годунова, а закрепилось при Алексее Михайловиче. В досмутной Руси у крестьян было куда больше личных свобод – хотя бы то же право перехода. И вот что интересно: до 1601 года в России не было крупных крестьянских восстаний. А потом начинаются бунты: медный, соляной, новгородский, псковский. Затем два астраханских восстания и три масштабные крестьянские войны. Знаменитый историк В. Ключевский как-то заметил, что царь Петр хотел сделать из русских – граждан, оставляя их рабами. Собственно говоря, он продолжал делать рабами тех, кто рабом прежде не был.

⁴ Сам термин “реформа” не очень точен, ибо речь первоначально шла об изменении некоторых форм благочестия и богослужебных текстов, затем были изменены формы соборности, а затем начала перестраиваться вся парадигма православия. Это была постепенная смена матрицы и парадигмы.

⁵ Сами “ревнители древлего благочестия” свою борьбу осознали борьбой отнюдь не за “обряды”, но за церковные догматы, то есть за то, без чего нельзя жить.

подчеркивающие, что смысл разделения – вера, а не обряды. Говоря социологически, это были социально активные группы в основном мещанско-го и отчасти городского населения, для которых последствия Смутного времени оказались наиболее тяжелыми. Их *доверие к власти пошатнулось*; эсхатологические воззрения были активизированы⁶, но вместе с тем, внутри этой группы памятники раннего (XVII века) старообрядчества фиксируют беспокойство за дальнейшую судьбу России и желание “спасти царя и матушку-Русь от мучителей”. Итак, первоначально мажоритарные, но дезорганизованные и лишенные рычагов влияния противники реформ превратились в группу мотивированных граждан. Однако для внешних наблюдателей они оставались “раскольщиками” и противниками государственного курса на вестернизацию и модернизацию.

В условиях петровских реформ происходил второй этап (XVIII и начало XIX века) формирования “русского старообрядчества”⁷. Критическим моментом для всего старообрядчества стало возникновение различных течений внутри

него (конец XVIII века): радикальные пессимисты стали беспоповцами, те же, кто продолжал надеяться на облегчение и исправление ситуации, – поповцами [Зеньковский. 2005]. Нажим государства то усиливался, то ослаблялся, а старообрядцы должны были выживать и сохранять свою веру и обычаи. “Бегство” стало жизнью: старообрядцы потянулись на Север, в Олонецкий и Архангельский края, а оттуда через зырянские земли – на Камень (как тогда называли Уральские горы) и в Сибирь. Колонизация русскими Сибири во многом осуществлялась благодаря староверам: для них чем непролазнее было, тем лучше (“огромный посад”, воспетый Некрасовым, и был типичным сибирским старообрядческим поселением⁸).

В исследованиях Н. Покровского, А. Шашкова, И. Зольниковой и других были выявлены типы старообрядческих поселений: для Уральского края это завод, для Сибири – заимка и монастырь. Тогда же (в XVIII веке) начинается активная торговая деятельность староверского купечества, давшего России Кузнецовых, Рябу-

⁶ Эти убеждения первоначально сложились под влиянием книжности “киевской школы” (“Книга о воре”, “Кирилова книга”, “Толковый Апокалипсис” Андрея Критского) с эсхатологическим и антизападным ощущением.

⁷ Третий период приходится на первую половину XIX в. и связан с политикой Николая I. Этот период продолжается до 1905 года и связан с появлением собственной старообрядческой церковной иерархии. Четвертый период (1905–1917) называют “золотым веком” старообрядчества. После революции начался длительный период упадка, выход из которого наметился только после перестройки и распада СССР.

⁸ Поэт описывает, как сосланные в Сибирь “раскольники” создают на пустом месте поселение:

Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел –
Едут туда комиссары,
Глядь – уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...
Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад –
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

шинских и Морозовых. Только в начале XX века староверам была дарована свобода вероисповедания (манифест 1905 года), но “золотой век старообрядчества” оказался слишком коротким – до 1917 года. Таким образом, можно сказать, что отсутствие ответственности за масштабные формы социально-политической организации и безусловная верность высшим ценностям обусловили самобытность старообрядческого общественного устройства.

Старообрядческий характер

Репрессивные мероприятия государства вызвали отток из староверия уставших бороться за свои права. Особенно активно социальная перегруппировка в среде староверов шла в 1800–1840 годах, от введения “единоверия” вплоть до появления Старообрядческой церкви. В результате численность староверческого населения сократилась до 25–30% от общего населения тогдашней России – это были люди, не готовые идти на компромисс, но считающие себя ответственными⁹. Хотя многие староверы пошли на вероисповедный компромисс ради социального комфорта, само превращение старообрядчества из мажоритарной в миноритарную¹⁰ группу позволило сформировать внутри этой группы комплекс важных установок:

- на физическое выживание;
- на защиту веры;
- на книжность (грамотность).

Этот процесс “дистилляции” был длительным и непростым. Староверы начали самоорганизовываться на основе трудовой этики (честности и личной обязательности), строго религиозной точки зрения на все вопросы бытия и взаимовыручки, необходимой для стесненно-

го существования. Именно на этих началах и вырос “старообрядческий характер” – иначе говоря, он есть производное от них. Староверы жили, как будто не признавая тех правил, по которым их заставляли играть, выстраивали свое бытие, в некотором смысле абстрагировавшись от государственной системы.

Характер этот на уровне религиозном поддерживался мессианской (духовно-элитистской) идеей с эсхатологическим подтекстом. Элитизм состоял в признании факта, что хранить веру можно только большим усилием воли, на которое масса едва ли способна. Иначе говоря, остаются наиболее крепкие. В этом свете *сознательность* староверов, разделенных на согласия по

Старообрядчество сложилось в известном нам виде в условиях альтернативного пути, так что совокупность его черт прямо следует из изоляции и ряда других особых условий

вопросам догматического и мировоззренческого свойства, выглядит совсем по-иному. Тут дело не в любви к ссорам и разделению, а в ответственном отношении к делу спасения. Кроме сознательности в деле веры старообрядцы выработали у себя большую *терпимость* и уважение к чужим взглядам. Поповец мог до хрипоты спорить с беспоповцем об антихристе (протоколы таких споров сохранились), но всегда уважал его взгляды, не считал их результатом глупости или “темноты”. Эту черту можно рассматривать как предшественницу плюрализма: внутри самого сообщества отлаживался механизм плюралистичности.

Несимметричность взаимоотношений власти и старообрядцев, по сути, упиралась в невербализованное понимание отношений церкви и государства. Старообрядцы настаивали на таком понимании этих отношений, которое называется “отделением церкви от государства”. Разумеется, речь не шла о дехристианизации государства или культуры – скорее о “декофессинализации”. Таким образом, коллективное

вопросам догматического и мировоззренческого свойства, выглядит совсем по-иному. Тут дело не в любви к ссорам и разделению, а в ответственном отношении к делу спасения. Кроме сознательности в деле веры старообрядцы выработали у себя большую *терпимость* и уважение к чужим взглядам. Поповец мог до хрипоты спорить с беспоповцем об антихристе (протоколы таких споров сохранились), но всегда уважал его взгляды, не считал их результатом глупости или “темноты”. Эту черту можно рассматривать как предшественницу плюрализма: внутри самого сообщества отлаживался механизм плюралистичности.

⁹ Свою роль сыграло тут введение в 1800 году так называемого “единоверия” – построенного по типу унии староверского анклава для тех, кто присоединялся к господствующему исповеданию.

¹⁰ Дело в том, что точной статистики переходов и перетеканий из старообрядчества в новообрядчество нет. Официальная же статистика слишком триумфалистична и, кроме того, подвергнута слишком серьезной научной критике, чтобы было возможно оценить потери.

сознание старообрядчества формулировало необходимый вывод из плюралистичности, точнее, коррективу к ней: в условиях поликонфессиональности государство должно быть равноудалено от всех участников процесса.

Постепенно старообрядцы начали обосновывать свою “самость”, отрефлексировали и сформулировали для себя свое отличие от новообрядчества. Одной стороной этой “самости” стала акцентированная *церковность* (стремление сверять всю жизнь по фундаментальным учениям христианства). Из нее вытекает настояние на *нравственном, трезвом и даже специально целомудренном* (а в беспоповских согласиях – обязательном почти монашеском) житии. При этом ценность и нужность безбрачия среди беспоповцев уже слабо осознавалась к началу XX века, а ценность многодетного брака для поповцев всегда была неоспоримой. В большой семье и в церкви воспитывались дети – им прививались аскетические и общинные ценности.

В связи с этой сознательностью веры можно говорить о *книжности и образованности* всего старообрядческого общества. Стремление к книжности было характерно для всех старообрядцев. В то время, когда три четверти населения России не умело ни читать, ни писать, старообрядцы были поголовно грамотными (что сближает их с книжностью древнерусского типа¹¹), начитанность (начитанность и способность передавать знания) очень почиталось в их среде. Исследователь старообрядческого печатного дела А. Вознесенский отмечает большую активность и изобретательность старообрядческих книгоиздателей и редакторов. Они поддерживали славянскую книжность и даже создавали новые книжные типы (азбуковники, “Страсти Христовы”). В свое время Д.С. Лихачев отмечал, что роль старообрядцев в сохранении древнерусского рукописного наследия очень велика – без них не сохранились бы многие рукописи. Многократно отмечалось, что мнение о “диком невежестве” старообрядцев, о “бабушкиных сказках”, колдовстве

и обычаях должно быть оставлено как несостоятельное. Старообрядцы рано столкнулись с необходимостью борьбы с народными поверьями и суеверными обычаями, не говоря уже о колдовстве, считавшемся страшным грехом. Отказавшись допускать в область веры суеверия и “народную религиозность”, они, с одной стороны, ослабили в своей среде “народное православие”, а с другой – усилили элемент сознательности. Борьба против суеверий была продолжением того процесса, который начали в 1630-х годах будущие вожди антениконовской оппозиции, “ревнители благочестия” Аввакум Петров, Иван Неронов, Стефан Вонифатьев и другие.

Еще одним моментом старообрядческого характера надо назвать *хозяйственность*. В старообрядческих общинах, начиная с Выго-Лексинского общежития¹², идея экономного и развивающегося хозяйства (“домостроительства”) как подражания божественному домостроительству была очень актуальна. В своем исследовании византийского понятия “филантропия” греческий исследователь Х. Папаиоанну привлек внимание к ее особой философии: Христос был первым “филантропом”, и люди должны, подражая ему, творить добро. Из этой же философии, транслированной древнерусской культурой, растет и идея старообрядческой *филантропии*, ставшей одной из отличительных черт староверского купечества. Эта филантропия не основывалась на расчете избавиться от налогов или “прослыть” благодетелем – она была бескорыстной, не обусловленной экономической целесообразностью. Купцы строили приюты, больницы (например, Боткинская, Морозовская в Москве и др. были построены старoverами), организовали даже первую футбольную команду и первый кинематограф в России. Религиозное общерусское обоснование добродетели проистекало именно из идеи “домостроительства”, хозяина, который подражает Богу в его милостивом домостроительстве. Важной формой проявления этой особой хозяйственности старообрядцев были арте-

¹¹ То есть прежде всего славянской. Как показали исследования А. Янина и А. Зализняка, высокий уровень грамотности был характерен для древних новгородцев. В старообрядческих семьях обучение начиналось с 4–5 лет по псалтырю.

¹² Знаменитая первая старообрядческая община в Олонецком крае на Беломорье. См.: [Юхименко. 2002]

ли и общества взаимовыручки, созданные староверами. Именно из таких артелей вышли многие староверческие миллионеры-филантропы. Во многом так называемый российский капитализм состоялся на основе этих артелей. Эти общества строились на доверии и на профессиональной солидарности. Именно они позволили развивать образование и книгоиздательство.

Интересна точка зрения старообрядцев на гигиену. Многие старообрядцы “блюли посуду”: не давали своей посуде иноверцам (даже староверам другого, нежели они сами, исповедания). В этом надо видеть не брезгливость и “превозношение”, а, как говорят этнографы, остро ощущаемую связь жизни и веры. Ритуальная чистота (деление на “чистое и нечистое”) многими старообрядцами блюлась в отношении одежды, еды и прочего. Все это позволяет выделить особую *чистоплотность* как черту старообрядческого характера. Так, например, старообрядческий епископ Арсений Уральский наказывает в письмах своим корреспондентам содержать чистоту в быту самым строгим образом: не использовать посуду, которой касался домашний скот, чаще мыть избу и т. д. Сибирские староверы считали, например, “грязными” предметы одежды, касавшиеся нижней части тела, и стирали их отдельно от “чистых” вещей. Человек в старообрядческой культуре не делит мир на сакральное и профанное пространство. Чистое духовно не отделялось от чистого материально – цельность, нераздробленность мира в старообрядческой культуре не ставилась под сомнение.

Нередко можно услышать рассказы о сопротивлении, бунтарстве старообрядцев, будто бы

вставших в оппозицию государству. Ситуация выглядит так: ранние вожди староверия в XVII веке признавали царя, но считали его “обманутым пленником”. В XVIII веке в беспоповской среде появилось учение о “духовном антихристе” (особом “вирусе отступничества”), которое позволяло рассматривать власти как орудие антихриста. Однако споры даже о молитве за царя (хоть и не православного, по суждению

старообрядцев) кончились признанием необходимости молиться за державу и за государя. Отдельные факты участия старообрядцев в бунтах Булавина, Разина и Пугачева принципиально не меняли ситуации: чем более секуляризовалось государство, тем меньше было сопротивление старообрядцев. Показателем тут являются “самосожжения”: в начале раскола нередко были случаи “огненной смерти”¹³. К середине XVIII века они почти исчезают, а во второй половине столетия сами староверы осудили этот способ социального и религиозного протеста как неоправданный. Старообрядцы XIX века уже не поднимали принципиального вопроса об отношении к власти, признавали за властью право на управление да и вообще отличались чрезвычайно *высокой лояльностью*. Когда впервые после Смутного времени в 1812 году собралось народное ополчение, богородский старообрядец Герасим Курин со своим отрядом бил французов. Немало староверов служило в рядах казачества, так как до революции до двух третей казачества было старообрядческим. Можно вспомнить атамана Матвея Платова – казака из записных старообрядцев.

Для староверов были характерны любовь к стабильности и миру и неодобрение бунтов.

¹³ Е. Юхименко и ряд исследователей, занимавшихся этим вопросом, показали, что даже Палеостровская гарь и подобные ей случаи массовых самосожжений происходили не как простые самоубийства. Старообрядцы ставили под дверь свечу и предоставляли стрельцам право уйти и оставить их в покое, предотвратив смерть. Когда стрельцы все же врвались в помещение, начинался пожар.

В этом смысле оказались обмануты лондонские оппозиционеры В. Кельсиев и А. Герцен, пытавшиеся вовлечь староверов в свою политику. Они писали старообрядцам “ласковые письма” с приглашениями к совместной деятельности. Будучи далекими от общественной жизни русской интеллигенции, старообрядцы плохо разбирались в различных политических партиях и течениях, но увидав в письмах Кельсиева интересные для себя предложения, они решили самолично посмотреть, что за люди живут за рубежом, так внимательно относящиеся к их церковно-религиозным нуждам. Старообрядческий епископ Пафнутий (Овчинников) инкогнито, под видом купца-старообрядца, отправился в Лондон и прожил там шесть недель. Он познакомился с Герценом и его сотрудниками, не открывая им своего настоящего звания. Отлично поняв, что за люди новые сподвижники старообрядчества, епископ Пафнутий вернулся в Россию и приказал прекратить все сношения с кружком Герцена. Но различные неясные слухи и случайно попадавшиеся экземпляры “Общего веча” (приложения к герценовскому “Колоколу”) продолжали волновать некоторых старообрядцев, и для окончательного прекращения толков о лондонских эмигрантах старообрядческий епископ Кирилл 24 февраля 1863 года издал архипастырское послание, в котором между прочим говорилось: “К сим же завещаю вам, возлюбленным: всякое благоразумие и благопокорение покажите пред царем вашим, в чем не повреждается вера и благочестие, и от всех враг его и изменников удаляйтесь и бегайте... так наипаче от злокозненных безбожников, гнездящихся в Лондоне и оттуда своими писаниями возмущающих европейские державы... Бегайте убо оных трехклятых, имже образом бежит человек от лица зверей страшных и змиев пресмыкающихся: то бо суть предотечи антихристовы, тщашися безначалием предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не вни-

майте лаяниям сих псов адских, представляющихся акибы состраждущими о человечестве, но веруйте, яко Бог есть творец небу и земли, иже премудрым Промыслом своим управляет всею вселенною и учинил есть начальство в общую пользу, без него вся превратятся и погибнут сильнейшим немощнейших пожирающим, и яко безначалие всюду зло есть и слиянию виновно...”

Человек в старообрядческой культуре не делит мир на сакральное и профанное пространство. Чистое духовно не отделялось от чистого материально – цельность, нераздробленность мира в старообрядческой культуре не ставилась под сомнение

Особняком стоит фигура Саввы Морозова, который финансировал социал-революционеров, однако назвать его старообрядцем можно только условно: от молитвы в церкви он был отлучен и прервал всякие отношения с одноверцами, а его кончина (самоубийство) и вовсе была далека от христианских правил.

Необходимо сказать еще, что главной борьбой с государством староверами почиталась

борьба духовная (доказательство правоты метафизической). Она включала в себя защиту старой веры от критики, обеспечение молитвенной жизни и борьбу с грехами. Эта борьба настолько поглотила большинство староверов, что сама мысль о политическом сопротивлении власти (царю), которую они признавали своей, несмотря на ее “порочную связь” с “никоновой” церковью, казалась им абсурдной. Та цельность мировоззрения, о которой было упомянуто выше, проявлялась и здесь – для староверов невозможно было рубить сук под собой.

Еще одна черта старообрядческого характера, которую надо отметить, – *приверженность народности и традиционности* в жизни и в культуре. Установка на цельность и внутреннюю непротиворечивость проявлялась и здесь. Именно эта приверженность объясняет и кафтаны с сарафанами, и первоначальный отказ от употребления картошки и водки. Интересно проследить, как инновативность, присущая старообрядцам (именно на заводах староверов покупались наиболее современные станки и оборудование), сочеталась с этой традиционностью и консерва-

тивностью. Механизм инноваций в старообрядческой среде еще не становился предметом всестороннего разбора, так что здесь будет предложена примерная схема.

Первоначально любая инновация отвергается, работает архетип “старого”. Но затем включается рефлексия, и “новое” тестируется на предмет его соответствия христианским правилам и нормам. Возражая против новых и чуждых обычаев, староверы видели в них угрозу всей цивилизации. Ведь многие новшества – немецкое платье, водка, картошка – вводились насильно, в то время как русское, например, платье к ношению вовсе запрещалось. Первоначально староверы (как, например, Аввакум в своих письмах) ругали науки и риторику и отгораживались от светской культуры, музыки и театра. Впоследствии старообрядцы пересмотрели свои взгляды на многие вопросы (на науку, отчасти на серьезное высокое искусство). Эта приверженность традиции (“старому”), кстати, определяла ту особую “коренную русскость”, которую отмечал декабрист Э. Розен, попавший в забайкальские поселения староверов-семейских в первой половине XIX века. Интересно, что эта “русскость” была начисто лишена всякой ксенофобской узости, нетерпимости: староверы не видели в чужих народах врагов, но только добрых соседей или конкурентов. Например, староверы, жившие на юге России, свободно сосуществовали с еврейскими торговцами, нередко превосходя их своей изобретательностью и предприимчивостью, а в Забайкалье они с таким уважением относились к буддийским монастырям, что им одним позволили селиться в непосредственной близости от буддистов. Эта черта позволила А. Антонову назвать старообрядцев “русскими европейцами”: их национальная самоидентификация не имела признаков паранойальности (страха врагов). В отношении староверов к “другим” были заложены зерна толерантности, которую привыкли видеть только на Западе.

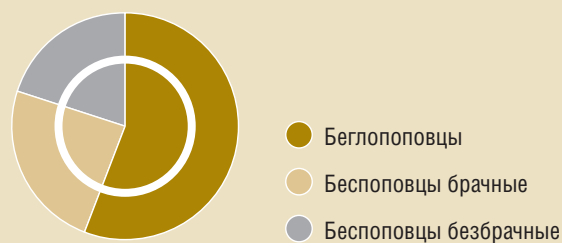
Многие черты этого собирательного “старообрядческого характера” в настоящее время стали менее релевантными даже в старообрядческих поселениях Урала и Сибири. Изменилось процентное соотношение между староверами

городскими и сельскими. XX век многое изменил в социальном облике старообрядцев. Однако этнографы отмечают, что на уровне коллективного самосознания у старообрядцев сохраняются в законсервированных и часто подсознательных формах вышеописанные особенности самоидентификации, воспитания и адаптивных механизмов.

Восприятие староверия (изнутри и снаружи)

С точки зрения официальной церкви и чиновничьего механизма в случае старообрядцев речь шла о “*кфрамале*” – злоумышлении на державу. Это было стандартное обвинение: государство выбирало оптимальную тактику для решения проблемы раскола. Официальная модель раскола состояла в том, что “от церкви отпали бунтовщики, но церковь должна их вернуть в свое лоно”. Староверы же оперировали совершенно иной моделью раскола: на церковь напали еретики, но она осталась при своих старых принципах и “ушла в леса”. Эти несовместимые модели определяли полное отсутствие взаимопонимания на протяжении всего XVIII и начала XIX веков. К середине XIX века ситуация начала меняться в связи с нюансировкой взглядов во властных структурах государства, освобождением крестьян, секуляризацией государства и появлением “почвеннической интеллигенции”. Среди интеллигенции даже начался спор о том, как относиться к староверам: то ли как к “противникам просвещения”, то ли как к квинтэссенции свободного народного духа. С середины XIX века в среде интеллигенции зародилось влиятельное движение “славяно-

Примерный состав старообрядчества в XVIII – начале XIX в.

филов”, которое, несмотря на внешнюю симпатию к допетровской Руси, все же было по своим корням и характеру западноевропейским. Но постславянофильская интеллигенция относилась к староверию уже иначе. Особую роль сыграли в этом П. Мельников, писавший под псевдонимом Андрей Печерский, и Лесков. В науке благодаря Е. Голубинскому и Н. Каптереву произошел пересмотр отношения к причинам раскола и вообще к староверию, так что внутри интеллигенции даже возникло определенное напряжение. Сформировалась антистарообрядческая “партия” со своей мифологией, воскресившая миссионерский дискурс и стиль времен императора Николая Павловича. Среди людей низших сословий отношение к тем, кто “по старой вере”, было отличным от чиновно-бюрократического. Народ староверам, скорее, сочувствовал – укрывательство “беглых попов” и старообрядцев широко имело место.

Староверы оценивали ситуацию иначе, чем государственная церковь и чиновники. С точки зрения староверов (их понимания того, что есть раскол), общество находится под влиянием “диверсантов”-западников¹⁴. Тема ответственности за будущее России нередко возникает в сочинениях писателей раннего старообрядчества – протопопа Аввакума, дьякона Феодора, попа Никиты Добрынина, где имеет явные мессианские черты. Она принимает форму “челобитной” – писатели просят царя “одуматься” и отменить новшества. Выговские писатели XVIII века уже не писали челобитных, но вступили в полемику с представителями государственного исповедания (иеромонахом Неофитом), доказывая всем читателям правоту (“правду”) старой веры. Там самым они выражали уверенность в том, что только идя путем старой веры (“древнероссийского благочестия”), Россия может избежать катастрофы, многие черты кото-

рой уже были видны, – ломка традиционного уклада жизни давала себя знать.

Со стороны старообрядцев отношение к своим соотечественникам всегда было в первую очередь религиозным, то есть определялось постулатами библейского учения о высоком достоинстве человека, а во вторую – сочувственным, обусловливаясь жалостью к его положению (“бедненькая Россия!” – восклицал протопоп Аввакум). Отношение же к церковной верхушке (Никону, другим церковным деятелям) было чем-то средним между возмущением и сожалением. Протопоп Аввакум и автор популярной книги “Повесть о Никоне”, разумеется, изображали всю историю с бывшим патриархом примерно так же, как византийские хронисты – историю еретиков Ария или Нестория. То есть это отношение было опосредовано византийской культурой так, что даже ругань на Никона, как показывают исследования филологов, была букввальным воспроизведением византийской “антиеретической” риторики. С одной стороны, староверы страдали своим братьям-мужикам, “замороженным и обманутым”. Сочувствие к другим людям было обязательным по христианским нормам. С другой стороны, к церковному положению старообрядцев отношение могло быть довольно

жестким – они считались заблуждающимися, поэтому староверы старались, если была возможность, разубедить старообрядцев в их “еретическом” пути.

К институтам общества отношение у староверов было различным. Выго-Лексинское общежитие входило в состав Медного приказа, староверы исправно платили двойной налог и подать “на бороду”, стали даже носить специальное “раскольничье платье”. Однако уважение к законам кончалось ровно там, где эти законы наступали на “правду Божию”. Старообрядцы обманывали полицию, скрывались от нее, выправляли

В петровское и послепетровское время стало принято обозначать досмутное время как “дикость”. Однако трудно заметить, что свобод до Смуты было побольше

ры исправно платили двойной налог и подать “на бороду”, стали даже носить специальное “раскольничье платье”. Однако уважение к законам кончалось ровно там, где эти законы наступали на “правду Божию”. Старообрядцы обманывали полицию, скрывались от нее, выправляли

¹⁴ Эта конспирологическая схема продержалась у староверов где-то до начала XIX в., пока не была заменена на более сложные.

для своих “беглых” попов и епископов поддельные паспорта и выдавали их за других людей. Старообрядцы, не допуская ни малейшей нечестности в деловых отношениях, ради достижения церковных задач охотно подкупали чиновников и даже новообрядческое духовенство. С этим, например, связан феномен “неучтенных староверов”: старообрядцы давали взятки государственным священникам, и те записывали их как своих прихожан. Достоин упоминания особое отношение царя-освободителя Александра II к старообрядцам: не доверяя иным, он всю свою личную охрану комплектовал только из казаков-староверов, один из которых погиб от бомбы Каракозова.

Лишь у части староверов (прежде всего у радикальных беспоповцев – федосеевцев и филипповцев, а также у сибирских и алтайских, так называемых “кержаков”) развился значительный эскапизм, неприятие паспортов, денег и отчасти потребительских товаров. В XIX веке уже никто из староверов не отрицал государства, за исключением согласия так называемых “странников”¹⁵. Особняком стоят и староверы-часовенные (особое согласие беглопоповцев Сибири и Алтая [Покровский, Зольникова. 2002]), которые довольно долго сохраняли неприязненное отношение к “мирскому” обществу и старались не контактировать с ним, считая его зараженным “антихристовой порчей”. Но начиная с 1960–70-х годов эта ситуация стала меняться: съезды часовенных разрешили пользоваться благами цивилизации, признали возможным покупать многие товары. В отношении властей у часовенных оставалось выборочное признание: во время Второй мировой войны многие уральские и сибирские староверы пошли воевать, осознавая свою ответственность перед верой, страной и культурой. Инте-

ресно, что в записях часовенных староверов А. Килина и Г. Мурачева говорится о том, что “никонианство”, большевизм и фашизм – это рога антихриста, но западный Гитлер оказался хуже большевизма. В других соглашениях староверия признание было полным: среди староверов – герой войны генерал Белобородов и многие другие. Староверы-часовенные, впрочем, при всем их чужеродии государственных чиновников (так называемых “кадровых”), сдавали мех в советские заготовительные предприятия, получая в обмен порох, пули и промтовары, – это позволяло им не прибегать к деньгам, на которых был портрет Ленина.

Отношение к власти как таковой строилось в дореволюционное время на признании ее легитимности (по словам апостола Павла), хотя оно требовало порой весьма больших усилий. Мельников (Печерский) писал: “После сего можно ли не признать истинного достоинства в многострадальном терпении русских людей, которое видно в наших раскольниках? Будь это на Западе, давно бы лились потоки крови, как лились они во время Реформации, Тридцатилетней войны, религиозных войн в Англии и пр.” [Кириллов. 1916. С. 213]. Мы уже приводили суждение архиепископа Кирилла с проклятием революционеров – власть сама по себе входила в область сакрального, против нее идти нельзя.

Разумеется, к государственной православной церкви (тогдашнее название ее – Православная греко-российская церковь, ПГРЦ) староверы относились как к незаконной, “мирской” организации, которая только мешает православию преобразить Россию¹⁶. Вплоть до начала XX века никаких контактов у старообрядцев с новообрядческой церковью, кроме конфликтов и диспутов, не было. Дело осложнялось тем, что государство

¹⁵ Согласие странников вообще особняком стоит в старообрядчестве, в нем есть много от народного скрытого мира.

¹⁶ Оппозиция “мирское – христианское” в староверии имеет принципиальное значение. “Мирской” значит не столько “светский”, сколько “антихристианский”, нечистый.

ассоциировало себя именно с ПГРЦ, что делало двойственным само отношение старообрядцев к структурам власти. По сути, они выступали за отделение церкви от государства. Однако староверы всегда знали, что бунтовать – грех, так что даже и царя (хотя и считали его еретиком) признавали как *своего* царя. Это был не секулярный патриотизм, а выстраданное отношение к главе государства, который даровал старообрядцам свободу: они знали “благопокорение” во всем, что “не повреждает веры и благочестия”. Самая же власть как таковая учинена “премудрым Промыслом” “в общую пользу”, и без власти “вся превратятся и погибнут” и “безначалие всюду зло есть” – так считали вожди староверов-поповцев. К императорам XVIII–XIX веков отношение было сложнее, и часть беспоповцев не хотели поминать императоров-еретиков на соборной молитве. Но к началу XX века эта напряженность ушла.

Советская власть первоначально полностью отрицалась. Старообрядческий архиепископ Мелетий издал в 1917 году послание, в котором он предал проклятию всех старообрядцев, которые как-то сотрудничают с советской властью. В конце 1920-х многие старообрядческие архиереи вновь, как и сто лет назад, пустились в бегство. Однако тогда же произошло еще одно важное событие: несколько новообрядческих архиереев перешли в древлеправославие, основав вторую поповскую иерархию. До войны старообрядцы практически игнорировали власть – ее как будто не существовало. Но в войну многие староверы вновь (как в Смутное время и как в 1812 году) осознали свою востребованность и признали “державу Российскую”, то есть СССР, той страной, за которую можно молиться. В годы войны некоторые старообрядцы даже обращались в Московскую митрополию с вопросом о возможности молиться за здоровье Сталина, на что им, естественно, был дан отрицательный ответ.

Системы взаимодействия, информации и образования

Информационные связи старообрядческого сообщества в XVIII–XIX веках строились по принципу тайной структуры (с явками, паролями и т. д.). Поскольку любые богослужения рассматривались как незаконные, а особенно службы со старообрядческими священниками, то сама *организация молитвенных собраний* была делом опасным и рискованным. Доставка и укрытие “беглых попов”, организация тайных литургий в подвалах объединяла людей в систему, которая поощряла адаптивность и изобретательность. Организация культа выступала как форма выстраивания связей: типичная организация литургии превращалась в сложную операцию, нередко кончавшуюся арестами и даже смертью. Поиск “беглых попов” (священников, переходивших из государственного исповедания), а впоследствии и епископов также становился “общим делом”, которое сближало перед лицом общей цели множество староверов. Гонцы иногда ездили за епископами за рубеж, и им всегда помогали всем миром. Так, например, известна история поисков старообрядцами епископа, для чего они ездили в Китай, на Ближний Восток, в Грузию, пока наконец

не нашли в Константинополе (Стамбуле) митрополита Амвросия (Поповича), ставшего родоначальником старообрядческой Белокриницкой иерархии. Первоначально на соборе принималось решение о поездке, затем находились готовые ехать, после чего изыскивались деньги и выправлялись документы, искалась “цепочка” тех, кто мог приютить гонцов по пути.

Необходимость подчинять религиозной цели свою жизнь

и деятельность оказывала важное воспитательное действие. Важнейшей системной чертой старообрядчества был его *демократизм*, который на внутрицерковном языке называется “соборность” (разумеется, в социальном смысле). Это

Старообрядцы XIX века уже не поднимали принципиального вопроса об отношении к власти, признавали за властью право на управление, да и вообще отличались чрезвычайно высокой лояльностью

означало, что все ответственные решения принимались “миром” – о поиске епископов, о строительстве церквей, даже попов на поставление выдвигали из своей среды сами христиане. Между духовенством и мирянами не существовало больших различий, и все дела совершались вместе. Так, например, прием епископов и попов из других конфессий происходил по решению соборов. Иначе говоря, иерархия у староверов-поповцев не стала отдельной корпорацией, а у беспоповцев ее и вовсе не было. Система строилась на равенстве всех, была эгалитарной. К примеру, миряне могли воспрепятствовать важным решениям (о приеме “в общение” клириков из других конфессий и т. д.). И сейчас институт старообрядческой демократии функционирует. На соборах христиан-поповцев присутствуют как клирики, так и миряне, что создает дополнительный момент солидарности. Соборы были высшей властью в старообрядческой церкви. Ежегодно собирался Освященный собор, на котором епископы, попы, иноки и миряне сообща решали церковные вопросы, и без санкции Собора нельзя было принимать важные решения. Соборы служили как для принятия решений, так и для обмена информацией и опытом.

Информация в XVIII–XIX веках распространялась в старообрядческом сообществе либо из уст в уста, либо с помощью “грамат” и писем. Как уже говорилось, в староверской среде грамотность была всеобщей. Сборники житий “страдальцев за древнее благочестие”, подобные “Винограду Российскому”, переписывались во множестве экземпляров. И *сохранение памяти*, “согласное блюдение” предания было для староверов одной из важных частей “общего дела”. Таким образом, старообрядцы еще в XVIII веке придумали “самиздат”: эти первые старообрядческие рукописные сборники и гектографы позволяют историкам восстанавливать историю старообрядчества.

Книжная и иконописная культура оказалась следующей солидаризирующей системой. Во-круг проектов по переизданию старопечатных

книг организовывались порой настоящие “рабочие группы”. Собиратели библиотек постоянно контактировали между собой, собирая и сохраняя старопечатную книжную продукцию и добавляя к ней новые книги. Таким образом, в старообрядческой среде, жадной до чтения, постоянно шел процесс перечитывания, усвоения византийского и древнерусского концептуального тезауруса. Переиздавались и издавались по рукописям сборники “Пролог”, “Златоструй”, “Торжественник”, “Измарагд”. Книги сохранялись в частных собраниях, и собиратели, такие, например, как Чуванов, охотно предоставляли книги для переизданий. В качестве примера можно привести издание старообрядцами-беглопоповцами в 1912 году уникального сборника “Измарагд особой редакции” по рукописи из Румянцевского музея (из собрания Ундольского).

Именно староверы впервые перевели и издали в XIX веке некоторые сочинения блаженного Августина.

Сохранение древних икон также осознавалось как общестарообрядческая задача. Можно вспомнить знаменитую повесть Лескова “Запечатленный ангел”, которая, несмотря на цензурную правку, сохранила изображение отношения староверов к иконам. Иконные собрания старообрядцев славились среди знатоков и искусствоведов.

Интересной чертой книжности было так называемое “начетничество”, которое, вопреки расхожему представлению, было глубоким знанием, начитанностью и пониманием Библии и трудов отцов церкви, необходимых для полемики и защиты веры. Начетчиками называли грамотных и способных к беседе и полемике старообрядцев, посвятивших жизнь чтению, переписыванию и изучению Библии, патристики и древнерусской литературы. Союз старообрядческих начетчиков в начале XX века насчитывал около сотни таких знатоков, с мнением которых считалось все старообрядчество. Известна фраза епископа Иннокентия (Усова): “Один начетчик мне дороже трех попов”.

Образование в старообрядческой среде первоначально не было вопросом стратегическим. По причине скудости духовных и образованных лиц духовного сословия у поповцев на первое место выдвигаются грамотные уставщики (знатоки службы) и начетчики. Но при этом стремление учиться и образовываться в старообрядческой среде было огромным. Когда Лесков обследовал положение в Риге со старообрядческими школами, это перевернуло его представление о староверах: он обнаружил не отказ от культуры и образования, а самое горячее стремление получить их¹⁷. В ряду главных мероприятий

по устроению жизни сообщества оставалось решить один из ключевых вопросов: вопрос об образовании и воспроизводстве сознательности и идентичности. Многие старообрядцы в письмах и на своих съездах жаловались на то, что обучение детей в государственных школах подрывает их веру, нравственность и социальные устои. Было решено взять дело образования в свои руки.

В 1910 году старообрядческий мир оказался на распутье. Образование становится острым вопросом, ибо после прекращения гонений из “единоверия” в старообрядчество вернулось множество людей. Старообрядчество вновь стало многочисленным, и отдельные приходские учителя уже не справлялись с такой массой детей. Дети оказывались в земских школах, где законоучителями были новообрядные священники, а вся об-

становка была далека от требований старообрядцев. Осознавая опасность потерять своих детей, старообрядцы решили сами заняться их образованием¹⁸. Был разработан проект о четырех-

классных старообрядческих школах. При помощи депутатов-старообрядцев были приняты все необходимые законодательные акты, купечество выделило средства на организацию школ. Старообрядцы высказывали также желание иметь собственное учебное заведение с программой, приближающейся к средней школе, и в этом направлении ходатайствовали перед официальной властью. В сентябре 1912 года

открылся Старообрядческий институт в Москве, в Рогожской слободе. Была поставлена задача подготовить учителей для создания самобытной школы, основанной на началах нравственности и народности¹⁹. В этом институте учились старообрядцы всех согласий, ибо задача построения параллельной школы была общей для всего староверия. К сожалению, война и революция прервали это начинание.

Староверы постепенно выстраивали свою самостоятельную систему общественных связей, которая существовала практически параллельно государственной. Системность (общинность, умение считаться с интересами других людей, высокая корпоративность) была вообще характерна для старообрядцев, постоянно создававших новые общие инициативы. В старообрядче-

Старообрядцы, не допускавшие ни малейшей нечестности в деловых отношениях, ради достижения церковных задач охотно подкупали чиновников и даже новообрядческое духовенство

¹⁷ Результатом поездки писателя и чиновника в Ригу с целью ознакомления с тем, как поставлено дело народного образования в Гребенщиковской общине, явилась докладная записка “О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам”, а в 1869 году в газете “Биржевые ведомости” был напечатан цикл из четырех статей “Искание школ старообрядцами”. Там говорилось о том, что рижские старообрядцы считали образование детей вопросом первостепенным и экзистенциальным. Не желая отдавать детей в “никонианские” школы, они пытались решить этот вопрос путем школ лютеранских, но выходило еще хуже. Проблема была в том, что им не разрешали организовывать свои школы, о чем и сожалел Лесков.

¹⁸ “Желательно детей учить бы своим учителям, избранным из начетчиков; и учить бы не только псалтырю, часослову и катихизису, хотя малому, но и прочая по возможности”, – писали старообрядцы в решениях своих съездов. Освященный собор старообрядческой церкви 1906 года призвал всех старообрядцев образовывать детей обоего пола.

¹⁹ “Только европейская война раскрыла глаза русским людям на производившееся постепенное онемечивание русского человека, начиная с начальной школы и кончая университетами. Вся наша учебная система была чисто немецкая. И все наше министерство просвещения от какого-то Вральмана”, – писал философ В. Розанов.

стве внутренняя цельность не позволяла развиваться процессам индивидуализации, атомизации, которые, как ржа, разъедали европейскую цивилизацию.

Старообрядчество как альтернатива

Существование русского старообрядчества ставит ряд вопросов – как в сфере истолкования самого этого феномена, так и в сфере социального моделирования. В прежние времена старообрядчество анализировали либо с узкорелигиозной, либо с политической точки зрения.

Исследователь староверского предпринимательства В. Керов пишет: «Одним из итогов для избравших новые формы социального поведения ради сохранения «старого благочестия» стала эволюция к внутренней вере, проявлявшаяся, в частности, в формировании и развитии таких религиозно-этических категорий, как «совесть», «личная ответственность», «личный выбор». Результаты контент-анализа старообрядческих памятников определяют существенное значение в идейном наследии отцов старообрядчества понятия «совесть» (большее, чем внешнее благочестие), связанного прежде всего с «истинной верой» и «спасением души». Со спасением души преимущественно сопряжена также категория «личная ответственность», ответственность перед Богом и людьми, не зависящая от социального статуса и связанная с личной судьбой христианина и судьбой церковной общности, вне которой нет спасения.

В старообрядчестве сам факт использования таких категорий и их значение представляют собой отход от средневековой ментальности. Показательно, что историософия Аввакума

и его последователей предполагала в общественной истории активную деятельность человека, таким образом подтверждающего не только подверженность благодати, в концепции староверов лежащей на каждом, но и, при условии выбора пути борьбы со злом, проявляющего собственно человеческую сущность» [Керов. 2002. С. 35]. Лишенные опоры на государство, старообрядцы привыкли опираться на внутренние ресурсы, а с государством договариваться и выторговывать себе пространство свободы. Тем самым старообрядцы создавали себе «пространство ответственности». Малая группа, каковой является старообрядчество сегодня, своим опытом ставит под сомнение безальтернативность пути, которым следует российское общество последние 300 лет. Опыт социально-религиозной организации этой группы должен быть всесторонне исследован, систематизирован и использован. ■

Литература

- Керов В.В.* Новый строй личности и новый тип религиозности в старообрядчестве // Липоване: история и культура старообрядцев. Одесса, 2002.
- Зеньковский С.* Русское старообрядчество. М., 2005.
- Кириллов И.А.* Правда старой веры. М., 1916.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1988.
- Кутузов Б.П.* Тайная миссия патриарха Никона. М., 2007.
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. М., 2002.
- Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002.

WAGTIFPROJECTVAR

Б. Докторов

Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения*

Демократия и общественное мнение

В Америке дискуссию о природе демократии и роли общественного мнения открыли отцы-основатели государства. Они понимали важность, ценность суждений политической и деловой элиты того времени, но одновременно осознали необходимость учитывать мнения рядовых граждан о происходящем в обществе. Джеймсу Ловеллу (1819–1891), классику американской литературы, дипломату и политическому мыслителю принадлежит емкое определение роли общественного мнения: “Давление общественного мнения подобно давлению атмосферы; мы не можем его видеть, но это те же самые шестнадцать футов на квадратный инч”. Те, кто закладывал основы американской политической системы, несомненно, чувствовали это давление.

Осознание политиками, журналистами и учеными необходимости изучения общественного мнения в первой четверти XIX века стало отправной точкой для появления так называемых “соломенных” опросов, в начале XX века стали проводиться многомиллионные по объему исходной выборки опросы в прессе, в 1930-х годах про-

изошло становление научных методов изучения мнений населения. Однако в ответ на вызовы времени и благодаря постоянному стремлению социальных аналитиков к поиску более совершенных приемов сбора данных технологии опросов постоянно развивались, и к концу прошлого века возникла схема изучения мнений, для которой я предложил бы термин “опрос обогащенного общественного мнения”.

Российский читатель мог впервые ознакомиться с особенностями этой измерительной технологии в моей статье, вышедшей в журнале “Телескоп” в начале 2003 года [Докторов. 2003]. Тогда она лишь начинала применяться, и трудно было говорить о ее перспективах. Но благодаря целеустремленности основателя этой технологии американского социолога и политолога Джеймса Фишкина опросы обогащенного общественного мнения получили признание среди социальных аналитиков и политиков самого высокого уровня из многих стран. Это произошло потому, что нововведение Фишкина – не просто инструментарий для изучения установок населения, это – новый инструмент демократии, отвечающий многовековым традициям развития

* Благодарю Елену Петренко и Александра Ослона за предложение подготовить статью по исследованию обогащенного общественного мнения и за постоянную поддержку этой работы.

этого института и одновременно учитывающий достижения ставших уже традиционными гэллаповских приемов исследования мнений.

Сказанное определяет структуру статьи: краткое методологическое введение, затем рассмотрение предпосылок для возникновения нового метода и его истории и, наконец, изложение первых результатов опроса “Завтра Европы”, проведенного в октябре 2007 года.

Общие методологические положения

Многолетняя критика всех разновидностей опросов догэллаповского и гэллаповского этапов изучения общественного мнения включает утверждение, что зачастую респондентов просят высказать свое мнение по проблемам, с которыми они плохо знакомы или о которых вообще ничего не знают. Это вызывает не только большое число уклонений от участия в опросах, высокую долю ответов типа “не знаю”, “не имею мнения”, но и оправданные сомнения многих политиков, журналистов, представителей продвинутых групп населения в достоверности получаемых ответов.

Одним из наиболее известных сторонников пессимистической точки зрения на природу общественного мнения является Уолтер Липпман, теоретические построения которого [Липпман, 2004] в значительной степени вытекали из переоценки им возможностей средств массовой информации. Пропагандистская деятельность, которой Липпман занимался в годы Первой мировой войны в Германии, и его пронизанные фрейдизмом теоретические взгляды стали основой его утверждений о высокой зависимости мнений людей от масс-коммуникационных сообщений. Действительно, липпмановские представления о коммуникативной реальности справедливы для общества с высоким уровнем монополизации средств массовой информации – государством или мощными внесударственными структурами. Однако в процессе развития демократии, появ-

ления большого числа независимых источников информации, развития транспортных и телекоммуникационных сетей и, наконец, с рождением Интернета произошли серьезные изменения в механизмах формирования общественного мнения.

Тем не менее значительные слои населения продолжают пребывать вне основного для общества информационного пространства, и если представители таких групп окажутся в выборке опроса общественного мнения, то их ответы на вопросы интервьюеров зачастую будут чисто рефлекторными, спонтанными – почти “павловскими” реакциями.

Два вида эмпирической информации

Имеет смысл различать два вида эмпирической информации, оказывающейся в распоряжении исследователей общественного мнения. Один вид – это совокупность суждений, заявлений, оценок людей, возможно, не задумывавшихся о том фрагменте реальности, который выступает в качестве предмета опроса, не информированных или слабо знакомых с проблематикой опроса. Для характеристики этого вида общественного мнения в американской литературе используется множество терминов, приведу лишь некоторые из них: “основное”, “базовое”, “необработанное”, “неочищенное”, “сырое” (raw).

Второй вид общественного мнения как бы надстраивается над первым и возникает из него при повышении информированности опрашиваемых, при их фокусировке на соответствующей проблемной области, при перемещении этой проблемы с периферии массового сознания в центр интересов людей. О втором типе общественного мнения говорят как о взвешенном, несущем в себе итоги обсуждений; используются термины: “продвинутое”, “развитое”, “опытное”, “культивированное”, “усиленное”, “рафинированное”. В доперестроечной советской литературе говорилось о “зрелом” общественном мнении.

*“Давление
общественного мнения
подобно давлению атмосферы;
мы не можем его видеть,
но это те же самые
шестнадцать футов
на квадратный
инч”*

Основная заслуга в обосновании теоретико-методологических проблем, вытекающих из факта существования двух указанных типов общественного мнения, и в создании новой исследовательской технологии принадлежит, как уже упоминалось, Джеймсу Фишкину [Fishkin. 1991; Fishkin. 1995]. Он соединил практику изучения общественного мнения с философско-политической доктриной делиберативной демократии. В 1970 году Фишкин получил степень бакалавра, а позже – степень доктора (PhD) по политическим наукам в Йеле и по философии – в Кембридже. В настоящее время он является профессором Стэнфордского университета, директором нового Стэнфордского центра делиберативной демократии (Center for Deliberative Democracy) и руководит Отделением коммуникации.

Делиберативная демократия

В российской политической культуре есть понятие “делиберативная демократия” (от *deliberate* – обсуждать, спорить). Ее трактуют как демократию обсуждения, убеждения, аргументации и компромисса и видят в ней продолжение,

развитие концепций правового государства. В ее основе лежит представление, что современный человек не отчужден от общества, он готов к компромиссу и отказу от своих предпочтений ради достижения некоего гражданского консенсуса.

Начало современной дискуссии о делиберативной демократии было положено американским социальным философом Джоном Дьюи, оппонентом Лишмана, который не только предлагал трактовать демократию как доминирование позиции большинства, но обращал внимание на механизмы достижения власти большинством. Он подчеркивал значение общественных дискуссий, в которых “договариваются” разные социальные общности. Ряд авторов полагают, что в современном мире удельный вес традиционных политических институтов падает, и на политическую арену выходят гражданские околополитические союзы и группы интересов. Они зачастую представляют установки, желания своих членов успешнее, чем партии. В 2005 году увидела свет обстоятельная хрестоматия, суммирующая многое сделанное в области развития форм делиберативной демократии и ее изучения [The Deliberative Democracy... 2005].

Отталкиваясь от традиций, накопленных в исследованиях этой разновидности демократии, Фишкин сосредоточил свое внимание на анализе делиберативного общественного мнения, то есть совокупности суждений населения или его значительных групп, выработанных в процессе совместного рассмотрения той или иной проблемы¹. Понятие *deliberation* будем переводить в данном случае как “обогащение”, и соответственно *deliberative* – как “обогащенный”. Таким образом, обогащенное общественное мнение (ООМ) определенной совокупности людей – это множество суждений, оценок, касающихся тех или иных фрагментов реальности, выработанное этой совокупностью при наличии

¹ В ситуации мощной экспансии в русский язык англоязычных терминов слова *deliberation* и *deliberative* можно было бы транслитерировать и говорить о делиберации общественного мнения и о делиберативном общественном мнении. Однако такой вариант не кажется мне удачным. Во-первых, эти слова труднопроизносимы и изначально малопонятны. Во-вторых, наличие приставки “де” фактически придает им смысл, обратный тому, который в них заложен. Так, если “либер” (вспомним: “либерал”, “либеральный”) – это нечто, связанное со свободой, то “делибер” будет восприниматься как нечто противоположное “либеральному”.

необходимой информации по определенным проблемам в процессе широкого межличностного обсуждения.

Двухкритериальная типология методов измерения общественного мнения

Для лучшего выявления специфики рассматриваемой ниже технологии изучения ООМ введем вслед за Дж. Фишкиным двухкритериальную типологию различных приемов сбора первичной информации [Fishkin, 2000] (табл. 1). Первый критерий – вид общественного мнения: “сырое” или “обогащенное”. Второй критерий – выразители мнений: стихийная или научно обоснованная выборка населения. Совмещение двух названных бинарных критериев порождает четырехкатегориальную классификацию технологий, фиксирующих общественные суждения различной природы.

В средней ячейке среднего столбца табл. 1 – написанное русскими буквами английское слово SLOP, используемое в американском социологическом жаргоне. Исходное значение слова “slop” – мусор, помой, поток грязи. Одновременно SLOP – это аббревиатура выражения “self-selected listener opinion poll”, то есть опрос слушателей радио или зрителей телевидения, позволивших в редакцию и готовых высказать свое мнение по обсуждающимся в эфире проблемам. Во множественном числе слово SLOPs (СЛОПы) используется для обозначения различных нерепрезентативных технологий сбора и анализа мнений. Еще один пример СЛОПов – многие современные онлайн-опросы.

Под дискуссионными группами (нижняя ячейка среднего столбца табл. 1) имеются в ви-

Табл. 1. Типология методов выявления общественного мнения, предложенная Д. Фишкиным

Общественное мнение	Неслучайная (направленная) выборка	Репрезентативная (вероятностная) выборка
“Сырое”	СЛОП(-ы)	Гэллаповская технология изучения ОМ
“Обогащенное”	Дискуссионные группы	Технология изучения ООМ

ду форумы, в которых могут участвовать все желающие высказаться на обсуждаемую тему. Наиболее известным в Америке дискуссионным клубом такого рода является National Issues Forum (Форум общенациональных проблем), созданный для всестороннего обсуждения вопросов образования и организации жизни в различных группах населения. Итоги дискуссий широко освещаются и используются многими специалистами и педагогами. Этот форум часто называют школой демократии; организаторы рассматривают его как продолжение традиции городского собрания Новой Англии.

Средняя ячейка первого столбца – это место “прописки” классической гэллаповской технологии: “сырое” общественное мнение измеряется на базе репрезентативной выборки. Нижняя правая ячейка типологической матрицы отведена для размещения различных модификаций технологий, используемых для научного изучения ООМ.

Фиксируя то обстоятельство, что приходится спрашивать респондентов о проблемах, им малоизвестных, а потому иметь дело с некомпетентными суждениями, Гэллап еще в середине 1940-х годов разработал и затем регулярно использовал “пятимерный” план опроса. Эта конструкция включает в себя последовательность вопросов различного типа, совокупность ответов на которые повышает обоснованность ответов респондентов и тем самым – достоверность получаемой информации. План содержит вопрос-фильтр, типа “Вы слышали или читали о...?” Затем следует открытый вопрос, призванный выявить, что именно слышал респондент. Третий вопрос – оценочный – с ответами “да” или “нет”. Четвертый вопрос позволяет респонденту объяснить причину, в силу которой он придерживается именно такого мнения. И, наконец, пятый – шкала интенсивности мнения респондента [George, 1947]. Использовались и другие схемы опроса, в которых учитывалась принципиальная неспособность каждого человека в отдельности в равной мере внимательно и серьезно воспринимать все многообразие процессов и событий, происходящих в стране и мире, и судить о них.

Иной путь решения этой проблемы был предложен Дж. Фишкиным. Суть его подхода заключается в предварительном обогащении “сырого” общественного мнения. Фишкин разработал метод выявления такого мнения, которое сложилось бы у респондентов, если бы они были максимально информированы о соответствующих проблемах и формировали свое отношение к ним в дискуссиях со специалистами и представителями различных групп населения. Общая схема обогащения включает три этапа.

Первый этап – проведение базового опроса общественного мнения по традиционной гэллаповской схеме, то есть изучение “сырого” общественного мнения на основе научно обоснованной выборки из соответствующей генеральной совокупности.

Второй этап – мнения, установки участников базового опроса “обогащаются”. Участники основного опроса делятся на две группы: экспериментальную и контрольную. Это делается с помощью разных приемов. Например, респонденты, отобранные среди участников опроса случайным образом, формируют небольшие группы, в которых обсуждаются определенные проблемы; организуются встречи с экспертами; распространяются специально подготовленные материалы; необходимая информация направляется респондентам по электронной почте или вывешивается на специальных веб-сайтах и т. д.

Третий этап – проводится повторный опрос; интервал между базовым и повторным опросами – от нескольких дней до полутора-двух месяцев. Это время используется, чтобы представить отобранным для “обогащения мнения” респондентам (подвыборка из основного массива) необходимую информацию по тематике опроса и обсудить возникающие у них вопросы со специалистами и в специальных дискуссионных группах. Результаты финального опроса в “обогащенной” и контрольной выборках позволяют сравнить обогащенное и “сырое” мнение.

Этап обогащения мнений респондентов имеет сложную, многофункциональную природу.

По своей геометрии он – промежуточный в измерительной цепочке, но при этом образует ядро новой измерительной технологии. Внешне она выглядит как синтез гэллаповского интервью и процедуры дискуссионных групп, но подобная интерпретация не передает сути рассматриваемой технологии. Цель этапа обогащения – коррекция, изменение установок респондентов. Или иначе: обогащение – это “перевод” (развитие, продвижение) социальной группы (точнее – репрезентирующих ее представителей) из одного социального пространства в другое: из конкретной среды – в абстрактную, из состояния низкой информированности – в позицию “почти” эксперта.

Немного истории²

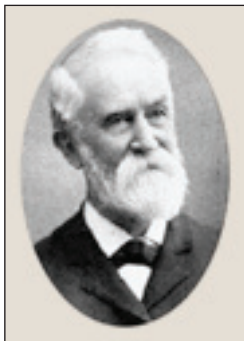
Из прошлого в настоящее

В 1630 году на корабле “Mary and John” из Англии в Америку прибыл Роджер Ладлоу. В историю освоения Нового Света он вошел как человек, заложивший базис политической и правовой системы США. 8 октября 1633 года Ладлоу основал в городе Дорчестере форму самоуправления, которая стала называться городским собранием Новой Англии, или Массачусетским городским собранием. Собранию принадлежало право решения всех вопросов жизни общины, не входивших в компетенцию руководства Содружества штатов. В 1638 году эта форма управления была официально признана элементом организации власти в колониях. В XVII и XVIII веках городское собрание Новой Англии являлось властным институтом, каналом формирования общественного мнения и исследовательской лабораторией, в которой участники дискуссий выявляли всю гамму мнений по обсуждавшимся вопросам, анализирова-

² Сюжеты, изложенные в следующем параграфе, были подробно рассмотрены мною в книгах по истории становления опросов общественного мнения [Докторов. 2005; Докторов. 2006].

ли их и обобщали в виде рекомендаций для принятия решений. Сохранившееся в ряде мест США до настоящего времени городское собрание классифицируется как “самая чистая форма демократии”.

В конце XIX века выдающийся английский историк и юрист, государственный и политический деятель лорд Джеймс Брайс, изучая развитие демократии в Европе и наблюдая за политической и социальной жизнью США (одно время он был

послом Англии в этой стране) пришел к двум принципиальным выводам. Во-первых, он обнаружил наличие в стране общественного мнения: развитость прессы, стремление людей обсуждать общественно важные проблемы и их многолетний опыт участия в избирательных кампаниях. Во-вторых, он говорил о жизненности идей городского собрания Новой Англии.

История распорядилась так, что на одном корабле с Ладлоу к берегам Америки прибыл Джон Галлоп (1590–1650), активно участвовавший в работе первого городского собрания. Его прямым наследником является Джордж Гэллап (1901–1984; за столетия

написание фамилии немного изменилось) – “отец” современной научной технологии изучения общественного мнения. Свои первые опросы Гэллап называл выборочными референдумами населения. Он писал: “Через сто пятьдесят лет мы возвращаемся к городскому собранию. Теперь вся нация – внутри помещения для обсуждений”. Круг замкнулся. Потомок того, кто в первой половине XVII века участвовал в становлении городского собрания Новой Англии, предложил новую схему организации общенационального демократического форума.

Опросы обогащенного общественного мнения. Первые 20 лет³

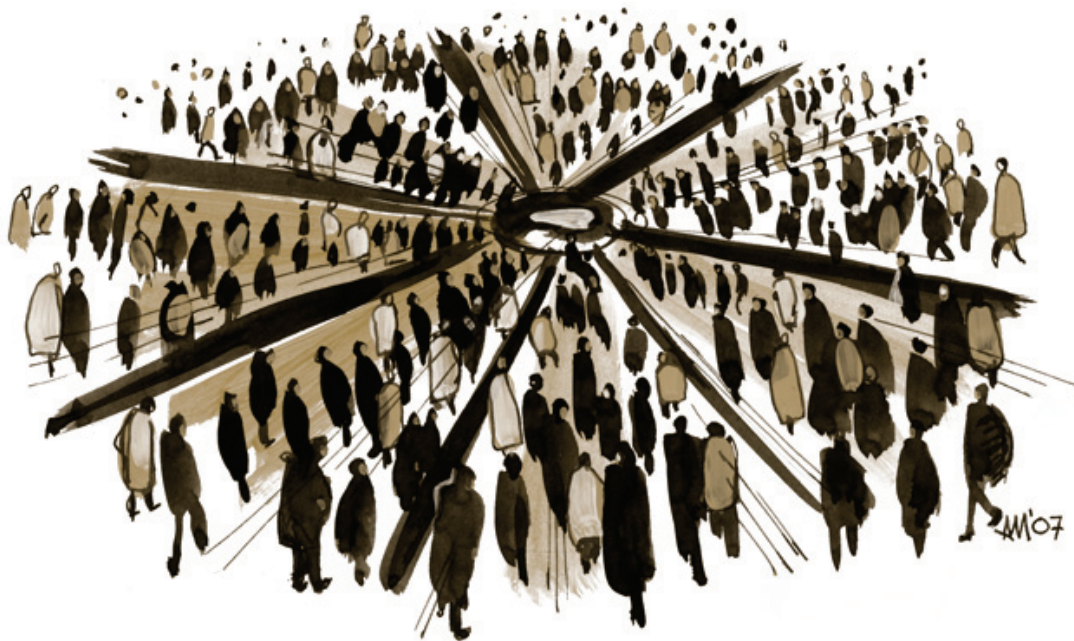
Идея делиберативных опросов впервые была изложена Дж. Фишкиным в августе 1988 года [Fishkin. 1988]. Но даже в книге, увидевшей свет через три года, он не мог с уверенностью говорить ни об их технологии, ни об их будущем, так как не хотел пускаться в “утопические рассуждения” [Fishkin. 1991. P. 84]. Фишкин отмечал, что производятся тысячи опросов населения по проблемам, о которых у людей нет никакого мнения; почему же, задавался он вопросом, не провести несколько опросов в ситуации, когда население имеет доступ к информации и может ее обдумать [Benton]?

Началом таких эмпирических исследований является общенациональный опрос, проведенный в Англии 15–17 апреля 1994 года; работа была поддержана “Каналом-4” английского телевидения, и она касалась проблем преступности. Кроме всего прочего, “опрос с человеческим лицом” [The Citizen Engagement...] показал, что его участники становятся более социально активными. Так, Фишкин вспоминал, как его благодарила жена одного из участников опроса: в течение тридцати лет ее муж не читал газет, но поучаствовав в опросе, изменился, и его жизнь стала много интересней [Fishkin. 2005].

Позже Фишкин провел в Англии еще ряд общенациональных опросов: о видении англичанами будущего Европы (1995 год), об отношении к монархии (1996), об экономических проблемах (1996) и будущем национальной системы здравоохранения (1998) [Fishkin. 1999].

В США опросы обогащенного общественного мнения начались в 1996 году. В течение двух лет серия таких зондажей была организована в городах Техаса – изучались вопросы обеспечения населения электроэнергией. По заказу восьми техасских электрических компаний выяснялось, каковы ожидания потребителей относительно обслуживания в будущем. Ранее по заказу компаний уже были проведены традиционные фокус-группы, но они ничего не дали – люди были плохо информированы по требую-

³ Основой для написания этого и следующего разделов в значительной мере являются сетевые публикации.

щей углубленного анализа проблематике. Опросы по новой технологии включали в себя телефонные интервью (опрашивались 500–800 человек) и дискуссионные встречи, на которых потребители обсуждали волнующие их проблемы и задавали вопросы экспертам. За согласие участвовать в интервью респонденты получали вознаграждение в 50 долларов и еще по 150 – при заполнении финального опросника, который в основном включал те вопросы, на которые респонденты отвечали по телефону. Тех, кто жил далеко, привозили на встречи и расселяли в гостиницах. Дискуссии проходили по выходным. Участникам процесса обогащения заранее высылались материалы, содержащие все главные аргументы “за” и “против” по всем альтернативам решений, которые рассматривались компаниями. Эти документы готовились компаниями при участии всех заинтересованных сторон. Обогащение принципиально изменило позиции респондентов, и полученные результаты были неожиданными для заказчиков. В частности, население высказалось в пользу более активного использования восстанавливаемых источников энергии, и компании увеличили инвестирование в строительство электростанций, использующих силу ветра.

Подводя итоги первого опыта, исследователи писали: “Опрос обогащенного общественно-

го мнения – полезный инструмент для выявления более информированного и продуманного, взвешенного общественного мнения. Он позволяет определить, какими были бы общественные предпочтения, если бы поведение людей в большей степени соответствовало идеальному демократическому обществу, где граждане полнее информированы о существующих проблемах и более активно вовлечены в совместное обсуждение наилучшего пути их решения” [Luskin. 1999. P. 10].

Важной вехой в развитии технологии опросов обогащенного общественного мнения стало исследование, проведенное в январе 1996 года в рамках работы Первого конвента по общенациональным проблемам (The first National Issues Convention). 466 избирателей, отобранных по случайной выборке и репрезентировавших электорат страны, имели возможность участвовать в дискуссиях с вице-президентом США Альбертом Гором и кандидатами от Демократической партии [Luskin. 1998].

В январе 2003 года исследование было повторено на Втором форуме по национальным проблемам, на этом этапе в нем участвовали 300 человек. Это был уже 21-й опрос обогащенного общественного мнения [An Exercise in Democracy. 2003].

Австралия сегодня, пожалуй, вторая после Америки страна в мире, где интенсивно прово-

дятся исследования по делиберативной демократии и регулярно (1999, 2001, 2002 и 2003 годы) осуществляются опросы с целью изучения обогащенного общественного мнения [Issues Deliberation Australia]. Это стало возможным благодаря активности некоммерческой и внепартийной аналитической структуры Issues Deliberation Australia / America (IDA).

Первое исследование по схеме Фишкина было проведено в октябре 1994 года – тогда обсуждался вопрос, должна ли Австралия стать республикой. В марте 2007 года изучалось отношение жителей страны к мусульманам; это был пятый опрос рассматриваемого типа. На второй фазе исследования 329 случайно отобранных человек были собраны в Старом здании парламента (Old Parliament House), где они участвовали в дискуссии “Мусульмане и немусульмане” и затем участвовали в опросе. Полученные результаты показали, что после обсуждения этой проблемы люди начинают относиться к соотечественникам-мусульманам более толерантно. Так, в ходе базового опроса половина респондентов (49%) говорили о принципиальных различиях между западными и мусульманскими ценностями и полагали, что мусульмане склонны к терроризму. После дискуссии этот показатель снизился до 22% [Australians Deliberate and Find They Fear Muslims Less].

Методологию и технологию Фишкина начинают осваивать Болгария и Венгрия. Так в апреле 2007 года был проведен опрос населения Болгарии, в центре которого стояла проблема образа жизни цыган; на первой стадии исследования было опрошено 1344 человека, на второй – 255. После того как участники дис-

куссии обменялись мнениями и получили дополнительную информацию, они стали более терпимо относиться к идее сближения болгар с цыганской общиной [Presentation of the Results...].

Опросы по технологии обогащенного общественного мнения были проведены в Греции, Дании, Италии, Ирландии, Канаде, Китае, Японии и в других странах. Краткая информация о ряде опросов 1996–2006 годов представлена на сайте Центра делиберативной демократии⁴. В одном из изданий Стэнфордского университета отмечается, что с 1988 года по осень 2004 года Фишкин провел свыше 22 опросов по своей технологии [Trei. 2004]. К декабрю 2005 года их число перевалило за три десятка [Stanford’s Fishkin contemplates... 2005], к концу 2007 года их будет около полусотни.

Методологию и технологию таких опросов можно считать новыми, складывающимися, и потому они являются областью профессиональной дискуссии. Мнения ряда экспертов по рассматриваемой тематике приводятся на сайте Центра делиберативной демократии [Deliberative Polling...]. Вот некоторые из них.

Уолтер Шапиро, обозреватель журнала “Time”: “Инновационный метод для преодоления пропасти между избирателями и избираемыми”.

Профессор Норман Брэдберн, Национальный центр изучения общественного мнения: “Делиберативный опрос объединяет два известных метода – выборочные исследования и фокус-группы – в новую мощную технику для измерения информированного общественного мнения. Думаю, что это самый инновационный подход к изучению общественного мнения, начиная с развития научного опроса в 1930-х годах”.

⁴ Briefing Documents <http://cdd.stanford.edu/docs/>; In the Press. <http://cdd.stanford.edu/press/>; Research Papers <http://cdd.stanford.edu/research/>

Профессор Ф. Конверс, Мичиганский университет: “Если говорить о гражданских и демократических ценностях, новый вид опроса – восхитительно конструктивный продукт... Это – многообещающее изобретение”.

Профессор Роберт Дал, Йельский университет: “...надеюсь, что в наступающем столетии он [метод опроса обогащенного общественного мнения] будет широко использоваться в Соединенных Штатах и других демократических странах”.

В начале 1996 года на высшем форуме американских специалистов по изучению общественного мнения обсуждались методологические аспекты технологии Фишкина. Многие исследователи затруднились в определении природы этого метода и его будущего. Одни видели в нем новый опросный прием, другие – эксперимент с интенсивным использованием традиционных опросных технологий. Прошло почти десять лет, но многие существенные аспекты этого метода продолжают активно обсуждаться [Merkle. 1996; Sturgis, Roberts, Allum. 2005]. Социологи высказывают различные точки зрения на методологию и технологию обогащенных опросов общественного мнения, политологи же фокусируют внимание на том, как легко перейти границу между обогащением мнения и манипуляцией им.

Думаю, что проблемы с идентификацией метода изучения обогащенного общественного мнения возникают тогда, когда его пытаются рассматривать в рамках парадигматики догэллаповских и гэллаповских технологий. В действительности же следует выйти из этой традиционной системы координат и трактовать новый метод как одно из направлений развития постгэллаповских опросных технологий.

Все европейцы в одной большой комнате

Серия исследований, проведенных Дж. Фишкиным в начале XXI века, позволила ему осенью 2007 года осуществить очень перспективный в научном и политическом отношении проект “Завтра Европы”. Ниже обсуждается по-настоящему “горячий” материал: подготовленный кол-

лективом Фишкина 22 октября этого года краткий отчет о первом опросе обогащенного общественного мнения населения стран Европейского союза, проходившем в Брюсселе [Press release (22 October)...]. Цель этого исследовательского проекта – понять, каким жители европейских государств видят свое ближайшее будущее. Пока ответ на главный вопрос исследования не дан, но и в том, что уже опубликовано, много интересного и для политиков, и для тех, кто рассуждает о методе Фишкина.

Об исследовании в целом

Напомню, общая схема опроса обогащенного общественного мнения включает первичный опрос, извлечение из совокупности его участников небольшой подвыборки, глубокое информирование этих людей и повторный опрос. Результаты второго замера интерпретируются как состояние обогащенного общественного мнения.

На первом этапе исследования компанией “TNS-Sofres” было опрошено по репрезентативной выборке 3500 человек из 27 стран ЕС (15 старых членов и 12 новых, табл. 2) с суммарным населением населением 492 миллиона человек. Численность респондентов из каждой страны

Табл. 2. Страны-участники Европейского союза

Старые страны ЕС/ год вступления	Новые страны ЕС/ 2004 год
Австрия (1995)	Болгария
Англия (1973)	Венгрия
Бельгия (1957)	Кипр
Германия (1957)	Латвия
Голландия (1957)	Литва
Греция (1981)	Мальта
Дания (1973)	Польша
Ирландия (1973)	Румыния
Испания (1986)	Словакия
Италия (1957)	Словения
Люксембург (1957)	Чехия
Португалия (1986)	Эстония
Франция (1957)	
Финляндия (1995)	
Швеция (1995)	

была пропорциональна числу ее представителей в Европейском парламенте.

Затем из состава опрошенных для участия в обсуждениях случайным образом было отобрано 362 человека, которые за счет организаторов исследования приехали в Брюссель.

Дискуссии, предусмотренные схемой опроса, проходили в “одной большой комнате” – в здании Европейского парламента; они начались в пятницу 12 октября и завершились в воскресенье 14 октября. Обсуждение проходило на 22 языках.

Среди участников финального опроса наблюдается некоторый перекосяк – среди них было больше мужчин и людей с более высоким образованием. Но различие между политическими установками не слишком значительное. В целом финальная выборка является обоснованной микромоделью населения Европы.

До начала работы всем участникам Брюссельского форума была роздана брошюра, позволившая им получить базовую информацию для эффективного участия в дискуссии [Tomorrow's Europe... 2007], – это красочный документ, содержащий 28 страниц текста, множество карт и диаграмм. Он включал краткий рассказ о логике опроса обогащенного общественного мнения и о значении выбранной для дискуссии проблематики. Далее следовал рассказ о Европейском союзе: о том, как он складывался, о сути его организации и о его функциях, о бюджете и об основных направлениях деятельности. Проблемы, выносившиеся на обсуждение, обстоятельно формулировались. Вопросы касались пенсионного обеспечения граждан и экономического развития стран-участников, а также роли ЕС в мире.

К разработке документа были привлечены крупные эксперты и политики, ибо необходимо было сделать в полной мере “балансный” доку-

мент. Действительно, по каждой из проблем сформулированы основные мнения и аргументы относительно сильных и слабых сторон предлагавшихся решений.

В пленарных дискуссиях по проблематике опроса участвовали эксперты высочайшего класса, в том числе премьер-министр Болгарии Сергей Станишев, министр финансов Италии Томмазо Падоа-Скьотта и член Европарламента от Дании Енс-Петер Бонде. Приведу их суждения относительно опроса.

С. Станишев: “Обогащенный опрос общественного мнения очень полезен. Действительно правительство, которое я возглавляю, намеревается использовать полученные результаты в образовании, здравоохранении и при разработке социальной политики”.

Т. Падоа-Скьотта: “Это чрезвычайно важный шаг в направлении усиления эффективности общеевропейской демократии”.

Е.-П. Бонде: “Я стал активным сторонником опроса обогащенного общественного мнения... дискуссии меняют сознание людей”.

Интересно и итоговое заключение *Джеймса Фишкина:* “Опрос был представительным, включал дискуссии, и политики обратили на него внимание. Это и есть три критерия успешности опроса обогащенного общественного мнения”.

Первые результаты исследования

По завершении дискуссии всеми были снова заполнены анкеты, содержавшие те же вопросы, что и в первом, базовом опросе. Вот некоторые из результатов этой огромной инновативной работы.

Дискуссия помогла ее участникам лучше понять политику ЕС в области пенсионного обеспечения и шире смотреть на имеющиеся в этой сфере проблемы. Люди поняли, что принятие

любого из возможных решений связано с некими жертвами. По итогам обсуждений доля голосов за повышение возраста выхода на пенсию увеличилась с 26 до 40%, и одновременно активнее стала поддерживаться идея, чтобы работать дольше до выхода на пенсию. До дискуссии эта точка зрения принималась половиной респондентов, после – 70%.

Отношение участников опроса к свободной торговле изменилось не очень значительно, но статистически значимо. Так, поддержка политики снижения торговых барьеров увеличилась на 6 п.п. (с 54% до 60%), а доля несогласных с тем, что “более свободная торговля создаст неудобства для отечественной промышленности”, увеличилась на 5 п.п. (с 37% до 42%).

Особое внимание участников дискуссии привлекла проблема расширения ЕС, в котором на момент опроса было 27 государств, ожидали своей очереди Турция, Хорватия и Македония; вступить в это объединение хотели еще ряд стран. Обсуждение привело к снижению (с 65% до 60%) поддержки варианта, при котором страна должна приниматься “автоматически”, если она отвечает всем политическим и экономическим условиям для членства. И это не связано с тем, что одной из стран, наиболее близкой к вступлению в ЕС, является мусульманская Турция. Первоначально за допуск Турции высказались 55% опрошенных, после обсуждений – до 45%. Однако при этом поддержка идеи членства Украины сократилась много заметнее: с 69 до 55%. Возросла доля согласных с двумя другими положениями: “увеличение числа стран ЕС еще более затруднит для ЕС принятие решений” (было 52%, стало 62%); “ЕС добавляет слишком много стран и слишком быстро” (с 46 до 53%).

Повторный опрос выявил сильную, устойчивую поддержку разумного использования военной силы. Процент считающих необходи-

мым использовать военную силу с целью защиты других стран ЕС против военного нападения вырос с 80 до 83%, а доля согласных с применением военной силы для предотвращения геноцида не изменилась (была 82%, стала 81%). Но поддержка использования вооруженных сил для устранения угрозы применения оружия массового поражения заметно упала: с 70 до 59%.

Если учесть, что среди 12 стран, принятых в ЕС в 2004 году, 11 – постсоветских или входивших ранее в социалистическое содружество, то станет понятным различие во мнениях представителей новых и старых членов ЕС. Достаточно жестко против увеличения ЕС высказались респонденты из новых стран. На 15 п.п. (с 78 до 63%) уменьшилось их позитивное отношение к суждению, что страны, которые отвечают всем политическим и экономическим условиям, должны быть дополнительно приняты в ЕС. В группе участников от старых государств-членов ЕС снижение этого показателя составило лишь 2 п.п. (с 61 до 59%).

Основываясь на ответах респондентов на серию вопросов, измеряющих знание ими фактов деятельности ЕС, можно утверждать, что дискуссия была плодотворной. Представители обеих групп государств-членов ЕС узнали примерно одно и то же, хотя бывшие из старых государств обладали более высоким уровнем информированности исходно (и по итогам дискуссии). В среднем “новички” на вопросы “на знание” отвечали верно в 37% случаев, тогда как “старички” – в 53%.

По результатам дискуссии участники Брюссельской встречи стали чаще признавать себя европейцами. Доля тех, кто думает о себе как о “европейце”, увеличилась с 77 до 85%, в то время как доля рассматривавших себя лишь как представителей своей страны снизилась с 89 до 83%.

Приведенные выше суждения политиков высокого ранга говорят о признании ими полезности и политической значимости проведенного опроса. Аналогичное отношение к Брюссельской дискуссии обнаруживается в распределении мнений ее участников (табл. 3): опрос обогатил их знаниями и изменил их отношение к соседям по континенту [How did the participants].

Рассуждая о перспективах проведения опросов обогащенного общественного мнения в России, целесообразно принимать во внимание политические, организационно-финансовые, методологические и инструментальные обстоятельства.

Учитывая огромный опыт российских поллстеров в проведении опросов различного типа и масштабов, не приходится сомневаться в том, что они могут успешно освоить и эффективно

применять технологию опросов обогащенного общественного мнения. Скорее всего, пока это будут не общероссийские опросы, а, например, региональные (городские, областные) или внутрикорпоративные.

Несколько более сложной видится проблема методологии нового вида опроса, ибо она – продолжение общих трактовок сущности американской демократии и истории существования многочисленных форумов, на которых представители различных групп населения обсуждают волнующие их проблемы. Как отмечает Фишкин, его метод возник отчасти как развитие опыта научной и гражданской деятельности Дэниеля Янкеловича, выдающегося психолога, социолога, исследователя общественного мнения и рынка. В 1975 году он вместе с бывшем Госсекретарем США Вэнсом Сайрусом создал внепартийную организацию “Public Agenda”, содействующую проведению общественных дискуссий и информ-

Табл. 3. Мнения участников Брюссельской дискуссии о проведенной работе

На шкале от 0 до 10, где 0 – “потерянное время”, 10 – “в высшей степени ценно” и 5 – точная середина				
Отметьте, насколько состоявшаяся дискуссия способствовала прояснению Вашей позиции по обсуждавшимся проблемам				
0–4		5		6–10
0,7%		2,3%		97%
Я узнал много о людях, весьма отличающихся от меня, и об их жизни				
совершенно не согласен(-на)	скорее не согласен(-на)	нет определенного мнения	скорее согласен(-на)	полностью согласен(-на)
4,0%	3,4%	4,8%	28,0%	59,9%
На шкале от 0 до 10, где 0 – “вообще ничего”, 10 – “очень много” и 5 – точная середина				
Отметьте, насколько в ходе дискуссии Вы улучшили свои знания о Европейском союзе				
0–4		5		6–10
7,9%		13,9%		78,2%
На шкале от 0 до 10, где 0 – “вообще никак”, 10 – “очень много” и 5 – точная середина				
Отметьте, насколько в ходе дискуссии Вы улучшили свое умение понимать установки и поведение людей из других стран, иной культуры				
0–4		5		6–10
4,2%		8,4%		87,4%
На шкале от 0 до 10, где 0 – “вообще ничего”, 10 – “очень много” и 5 – точная середина				
Отметьте, насколько в ходе дискуссии Вы углубили свою мотивацию к активному участию в общественных обсуждениях				
0–4		5		6–10
5,3%		11,8%		82,9%

рованию политических лидеров страны об отношении населения к волнующим их проблемам. Упомянутая выше структура, “National Issues Forums”, поддерживаемая и организацией Янкеловича, в середине 1990-х проводила ежегодно свыше 3000 форумов, культивировавших в стране грамотное общественное мнение. Люди, вовлеченные в планирование и проведение подобных дискуссий, помогли Фишкину при проведении его первых опросов в Англии в 1994 году [Fishkin. 1995. P. 164-165].

В России не сложилось практики проведения подобных форумов, и соответственно в обществе и в науке пока нет какой-либо претендующей на полноту стратегии формирования и выявления информированного, компетентного общественного мнения. Остается много непроясненных научных и нравственных вопросов относительно проведения фазы обогащения мнений. Соответственно пока сложно определить социальные силы, группы, заинтересованные в проведении опросов обогащенного общественного мнения и готовые поддержать социологов, ориентированных на освоение соответствующей методологии и техники, в организационном и финансовом отношениях. Судя по известным мне материалам, исследования Фишкина финансировались общенациональными телевизионными холдингами, крупными частными бизнес-компаниями, фондами

и госструктурами. Вообще говоря, если такие небольшие и небогатые страны, как Болгария, Венгрия, Греция, при содействии Фишкина смогли провести у себя опросы по его технологии, трудно предположить, что в России возможности для этого ниже. Опять же, начинать можно с проведения локальных опросов, особенно там, где не решаемые подолгу проблемы могут привести к серьезным социальным конфликтам.

Поскольку технологические, методологические и организационно-финансовые барьеры в принципе уже сейчас могут быть преодолены, то, возможно, наиболее трудными окажутся проблемы политического характера. Российским властям предстоит осознать необходимость развития института демократических обсуждений и выработать механизмы учета результатов публичных дискуссий в политике. Если движение в эту сторону начнется, то возникнет потребность в расширении уже существующей практики изучения различных форм массового сознания. И в этом случае естественным станет проведение опросов обогащенного общественного мнения. ■

Литература

- Докторов Б.* Из XVII столетия в наступивший век: к становлению пост-гэллаповских опросных технологий // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2. С. 9–17 http://pseudology.org/Gallup/Doktorov_XVII.htm
- Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2005.
- Докторов Б.З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
- Литтман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Benton E.* Yale to host innovative public opinion study. Deliberative Poll increases political participation, professors say <http://www.yaleberald.com/article-p.php?Article=360>
- Briefing Documents <http://cdd.stanford.edu/docs/>>; *In the Press*; <http://cdd.stanford.edu/press/>; *Research Papers* <http://cdd.stanford.edu/research/>

The Citizen Engagement Riund Table: Deliberative Polling. April 17, 1996 <http://www.iog.ca/publications/cert1.pdf>

The Deliberative Democracy Handbook: Strategies for Effective Civic Engagement in the Twenty-First Century. Ed. Gastil J., Levine, 2005.

An Exercise in Democracy <http://www.utexas.edu/features/archive/2003/polling.html>

Fishkin J. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. Yale University Press. New Haven, 1991.

Fishkin J. S. Deliberative Polling As a Model for ICANN Membership. <http://cyber.law.harvard.edu/rcs/fish.html>

Fishkin J. S. The Voice of the People: Public Opinion and Democracy. Yale University Press New Haven, 1995.

Fishkin J. S. Virtual Democratic Possibilities: Prospects for Internet Democracy. Prepared for the Conference on "Internet, Democracy and Public Goods". Belo Horizonte, Brazil, November 6-10, 2000 http://cdd.stanford.edu/research/papers/2000/brazil_paper.pdf

Fishkin J. The Case for a National Caucus // Atlantic Monthly, 1988. August. P. 16-18.

George G. The Quintamensional Plan of Question Design // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 11. No. 3. P. 385-393.

How did the participants themselves feel about the deliberation? <http://www.tomorrowseurope.eu/spip.php?article171>

Issues Deliberation Australia/America http://en.wikipedia.org/wiki/Issues_Deliberation_Australia/America

James S. Fishkin: The Hungarian Deliberative Poll, 1999 <http://www.magyaragora.org/?p=magora>

Luskin R.C., Fishkin J.C. Deliberative Polling, Public Opinion, and Democracy: The Case of the National Issues Convention. Slightly revised from a paper presented at the annual meeting of the American Political Association. Boston, MA: September 2-6, 1998. University of Texas at Austin, 2005 <http://cdd.stanford.edu/research/papers/2005/issues-convention.pdf>

Luskin R.C., Fishkin J.S. Plane Dennis L. Deliberative Polling and Policy Outcomes: Electric Unutility Issues in Texas. Draft. Prepared for delivery at the Annual

Meeting of the Association for Public Policy Analysis and Management. Washington, DC; November 4-7, 1999. http://cdd.stanford.edu/research/papers/2000/utility_paper.pdf

Merkle D.V. Review: The national issues convention deliberative poll // Public Opinion Quarterly. 1996. Vol. 60. No. 4. P. 588-619.

Page B.I., Shapiro R.Y. The Rational Public. Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

Australians Deliberate and Find They Fear Muslims Less. <http://www.ida.org.au/content.php?p=dpprelease>

Presentation of the Results from the Deliberative Poll "Politics towards the Roma in Bulgaria" http://www.redhouse-sofia.org/engl/projects/p_debates/deliberative_poll_eng.html

Press release (22 October) : EU citizens accept need for pension form, resist enlargement <http://www.tomorrowseurope.eu/spip.php?article165>

Proceedings of the fifty-first annual conference of the American Association for Public Opinion Research // Public Opinion Quarterly. 1966. Vol. 60. No. 3. P. 471-513.

Stanford's Fishkin contemplates Citizens Assembly deliberative poll for California. http://snider.blogs.com/citizensassembly/2005/12/stanfords_fishk.html

Sturgis P., Roberts C., Allum N. A different take on the deliberative poll: Information, deliberation, and attitude constraint // Public Opinion Quarterly. 2005. Vol. 69. No. 1. P. 30-65.

Tomorrow's Europe. The first-ever EU-wide Deliberative Poll. Friday 12 – Sunday 14, October 2007 http://www.tomorrowseurope.eu/IMG/pdf/NOE_003-07_ENG.pdf

Trei L. Deliberative Polling inventor paves way to informed public <http://news-service.stanford.edu/news/2004/october13/jimfishkin-1013.html>

Deliberative Polling: Toward a Better-Informed Democracy <http://cdd.stanford.edu/polls/docs/summary/#results>

Warren K.F. In Defense of Public Opinion Polling. Colorado: Westview Press, 2001.

“Социальная реальность” в 2007 году

ОБЩЕСТВО

<i>Бавин П.</i> Координаты духовности: от храма до кошелька	№ 2, с. 24
<i>Бавин П.</i> Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI века	№ 4, с. 24
<i>Васильева Е.</i> “Квартирный ответ” на “квартирный вопрос”: представления россиян об идеальном жилье	№ 10, с. 26
<i>Вовк Е.</i> “Муж-добытчик” и “жена-хозяйка”: традиционные семейные роли в нормах и практиках	№ 5, с. 24
<i>Вовк Е.</i> Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение	№ 1, с. 20
<i>Вовк Е.</i> Лучше позже? Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства	№ 8, с. 32
<i>Вовк Е.</i> Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей	№ 3, с. 33
<i>Кертман Г.</i> Мы разучились нищим подавать?	№ 3, с. 47
<i>Вовк Е.</i> Несколько слов о ревности: представления и эмоциональный опыт	№ 4, с. 67
<i>Вовк Е.</i> Отношение россиян к “материнскому капиталу”: фрагменты мозаики	№ 7, с. 30
<i>Гвоздева Е.</i> Высший слой российского чиновничества: автопортрет	№ 1, с. 31
<i>Забавев И.</i> Основные категории хозяйственной этики современного русского православия	№ 9, с. 5; № 10, с. 36
<i>Иванова М.</i> Дружим ли мы с электричеством?	№ 9, с. 27
<i>Иванова М.</i> Практика заготовок на зиму	№ 6, с. 40
<i>Иванова М.</i> Престиж белого халата	№ 4, с. 31
<i>Кертман Г.</i> Спор о Пиночете	№ 1, с. 27
<i>Кертман Г.</i> Эпоха Брежнева – в дымке настоящего	№ 2, с. 5
<i>Климова С.</i> Алкоголизм: обыденные теории	№ 2, с. 30
<i>Климова С.</i> Лидер сельского кредитного кооператива как социальный новатор	№ 8, с. 32
<i>Климова С.</i> Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона: “чиновники”	№ ***, с. ***
<i>Климова С.</i> Проект “Сельское хозяйство”: оценки и пожелания крестьян	№ 5, с. 5
<i>Климова С.</i> Сельские кредитные кооперативы – между общиной и корпорацией	№ 7, с. 36

<i>Максимова В.</i> Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушения ПДД?	№ 6, с. 29
<i>Максимова В.</i> Москвичи – в собственных глазах и во мнениях сограждан	№ 2, с. 42
<i>Оберемко О.</i> Типология личных подсобных хозяйств в контексте нацпроекта “Развитие АПК”	№ 10, с. 5
Памяти Б.А. Грушина	№ 7, с. 4
<i>Паутова Л.</i> Стабильность-2007: оценки ситуации в России	№ 9, с. 34
<i>Полякова В.</i> Интернет как источник новостей: сильные и слабые стороны	№ 9, с. 27
<i>Преснякова Л.</i> Инвестиционно-сберегательные инструменты: практический опыт и предпочтения россиян	№ 3, с. 7
<i>Преснякова Л.</i> Предвыборный пасьянс: те же плюсы “Справедливая Россия”	№ 4, с. 5
<i>Преснякова Л., Стребков Д.</i> Азы финансовой культуры. Представления об инвестировании в акции	№ 7, с. 30
<i>Рогозин Д., Солодова И., Турчик А.</i> Типичное и особенное в жизни школьного учителя информатики	№ 6, с. 5
<i>Фень Е.</i> Образ студента: обстоятельства времени	№ 5, с. 46
<i>Шмерлина И.</i> Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование”	№ 1, с. 5; № 2, с. 49
<i>Шмерлина И.</i> Кого отбирает “естественный отбор”	№ 10, с. 22
<i>Шмерлина И.</i> О трудовых ценностях и привычке к работе (заметки по материалам текущих исследований)	№ 4, с. 46
<i>Шмерлина И.</i> Подарок как “социальная вещь”	№ 5, с. 31
<i>Шмерлина И.</i> Российский журналист: деконструкция имиджа	№ 6, с. 22
<i>Шмерлина И.</i> Свободное время – навязанное пространство жизни	№ 8, с. 5
<i>Шмерлина И.</i> Что такое провинция?	№ 3, с. 30

ФОРУМ

Взаимовлияние жизни и литературной фантастики. “Круглый стол” на конференции “Басткон”	№ 6, с. 45
--	------------

<i>Володихин Д.</i> Требуется осечка... Ближайшее будущее России в литературной фантастике	№ 1, с. 79
<i>Елисеев Г., Елисеева О.</i> Ответственный класс в России	№ ***, с. **
<i>Шмерлина И.</i> Свободное время – навязанное пространство жизни	№ 8, с. 57
<i>Задорин И.</i> Антропология “прикладности”, или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе	№ 5, с. 65
И это все о нем (портрет социолога на фоне интервью)	№ 3, с. 84
К юбилею Т.И. Заславской	№ 3, с. 57
<i>Любарский Г.</i> Предательство клерков. Бауман, Фуко (Жюльен Бенуа – за скобками)	№ 1, с. 94
<i>Любарский Г.</i> Слова двух культур	№ 3, с. 58
<i>Муравьев А.</i> Социальная альтернатива русского старообрядчества	№ 10, с. 65
“Мы формировались во времена отрицания. Интервью Михаила Тарусина Борису Докторову	№ 7, с. 55
О нашем журнале (Т. Малкина, Д. Дондурей, В. Семенов)	№ 4, с. 82
“Социологический поворот в моей жизни носил несколько мистический характер” Интервью Елены Петренко Борису Докторову	№ 2, с. 79
“У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти”. Интервью Франца Шереги Борису Докторову	№ 9, с. 65
У нас в гостях Владимир Александрович Ядов	№ 4, с. 73
<i>Фирсов Б.</i> Возвращаясь на круги своя. О В.Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге	№ 8, с. 75

МАСТЕРСКАЯ

<i>Докторов Б.</i> Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады	№ 6, с. 67
<i>Докторов Б.</i> Прямые продолжатели дела отцов-основателей: Уоррен Митофски и Джозеф Ваксберг	№ 1, с. 109
<i>Каганский В.</i> Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу	№ 7, с. 81
<i>Лейзерович Е.</i> Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология)	№ 7, с. 84
<i>Оберемко О.</i> Локальная идентичность благотворителя как представление о “территории свободы”	№ 3, с. 106
<i>Ослон А.</i> Коллекция предвыборных прогнозов Фонда “Общественное мнение”	№ 9, с. 85

<i>Ослон А.</i> Мегаопросы населения России. Проект ГеоРейтинг	№ 3, с. 117
<i>Петренко Е.</i> Социологический опрос и выборка	№ 4, с. 87
<i>Петренко Е., Галицкая Е.</i> У кого сегодня синица в руках, или Попытка типологизации российских семей	№ 6, с. 82
<i>Полякова В.</i> Изменение социальной роли экспертного знания	№ 5, с. 77
<i>Рогозин Д.</i> Тестирование вопросов о социальном самочувствии	№ 2, с. 97
<i>Рогозин Д., Яшина А.</i> Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью	№ 5, с. 86
<i>Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н.</i> Когнитивные и коммуникативные особенности ответа на вопрос	№ 8, с. 81
<i>Чеснокова В.</i> Фердинанд Теннис. Община и общество	№ 3, с. 90
<i>Чуриков А.</i> Случайные и неслучайные выборы в социологических исследованиях	№ 4, с. 89
<i>Докторов Б.</i> Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения	№ 10, с. 81

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...	№ 1, с. 48; № 2, с. 48; № 3, с. 46; № 4, с. 85; № 5, с. 45; № 6, с. 28; № 8, с. 31; № 9, с. 547; № 10, с. 63
<i>Бавин П.</i> Кто такой патриот?	№ 6, с. 65
<i>Вовк Е.</i> Аренда жилья	№ 5, с. 75
<i>Вовк Е.</i> Дети и подростки – пользователи Интернета	№ 8, с. 79
<i>Вовк Е.</i> Мобильная связь: вращение в повседневность	№ 1, с. 121
<i>Вовк Е.</i> Пьянство в России	№ 1, с. 120
<i>Вовк Е.</i> Отношение россиян к платному телевидению	№ 10, с. 63
<i>Вовк Е.</i> Реклама на телевидении	№ 2, с. 77
<i>Вовк Е.</i> Сколько детей иметь в семье	№ 2, с. 41
<i>Вовк Е.</i> Фальсифицированные товары в сегодняшней торговле	№ 4, с. 81
<i>Вовк Е.</i> Хлеб	№ 1, с. 107
<i>Преснякова Л.</i> Отношение россиян к секс-меньшинствам	№ 5, с. 63
<i>Шмерлина И.</i> “Охота к перемене мест...”	№ 8, с. 55
<i>Шмерлина И.</i> Отдавать ли ребенка в детский сад?	№ 9, с. 63
<i>Шмерлина И.</i> Продукты питания – отечественные и импортные	№ 2, с. 23

Шмерлина И. Профессия: врач	№ 2, с. 29
Шмерлина И. Собаки и их владельцы	№ 10, с. 35

ЦИФРЫ

2007 год: итоги и оценки	№ 10
“Доступное жилье” – доступно ли?	№ 9
ИРО Роснефти, Сбербанка и ВТБ: информированность и отношение россиян	№ 4
Алкоголизм: распространенность и отношение	№ 1
Армия и родительские комитеты	№ 2
Безопасность дорожного движения и ужесточение наказаний за его нарушение	№ 4
Беловежские соглашения: 15 лет спустя	№ 2
В.Путин во главе списка “Единой России”	№ 9
Выборы депутатов Государственной думы РФ: прогноз ФОМа, результаты exit-poll и итоги выборов (ЦИК)	№ 9
Доллар в России	№ 1
Заготовки на зиму и их значение для рациона россиян	№ 5
Закон “О розничных рынках”: что изменилось?	№ 8
Закон о среднем образовании	№ 9
Зарплата на пластиковые карточки	№ 2
Здоровье россиян и проблемы с давлением	№ 4
Идеальное жилье в представлении россиян	№ 5
Интерес к избирательной кампании	№ 10
Иран: представления о стране и отношение к ее ядерной программе	№ 4
Как добиться успеха в жизни?	№ 8
Лекарства в аптеках	№ 3
Любовь и ревность	№ 2
Межнациональные конфликты в российских регионах	№ 3
Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы	№ 8
Октябрьская революция: последствия для страны и роль в жизни семей	№ 10
О реформе системы социальных льгот	№ 9
Обеспокоенность россиян ситуацией с коррупцией	№ 7
Отношение к выборам и неучастию в них	№ 6
Отношение к Госдуме и интерес к ее деятельности	№ 4
Отношение к невозврату кредитов	№ 5

Отношение к переездам	№ 10
Отношение к просящим милостыню	№ 3
Оценка работы В. Путина на посту президента	№ 10
Оценки вектора развития страны	№ 5
Оценки динамики ситуации в регионе	№ 1
Переезд за границу: за и против	№ 7
Платные медицинские услуги в жизни сегодняшних россиян	№ 9
Повышение цен на хлеб	№ 7
Подарки желанные и нежеланные	№ 1
Права и свободы	№ 10
Представления об имидже России в мире	№ 6
Представления россиян о политических партиях	№ 3
Профессия: журналист	№ 6
Профессия: риелтор	№ 7
Распространенность мобильных телефонов	№ 9
Рождество в России: смыслы, эмоции, традиции	№ 1
Роль и место России в мире	№ 8
Россияне и работа	№ 2
Россияне о занятиях спортом и хорошей физической форме	№ 5
Россияне о своем свободном времени	№ 6
Сбербанк России: клиенты и потенциальные акционеры	№ 2
Сбережения россиян	№ 4
Состояние и динамика российской экономики	№ 7
Стабильность и перемены в России	№ 5
Страна и люди: планы и перемены	№ 8
Телефон в повседневной жизни россиян	№ 3
Удовлетворенность собственной жизнью	№ 6
Успех как ценность	№ 8
Участковые милиционеры	№ 10
Учет и планирование расходов в российских семьях	№ 3
ФОМ-Украина: рейтинги политиков и партий, оценки ситуации и ожидания жителей Украины	№ 1
Фондовый рынок и акции: осведомленность и заинтересованность россиян	№ 6
Электоральные рейтинги	№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
Эмоции в жизни россиян	№ 7

Авторы номера...

Борис Докторов
Доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант

Елена Васильева
Специалист Фонда “Общественное мнение”

Алексей Муравьев
Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Секретарь редколлегии журнала “Христианский Восток”

Иван Забаев
Кандидат социологических наук, старший преподаватель ГУ–ВШЭ, ПСТГУ

Ирина Шмерлина
Кандидат философских наук. Старший специалист Фонда “Общественное мнение”. Старший научный сотрудник Института социологии РАН

Олег Оберемко
Кандидат социологических наук. Старший научный сотрудник Института социологии РАН. Доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и “АРЗИ”, стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова. 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2